

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ВРЕМЕНИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 22

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
Ленинградское отделение
1988

Редколлегия:

академик Д. С. ЛИХАЧЕВ,
В. Э. ВАЦУРО, С. А. ФОМИЧЕВ

Рецензенты:

Я. Л. Левкович, Л. Н. Назарова

В $\frac{4603010101-785}{042(02)-88}$ 329-88-IV

ISBN 5-02-027961-7

© Издательство «Наука», 1988 г.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двадцать второй выпуск «Временника Пушкинской комиссии» сохраняет традиционную структуру и посвящен итогам изучения и популяризации жизни и творчества Пушкина в 1984 г.

Первый раздел, «Материалы и статьи», открывается статьей С. А. Фомичева «Рисунки Пушкина и творческий процесс», в которой намечаются общие проблемы современного изучения пушкинской графики. Здесь же публикуется статья Л. Г. Горбцовой, выявляющая значение пушкинской поэзии для становления русской классической оперы.

Во втором разделе, «Обзоры», печатается продолжение аннотированного указателя пушкиноведческой литературы (за 1984 г.; составитель В. В. Зайцева). В помещенной в этом же разделе статье С. В. Шумихина, основанной на новых архивных материалах, приводятся сведения о посещении Пушкиным Московского Благородного собрания, о неизвестных ранее встречах его и знакомствах с целым рядом лиц.

Традиционно разнообразен по тематике третий раздел, включающий сообщения и заметки, посвященные отдельным моментам пушкинской биографии, текстологическому, историко-литературному и реальному комментарию различных произведений Пушкина, пушкинскому окружению, портретам поэта и произведениям, ему посвященным. Открывается раздел заметкой А. И. Фрумкиной о вновь найденном автографе Пушкина — приписке его на перечне книг, поступивших к нему из Полотняного завода (документ хранится в Отделе рукописей Государственного музея А. С. Пушкина в Москве).

В разделе «Хроника» содержатся новые сведения о памятниках Пушкину, о балете на тему его произведения. Здесь же помещен традиционный обзор материалов о Пушкине, появившихся на страницах газет в 1984 г.

Выпуск завершается указателем имен и указателем произведений Пушкина.

Все цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не оговаривается особо, даются, как и ранее, по Полному собранию

сочинений А. С. Пушкина (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949); при этом римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы (дополнительный, «Справочный том», вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII). Указания на архивохранилища даются в издании сокращенно (см. редакционную заметку «К сведению авторов, посылающих свои статьи во „Временник Пушкинской комиссии“», опубликованную в выпусках 18-м и 19-м (Л., 1983; Л., 1985). Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в особом фонде (фонд 244, оп. 1), даются также сокращенно: ПД, далее указывается лишь номер автографа, а в случае необходимости — соответствующий лист рукописи.

І. МАТЕРИАЛЫ И СТАТЬИ

С. А. ФОМИЧЕВ

РИСУНКИ ПУШКИНА И ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В последние годы исследование рисунков Пушкина по сути дела выросло в особую отрасль пушкиноведения, которая пытается нащупать некие новые пути осмысления творческого процесса, проникнуть в тайнство рождения поэтического слова. Соотношение графики и поэзии Пушкина сформулировано было еще А. М. Эфросом в его первой книге, посвященной рисункам поэта: «... пушкинский рисунок возникал не как самоцель, но в результате бокового хода той же мысли и того же душевного состояния, которые создавали пушкинский стих. Пушкинский рисунок появлялся в творческих паузах, в малых перерывах стихописания, в минуты критической остановки, во время коротких накоплений или разрядов поэтической энергии. Пушкинский рисунок — дитя ассоциации, иногда близкой <...>, иногда очень далекой, с почти разорванной связью. Но он всегда укладывается в один из ассоциативных рядов, тянущихся вдоль возникающего стихотворения».¹

Рукописи Пушкина давно уже точно названы стенограммой творческого процесса. Графические знаки в этой стенограмме (собственно рисунки) таят заманчивую возможность зримо представить ход поэтической ассоциации от последнего зачеркнутого слова до следующей за рисунком строки.

Было бы, вероятно, неправильно относиться к графическим скинтам Пушкина как к шифру, сознательному стремлению поэта спрятать, закодировать некую информацию. Если такие рисунки и имеются в пушкинских черновиках, то они — редкое исключение, а не правило. В подавляющем же большинстве случаев дело как раз обстоит наоборот. Черновой автограф Пушкина — будь это скопление перечеркнутых слов и строк или же вереница портретов, деталей пейзажа, арабесок и т. п. — прежде всего подчинен цели найти наиболее адекватное выражение

¹ Эфрос А. Рисунки поэта. 2-е изд. М., 1933. С. 18.

трудно рождающегося художественного образа. Это не шифр, а откровение. Подобно тому как поставленное под рифму слово предполагает мысленный перебор множества разнящихся друг от друга по смыслу других слов (любопытно, что в черновиках К. Ф. Рылеева, например, мы постоянно встречаем такие перечни), так и на более сложном уровне рождения поэтического образа в сознании поэта проходил ассоциативный ряд картин и понятий, отчасти сохраненный Пушкиным в его рисунках. Рисование — это, как правило, подсобный процесс, подчиненный собственно поэтическому. Об этом акценте следует напомнить: искать прежде всего в поэтическом слове разгадку рисунка, а не наоборот.

Можно ли обнаружить строгую закономерность в графическом материале? В принципе, очевидно, можно. Когда имеется предмет исследования (а пушкинские черновики представляют в этом отношении поистине благодарную почву), возможно его научное осмысление, т. е. постижение истины. Что необходимо для этого? Прежде всего строгая систематизация всего доступного материала и выработка научной методики его осмысления.

Нельзя не заметить, что в современных работах, посвященных рисункам поэта, более или менее удачных и убедительных самих по себе, в целом наметились те же тенденции, которые роковым образом во многом определяют все наше пушкиноведение. Я имею в виду эмпиризм и беллетризацию исследований.

В самом деле, даже основополагающие, классические книги А. М. Эфроса и Т. Г. Цявловской,² посвященные рисункам Пушкина, дающие некоторые методологические принципы изучения графического наследия поэта, в целом все же вдохновлены пафосом первооткрывателей нового континента — большая часть этих книг посвящена новым атрибумам. То же мы видим и в современных работах, посвященных пушкинским рисункам.

Для сравнения упомяну о работе К. А. Баршта, защищенной в Пушкинском Доме в качестве кандидатской диссертации: «Роль и значение графики Ф. М. Достоевского в его литературном творчестве». Не бесспорная в отдельных выводах, эта работа обладает несомненной систематизирующей ценностью. Три главы ее — «Литературный и графический портрет в творчестве Достоевского», «„Готика“ Ф. М. Достоевского» и «Каллиграфия Ф. М. Достоевского» — дают исчерпывающую картину графического наследия писателя. В пушкиноведении такого труда до сих пор нет, хотя его необходимость вполне очевидна.

Прежде всего нужно издать полный каталог рисунков Пушкина, первые подступы к созданию которого в настоящее время осуществляет Р. Г. Жуйкова. Первый раздел этой работы, «Автопортреты Пушкина», был опубликован во «Временнике Пушкинской комиссии» (Л., 1985). Здесь зарегистрирован (с точным

² Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд., пересмотр. и расширенное. М., 1980.

указанием местоположения в автографах поэта, времени создания, первых определений и публикаций) 91 автопортрет, что существенно уточняет известную книгу А. М. Эфроса «Автопортреты Пушкина» (М., 1945) и убедительно конкретизирует чрезвычайно существенное утверждение, впервые сформулированное этим исследователем относительно «одной разительной черты» в возникновении пушкинских самозарисовок: «Когда определяются их даты, то оказывается, что автопортреты в подавляющем большинстве сосредоточены в пределах одного десятилетия. Нет вовсе автопортретов, которые были бы сделаны до 1820 года, и совсем ничтожно число их после 1830-го».³ Уже это, казалось бы, частное наблюдение по сути дела ставит общую проблему: осмысление эволюции пушкинских рисунков, за которой наверняка будут проглядывать некие общие закономерности творческой эволюции Пушкина. Между тем мы до сих пор склонны к расширительному толкованию формулы, выдвинутой тем же А. М. Эфросом: «Необычайная ранняя зрелость пушкинского почерка укоротила, почти свела на нет развитие его графической манеры <...> Его рисунок — столь же неизменен. У него тоже нет истории, хотя он располагается в пределах целого двадцатилетия».⁴

Нельзя не заметить, что нечто аналогичное утверждалось относительно стиля Пушкина, но показательно, что не Пушкина-поэта, а Пушкина-прозаика. Еще П. В. Анненков заметил: «Несомненно, что по тону рассказа „Арап Петра Великого“ и „Капитанская дочка“ так схожи, как будто написаны вместе, хотя их разделяет целые 9 лет. Так с первого раза нашел Пушкин свой оригинальный стиль, чего другие не находят целую жизнь, несмотря на множество усилий».⁵ Несомненно, в такой вполне очевидной параллели между лаконичным, точным стилем пушкинской прозы и пушкинской графики есть некая сущностная связь, хотя основная масса пушкинских рисунков появляется в его стихах, а не в прозе. Но это тем не менее не снимает вопроса об эволюции пушкинской графики, как и об эволюции пушкинской прозы. Как в последней важно понять меняющуюся в творчестве писателя систему жанров, так совершенно необходимо представить в динамике и во взаимодействии различные виды графических работ Пушкина (портреты, автоиллюстрации, пейзажи, арабески, копии чужих рисунков, изображения скульптур, зарисовки различных предметов, животных и т. п.). Возможно, тогда тезис о неизменности пушкинского рисунка окажется не столь безусловным. В пушкинском автопортрете — самой ответственной части его портретной графики — такая эволюция уже выявлена. Не вызывает сомнения уже сейчас эволюция

³ Эфрос А. Автопортреты Пушкина. М., 1945. С. 41.

⁴ Эфрос А. Рисунки поэта. С. 31.

⁵ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 193.

пушкинского пейзажа, как и неоднородное содержание его автоиллюстраций (например, в «Руслане и Людмиле», с одной стороны, и в «Кавказском пленнике» и «Цыганах» — с другой). Различная насыщенность автоиллюстрациями тех или иных произведений Пушкина (например, «Тазита» и «Медного всадника») уже сама по себе не может не вызывать интереса. Принципиально различны автоиллюстрации в черновых автографах (например, в «Полтаве») и в беловиках («Домик в Коломне», «Андрей-жело»), причем в последние годы жизни Пушкин чаще иллюстрирует последние.

Сказанное подчеркивает, насколько важно в каждом случае анализировать рисунок Пушкина не только в контексте всего автографа (это обязательное правило!), но и в общей перспективе его графических работ, которую, однако, еще предстоит четко обозначить и детально описать. Думается, что когда это будет сделано, то обнаружится одна очень интересная закономерность пушкинского творчества: замыслы многих произведений Пушкина сначала возникли в графической форме («Кинжал», «Певец Давид был ростом мал», «Медный всадник» и др.).

Статьи о рисунках Пушкина в последнее время появляются преимущественно в популярных изданиях (в газетах и литературных журналах) и делятся на две категории. Первая посвящена атрибуции пушкинских зарисовок, прежде всего портретных. Статьи второго рода носят концепционный характер, в них обычно анализируются не отдельные рисунки, а целая страница черновых рукописей Пушкина — с целью выявления графического отражения творческого сознания Пушкина.

Остановимся на методике этих двух категорий статей.

Нельзя не заметить, что статьи первого рода в большинстве случаев строятся по одному плану. В них демонстрируются рисунок Пушкина и его живописный или графический аналог, что позволяет автору энергично (зачастую в объеме одного краткого абзаца текста) обозначить общие признаки, по которым можно произвести атрибуцию (большой нос, тонкие губы, твердый подбородок и т. п.), а далее идет пространный рассказ о взаимоотношениях Пушкина с тем лицом, которое он зарисовал, что, как вполне очевидно, не имеет прямого отношения к атрибуции. Популярный характер таких публикаций избавляет авторов от необходимости научного аппарата. Не потому ли некоторые портреты Пушкина насчитывают в настоящее время до пяти-шести различных атрибуций? Здесь было бы необходимо также дать исчерпывающий иллюстративный материал — привести все рисунки Пушкина данного типа: делая рисунок обычно наскоро, почти механически, Пушкин, как правило, обнаруживает стойкую приверженность к одной и той же формуле определенного лица, будь то Рылеев, Кюхельбекер, Д. Давыдов и пр., — каждое отступление от такой нормы требует самостоятельного анализа. Равно необходим и исчерпывающий, а не представленный выборочно иллюстративный материал для сравнения.

Определенная трудность портретных атрибуций проистекает оттого, что Пушкин в подавляющем большинстве случаев рисует лицо в профиль, в то время как для сравнения поневоле привлекаются живописные и графические изображения в фас. Здесь уже заложена возможность пристрастной, необоснованной оценки сходства. Скажем, в свое время казалась убедительной атрибуция Т. Г. Цявловской, которая обнаружила среди пушкинских рисунков портрет Е. А. Баратынского, однако после работы В. Г. Загвозкиной,⁶ отталкивающейся от профильного автопортрета Баратынского, выяснилось, что пушкинская формула этого лица совершенно иная, нежели в атрибуции Т. Г. Цявловской. Преимущество профильных портретов, привлекаемых для сравнения, несомненно. Г. Ф. Парчевский для твердых оснований новых атрибуций предлагает также использовать скульптурные портреты, позволяющие безошибочно выявить линию профиля.⁷ Однако само собой разумеется, что в случаях отсутствия прижизненных профильных и скульптурных портретов того или иного лица в качестве материала для сравнения можно привлекать и изображения в фас. Известно, например, что сам Пушкин постоянно «разворачивал» фас в профиль: так возникают в его черновиках портреты лиц, которых он видел только на гравюрах, — Марат, Занд, Лувель, Тассо и пр. Ряд такого рода пушкинских зарисовок, по-видимому, еще не вполне исчерпан; в этих случаях привлечение в качестве сравнительного материала портретов в фас оправдано (такими их только и видел Пушкин). Что же касается лиц, известных поэту по живому общению, то здесь вероятность атрибуционных ошибок резко повышается, ее, несомненно, можно уменьшить, выработав научную методику разворота фаса в профиль, пойдя в этом отношении, в частности, на учебу к криминалистам.

И еще одно замечание об атрибуциях. Хорошо известно, что зачастую Пушкин делает беглую зарисовку того лица, которое упоминается в данном произведении. Так возникают профили Мицкевича в черновике стихотворения «Он между нами жил...», Натальи Гончаровой — в черновике письма к Бенкендорфу о предстоящей женитьбе, Катерины Вельяшевой — в стихотворении «Подъезжая под Ижору», Баратынского — в статье о нем, О. Коцебу — в стихотворении «Завидую тебе, питомец моря смелый» и т. д. Думается, что фронтальное обследование всех рукописей Пушкина под этим углом зрения выявит еще много портретов тех лиц, которым эти произведения посвящены. Здесь, по-видимому, должна действовать закономерность, выявленная С. М. Бонди при анализе черновиков пушкинской лирики: доказано, что нижний слой текста, как правило, насыщен прямыми автобиографическими реалиями, которые при окончательной от-

⁶ Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 37—46.

⁷ См.: Парчевский Г. Ф. Два портрета знакомого Пушкина В. С. Огонь-Догановского // Панорама искусства. М., 1980. Вып. 3. С. 223—226.

делке стихотворения зачастую скрадываются, переводятся из бытового ряда в высокий лирический. В этом плане, очевидно, правомерно рассматривать и зарисовки в пушкинских черновых ав-

Рисунки А. С. Пушкина в рукописи плана поэмы об Олеге. (ПД, № 831, л. 46).

тографрах, часто равные по значению нижнему слою чернового текста.

Следует обратить внимание на хронологическую некорректность портретных атрибуций. Вполне очевидно, что, прежде чем высказать то или иное предположение на этот счет, необходимо точно взвесить, а знал ли, видел ли к тому времени Пушкин лицо, которое в данном случае исследователем атрибутируется.

Ошибки подобного рода довольно часты, от них не застрахованы, как выясняется, и опытные исследователи. Так, нельзя отождествлять лицо, нарисованное на л. 8 второй масонской тетради (ПД, № 835), с А. Н. Вульфом, так как этот лист заполнен в Одессе, в марте 1824 г., до знакомства Пушкина с ним. Так же ошибочно (это показала Р. Г. Жуйкова) определение Воронцова в рисунке 1821 г., сделанном до знакомства поэта с графом. В обоих случаях рисунки возникали одновременно с текстом.

Еще более сложные задачи встают перед авторами тех статей, которые я выше назвал концепционными. Определить причудливый бег пушкинских ассоциаций действительно очень и очень нелегко. Очевидно, в таких случаях нужно отталкиваться от простейших примеров, которые могут показаться не слишком интересными, лишенными захватывающего сюжета, некоего таинства.

Обратимся, например, к л. 46 первой кишиневской тетради (ПД, № 831); здесь имеются четыре черновых наброска: начало письма на французском языке, план поэмы о разбойниках, две стихотворные строки («Одна черта руки моей, И ты довольна, друг мой нежный») и план произведения об Олеге и Игоре («Олег — в Византию — Игорь и Ольга — поход»). В нижней части листа — портреты Марата (два), Занда, Лувеля, женщины в короне в рост, позже прямо по текстам еще зарисовываются А. Ипсиланти, А. Кантакузин с женой (определение Г. Ф. Богача), а вверху — портрет в фас мужчины, лицо которого окаймлено бородой, смыкающейся с буйной шевелюрой, и несколько набросков портрета юноши. Над головой Марата и выше несколько раз прорисован трехугольный нож гильотины (наблюдение А. Чернова).

Ход мысли поэта здесь определяется достаточно уверенно. Основой столь разнообразной по темам графической сюиты является несомненно план произведения (поэмы?) об Олеге и Игоре (последняя запись на этом листе). Именно их лица зарисованы сверху, фигура же женщины в рост — несомненно Ольга. Но замысел поэмы на исторический сюжет — о походе на Византию — возник в представлении Пушкина в прямой связи с актуальными событиями 1821 г., с ожиданием похода за освобождение Греции от турецкого ига (ср. в плане: «в Византию»)⁸. Отсюда в черновике 1821 г. изображение этеристов; от них же — прямой шаг к раздумьям о законности революционного насилия, о лицах, дерзнувших на него (Занд, Лувель), его пропагандирующих или же павших под «кинжалом Немезиды» (Марат); воспоминание о гильотине в связи с этим тоже понятно. Так графически нащупывается замысел, который годом позже выльется в стихотворение «Кинжал».

⁸ Такой параллелизм будет прямо выражен в позднейшем стихотворении Пушкина «Олегов щит».

В большинстве же случаев ход пушкинских ассоциаций в его графических сюитах выявить значительно сложнее. Тем не менее всегда, как мне представляется, в попытках определения такого хода необходимо обнаружить смысловые скрепы с прерванным текстом и между разными по теме группами рисунков на данном листе, а также учесть более широкий контекст пушкинского творчества (например, темы будущих его произведений, замыслы которых подчас рождались в ходе свободных импровизаций). Если такие связи и скрепы не обнаруживаются, все гипотетическое построение исследователя оказывается произвольным, как бы оно ни было интересно изложено. Необходимо особо подчеркнуть, что здесь возможна именно гипотеза, со всеми необходимыми предпосылками ее научного построения (гипотеза должна охватывать весь круг исследуемых фактов и быть по возможности простой по своему механизму, сложность построения уже предопределяет некорректность гипотезы). Посылка «могло быть и так» ничего общего с гипотезой не имеет.

Казалось бы, подобное жесткое требование закрывает путь исследования сложных ходов пушкинских поэтических ассоциаций, в каждом случае своеобразных и неповторимых. Единичное всегда наиболее трудно для научного осмысления. Тем более когда это касается столь тонкой материи, как поэтическая фантазия. Отсюда соблазн не исследования, а сотворчества. Но одно дело фантазия поэта, а другое — фантазия исследователя, каждое положение которого должно быть доказуемо; поэтому исследователь не может доверяться потоку сознания, который едва ли попадет в русло собственно пушкинских ассоциаций (такое совпадение маловероятно). Где же выход?

Приступая к самой сложной форме исследований рисунков Пушкина, претендующих на постижение законов творческого мышления поэта, мы должны отдавать отчет в том, что в данном случае выходим из области собственно литературоведения, сталкиваемся с явлением, которое может быть убедительно объяснено на современном научном уровне лишь в содружестве ученых разных специализаций: литературоведов, искусствоведов, психологов и др. Но подготовить основу для комплексной разработки данной темы должны пушкинисты, литературоведы.

Всякий путь к постижению сложных явлений начинается с азов, с выделения простейших элементов.

В разнообразных графических сюитах Пушкина выделяется несколько наиболее излюбленных им элементов, как-то: росчерки в виде парящих птиц, женские ножки, кони, элементы пейзажных зарисовок и т. п. В каждом случае, как можно предположить, это графические знаки определенных психологических состояний, направляющих ход ассоциаций. Очевидно, подобно тому как психологи определяют психологическое состояние человека по его навязчивым сновидениям, постижимы и законы творческой фантазии, также связанной с активной работой творческого со-

знания. Сам Пушкин, как известно, ясно сознавал родственность поэтической фантазии и фантазии сна:

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветром полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

Плывёт. Куда ж нам плыть?
.
.

(III, 321)

Прежде чем написать последнюю из этих строф, Пушкин уже рисует в черновике данного стихотворения ладью, покоящуюся на лоне волн, тем самым графически (до того, как это будет закреплено в поэтическом слове) обнажая привычную для него ассоциацию — поэзии (вообще поэтического воспоминания) с кораблем.

Нельзя не заметить, что эти графические знаки — корабль, лодка, ладья — настойчиво возникают в пушкинских рукописях, когда в них разрабатывается или предвосхищается тема воспоминания, поэтической фантазии. Так, прямой иллюстрацией к тексту кажется изображение лодки в черновике стихотворения «Когда порой воспоминанье», обрывающегося на строках «Сюда погода волновая заносит утлый мой челнок» (здесь же рисуется лодка с гребцом, отраженная в воде). На самом деле, как мне представляется, сами последние строки эти появляются как закономерный ход образной, закрепленной в сознании Пушкина ассоциации: творческая фантазия — плавание. Поэтому не удивляет появление рисунка парусника в октавах «Пока меня без милости бранят», позже развившихся в поэму «Домик в Коломне», начало которой посвящено разговору о поэтическом ремесле, или же изображение корабля в черновике стихотворения «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день. . .»); здесь же, между прочим, мы находим изображение трубы невогого парохода и паруса — перед правым обрезом листа. А впервые рисунок лодки у Пушкина появляется еще в лицейской тетради (ПД, № 829), на л. 62, среди строк окон-

чания третьей песни поэмы «Руслан и Людмила». Т. Г. Цявловская предположила, что эта зарисовка иллюстрирует строки:

... за восточными горами
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч...

(IV, 47)

Едва ли это так: процитированные строки находятся в середине третьей песни, а зарисовка появляется в конце ее — в момент

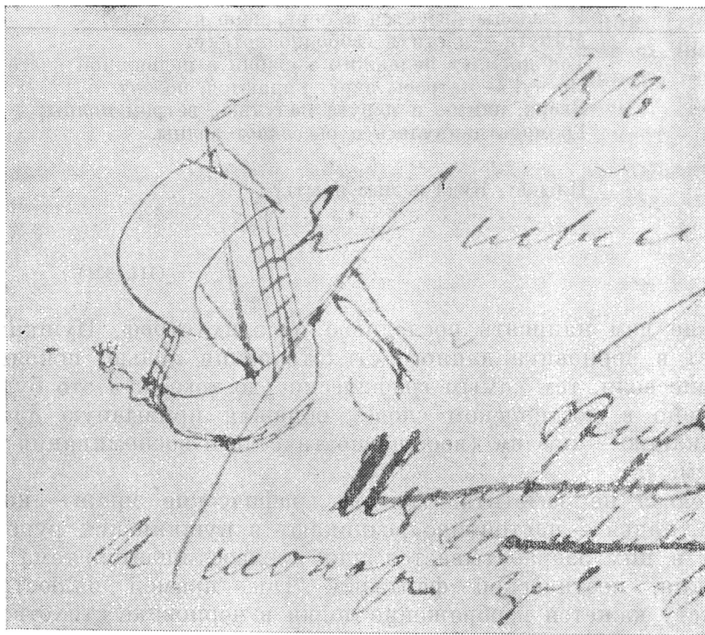

Рисунок А. С. Пушкина в рукописи стихотворения «Воспоминание». (ПД, № 838, л. 15).

раздумий о дальнейшем ходе поэмы («Куда ж нам плыть...»).

Между прочим этот графический мотив свидетельствует, что и рисунок и поэтическое слово у Пушкина по сути родственны: как показывает анализ лирики Пушкина, поэт, редко бывавший на море, был одним из самых плодотворных в русской литературе поэтов-маринистов.

Такое выделение простейших графических знаков, связанных с определенным направлением ассоциаций, по-видимому, очень перспективно и требует исчерпывающей систематизации. В этом же ряду, очевидно, находятся и зарисовки конкретных предме-

тов: ср., например, превосходный анализ в главе «Невольник чести беспощадной...» пушкинских зарисовок пистолета, принятый в книге Т. Г. Цявловской, которая показала, что этот графический мотив прямо связан с критическими моментами пушкинской биографии, когда он был готов отстаивать свою честь ценою жизни.

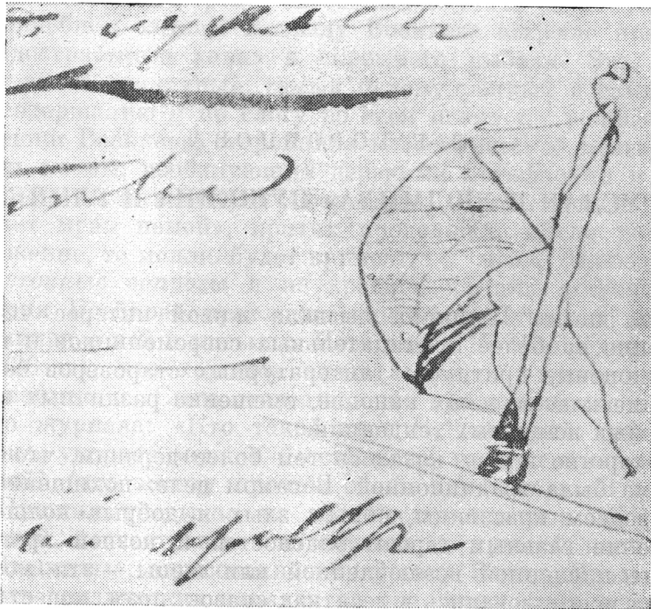

Рисунок А. С. Пушкина в рукописи стихотворения «Воспоминание». (ПД, № 838, л. 15).

Несмотря на множество работ, посвященных рисункам Пушкина, мы — и это необходимо отчетливо осознавать — находимся еще в начале данного особого направления современного пушкиноведения. Само же это направление чрезвычайно перспективно и — позволю себе высказать такое предположение — может быть, намечает новые горизонты литературоведения, которое, однако, требует применительно к самому предмету исследования тесного взаимодействия с другими науками.

Л. Г. ГОРОБЦОВА

«РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» ПУШКИНА И ГЛИНКИ

1

Первая поэма Пушкина вызвала живой интерес читателей, восхищение наиболее проникательных современников и противоречивую оценку критиков: ¹ литературных староверов возмутило нарушение классических канонов, смешение различных и противоположных жанровых тенденций.

Новаторство поэмы казалось тем более дерзким, что фабульная схема была традиционной. В самом деле: похищение коварным чародеем красавицы, борьба злых и добрых волшебников, преодоление главным героем опасностей и козней врага, освобождение плененной возлюбленной или жены — эти мотивы до Пушкина использовались в десятках сказок, поэм, повестей, опер.

Но поэт в такой мере переосмыслил, преобразил эту фабульную схему и наполнил ее новым содержанием, что любая попытка установить зависимость «Руслана и Людмилы» от литературного первоисточника или нескольких сразу равно бесплодна.

Пушкин, словно поддразнивая читателей и критиков, наталкивает их на литературные ассоциации, упоминая в поэме сказки Шехеразады, сады Армиды («Освобожденный Иерусалим» Тассо), «фернейского злого крикуна» — Вольтера, «поэзии чудесного гения» Жуковского, Парни, или, не называя имени, подсказывает возможность аналогии с Ариосто или с Виландом. И не случайно многие рецензенты в 1820 г. (да и литературоведы позднейшей поры) принялись отыскивать мнимые «источники» поэмы. Этим занялся и один из первых критиков — А. Ф. Воейков. Он посвятил «Руслану и Людмиле» пространную статью, занявшую четыре номера журнала «Сын отечества».

¹ В задачу автора статьи не входит анализ полемики, вызванной «Русланом и Людмилой» в 1820 г. Это сделано с исчерпывающей полнотой в трудах пушкинистов, в особенности глубоко Б. В. Томашевским (см.: *Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 340—356*). Мы остановимся только на рецензии А. Ф. Воейкова, важной для нашей темы.

Позиция критика оказалась более чем двусмысленной. Несмотря на множество похвал таланту молодого поэта и достоинствам поэмы, рецензия содержит целый ряд мелких придирок и замечаний, свидетельствующих не только об эстетическом консерватизме критика, но и о предвзятости и сознательном намерении уязвить поэта.

Один из основных упреков, адресованных Пушкину, — избыток соблазнительных картин, способных смутить читателей (Ратмир в волшебном замке). Похвалу Воейкова вызвало превращение «сладострастного хана» в скромного рыбака. Это, по его словам, «самый приличный, самый целомудренный и самый лучший по содержанию и по слогу во всей поэме (...) эпизод».²

Насмешки Воейкова, сторонника классицистской поэтики, вызвал стиль поэмы, избыливающий дерзкими метафорами и неприличными фразеологическими оборотами. Прочитав строку «вопрошает мрак немой», критик продолжал: «Если допустить сие выражение, то можно будет написать: *мрак, делающий неблагоприятные вопросы* и не краснея на них *отвечающий*».³

Рецензия Воейкова привлекла внимание Пушкина, и он не раз вспоминал о ней в письмах. Поэт писал Н. И. Гнедичу (4 декабря 1820 г.), что хорошее впечатление от стихов адресата, опубликованных в «Сыне отечества», не примирили его с критиком этого журнала: «Кто такой этот В.,⁴ который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: *красней, несчастный?* (что между прочим очень неучтиво)». В этом же письме Пушкин указывал на невежество критика (XIII, 21).

«Красней, несчастный» — автоцитата из третьей песни «Руслана и Людмилы», адресованная будущему Зоилу. Предвидя неизбежность критического нападок на его поэму, поэт решил атаковать возможного противника первым. И, хотя на роль Зоила могли претендовать и другие рецензенты «Руслана и Людмилы», это малопочетное имя связывалось в первую очередь с Воейковым.

Рецензию Воейкова и содержащиеся в ней нелепости и ошибки Пушкин вспомнил в письме к брату (1—10 января 1823 г.), предлагая в шутку издавать специальный журнал, в котором были бы собраны литературные промахи и глупости, — «*Revue des Bévues*»: «Мы поместили бы там выписки из критики Воейкова» (XIII, 54). Благодаря Вяземского за статью о «Кавказском пленнике» (письмо от 6 февраля 1823 г.), Пушкин заметил: «Как приятно читать о себе суждение умного человека. До сих пор, читая о себе рецензии Воейкова, Каченовского»⁵

² Сын отечества. 1820. № 37. С. 147.

³ Там же. С. 149.

⁴ Статья была подписана первой буквой фамилии Воейкова.

⁵ Резко отрицательную рецензию на «Руслана и Людмилу» (Вестник Европы. 1820. № 16), подписанную псевдонимом «Житель Бутырской слободы» (автором ее был А. Г. Глаголев), некоторое время приписывали издателю журнала М. Т. Каченовскому.

и проч., мне казалось, что «я подслушиваю у калитки литературные толки приятельниц Варюшки и Буянова» (XIII, 57), т. е. девок из «веселого дома» в «Опасном соседе» В. Л. Пушкина.

О пространной рецензии Воейкова Пушкин упомянул и в предисловии ко второму изданию поэмы, иронически отнеся ее к числу «более или менее снисходительных» (IV, 280).

В 1828 г., конечно, острота оскорбительных замечаний «Зоила» сгладилась, не говоря уже о том, что в эту пору Воейков превратился в ожесточенного противника Булгарина (иное дело — в силу каких мотивов), что не могло не повлиять на отношение к нему Пушкина.

Мы не случайно задержались на рецензии Воейкова. Одно из произведений ее автора, как можно предположить, сыграло известную роль в процессе работы Пушкина над поэмой. Речь идет о стихотворном послании Воейкова к Жуковскому (1813 г.). Преимущественное внимание пушкинистов, естественно, привлек ответ Жуковского. Между тем автор «Руслана и Людмилы» не прошел мимо советов Воейкова, призывавшего Жуковского:

Соверши двенадцать подвигов:
Напиши четыре части дня,
Напиши четыре времени,
Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю, —
Будь наш Виланд, Ариост, Баян.

Выбирай, соображай, твори.⁶

Воейков хотел, чтобы Жуковский сочетал в будущем произведении героиню «Слова о полку Игореве» с мотивами поэмы сказочно-фантастической (Ариосто и Виланда) и описательной в духе Делилия.

Но слияние разнородных элементов требовало создания совершенно нового жанра, опирающегося не только на литературную традицию, но и на фольклор. И эту задачу осуществил Пушкин. Поэт запомнил советы Воейкова. Он писал А. А. Дельвигу 23 марта 1821 г. (к этому времени Пушкин уже знал, кто является автором рецензии на «Руслана и Людмилу»): «Напиши поэму славную, только не <на> четыре части дня и не четыре времени <года>» (XIII, 25—26).

Совет носит иронический характер, но это не значит, что в пору создания «Руслана и Людмилы» Пушкин столь же иронически оценил послание Воейкова. Разумеется, и тогда к описательной поэме и ее главному представителю Делилию поэт относился без особой симпатии. И в «Руслане и Людмиле» не было и не могло быть статического описания четырех времен года и четырех частей дня. Но Воейков мог натолкнуть Пушкина на

⁶ Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 278—279.

мысль о создании картин изменчивой природы. Действие в поэме развивается стремительно, при мгновенных перебросках от одного героя к другому, но поэт не забывает точно указать, в какое время года или в какую пору дня совершаются события. Они развертываются «утренней порой» и тогда, «когда день блистает лучезарный» или «тень объемлет всю природу», «побледнел закат румяный», «день багряный вечереет», «близко к полночи глухой», «при свете трепетной луны», «наступает тьма ночная».

Ночью похищает Черномор Людмилу, ночью Руслан побеждает Рогдая, ночью Фарлаф смертельно ранит спящего Руслана; утром воскрешенный Финном герой освобождает осажденный печенегами Киев и пробуждает от волшебного сна Людмилу.

Столь же последовательно в поэме отражена и смена времен года: «Рощи и долины Весны огнем оживлены»; «Жар летний»; «Осенний ветра свист»; «Зима приблизилась».

В описательной поэме каждое из времен года существует отдельно, независимо от другого, описывается подробно, представляя каталог примет, характерных для весны, лета, осени и зимы. У Пушкина времена года выступают в движении, в неотрывном единстве с героями, как бы отражая их душевное состояние.

По мере усиления динамики действия самая смена времен года как бы убыстряется:

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист.

Зима приблизилась — Руслан
Свой путь отважно продолжает.

(IV, 55—56)

Но в поэме дано не только движение времен года, но сочетание в одно время весны и зимы.⁷ Царство Черномора — это мертвенный мир зимы. Вокруг его замка

Все мертво. Снежные равнины

Бунтует вихорь в поле чистом
И на краю седых небес
Качает обнаженный лес.

(IV, 30)

Но едва Людмила распаивает серебряную дверь, как попадает в мир весны, в волшебный майский сад.

В поэме Пушкина есть не только весна, лето, осень, зима, утро, день, вечер, ночь, но время как движение бытия. Опасно и губительно пренебрежение к закону времени, затрата сил на погоню за призраком. Идейным средоточием поэмы, выражением

⁷ Этот мотив встречается в славянских (в частности, словацких) сказках.

ее философской мысли является рассказ Финна о том, как он погубил жизнь, тщетно пытаясь завоевать любовь юной красавицы Наины, и был жестоко наказан судьбой, а вернее, временем, которое он не принял в расчет, и оно превратило красавицу в уродливую старуху.⁸

Как ни могущественны познания Финна, проведенного в учении у колдунов долгие годы, как ни велика колдовская власть Черномора над природой, «против времени закона» их наука бессильна.

Кара постигает Финна и Наину. А тема бессилия старческой страсти, обращенной к юности, отражена в образах Черномора и Людмилы. «Времени закон» охраняет юную княжну и помогает союзу Людмилы и Руслана.

«Времени закон» суров и по отношению к молодости, если она не совершит подвига. Это постигает Руслан, духовно обогащенный общением с Финном. Он понимает, что, если не победит Черномора и не освободит Людмилу, жизнь его будет прожита бесполезно и он повторит ошибку Финна. Только подвиг дарует человеку бессмертие.

В поэме время выступает в различных ипостасях. События ее разворачиваются в прошлом; о них поэт повествует то эпически-торжественно, то шутливо: «Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой» (IV, 7 и 85) и «Времен минувших небыллиц...» (IV, 3).

Пушкин не отделяет «дела давно минувших дней» от современности — последняя непрерывно врывается в прошлое; вернее, прошлое и настоящее выступают рядом; создавая иллюзию старины, поэт тут же ее разрушает.

Повествование перебивается ироническими комментариями, лирическими отступлениями, литературной полемикой, мнимыми автобиографическими рассказами. Повествователь — едва ли не главный герой поэмы, по временам оттесняющий остальных персонажей на задний план.

Непрестанно меняются тональность, краски, характер поэтических образов; патетика соседствует с иронией, шутка — с глубоким чувством и подлинным драматизмом.

⁸ Неоднократные попытки установить связь между образом старой Наины, преследующей страстью Финна, с литературной традицией (фея Уржелъ из сказки Вольтера «Что нравится женщинам» или волшебница Альцина из «Неистового Роланда» Ариосто) бесплодны. Тема влюбленной старухи, восходящая к древности (комедия Аристофана «Женщины на празднестве Тесмофорий») — одна из самых популярных в литературе. Но существенно не это. В поэме Пушкина юная красавица, любящая только себя, отвергает чувство молодого героя, но под воздействием чар охвачена страстью к старику. Ее физическое уродство — внешнее выражение уродства духовного. В сказке Вольтера прекрасная фея принимает облик старухи, чтоб испытать того, кого она любит. Альцина Ариосто уродлива, но с помощью чар принимает облик красавицы. Пушкин как бы вывернул наизнанку ставшую традиционной ситуацию.

Значительное место в поэме занимает пародия, вернее — полемическое переосмысление или вариация на чужую тему. Общеизвестный пример, указанный самим Пушкиным, — эпизод пребывания Ратмира в замке двенадцати дев, являющийся парафразой, но не травестией «Вадима» Жуковского. Если бы Пушкин не назвал Вадима, вся сцена Ратмира в четвертой песне поэмы воспринималась бы как самостоятельная новелла.

Сцена Ратмира в замке мнимо «непорочных дев» не единственный пример подобного переосмысления или варьирования, притом в большей мере приближающегося к пародии. Таково же продолжение или завершение повествования о судьбе Ратмира. Молодой хан неожиданно перерождается, воскресает душой, становится простым рыбаком и поселяется в скромной хижине с невинной пастушкой. Этот пасторальный эпизод, пленивший Воейкова, в контексте поэмы носит несомненно пародийный характер и направлен против жанра идиллии. Объектом пародии является не только В. И. Панаев. Возможно, что Пушкин отталкивается и от идиллических картин Батюшкова («Мои пенаты») или Жуковского.

Ратмир говорит Руслану о своем чувстве к пастушке:

Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.

(IV, 70)

Герой стихотворения Жуковского «Песня» («Мой друг, хранитель — ангел мой») обращается к возлюбленной:

Тебя любить — одна мне радость,
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.⁹

Думается, что с Жуковским в поэме связана не только тема Ратмира. Возможно, что Пушкин вспомнил сентиментальную повесть «Марьяна роща». В пользу этого предположения говорит не только имя Рогдая, — оно встречается и в летописи и во многих произведениях русских писателей первого десятилетия XIX в., — но и характеристика могучего и сурового богатыря. В повести Жуковского он жесток, ревнив. Это человек грозный, неукротимый в мщении. У него «громкозвучный голос», лицо его «сурово», во взорах «пылало мрачное пламя»; охваченный гневом, «он страшно скрежетал зубами». Сходно охарактеризован и Рогдай в поэме. Он доблестный воин. Рогдай «угрюм», свиреп, «взор его ужасный на князя мрачно устремлен»; у него «голос громовой». Он мучится «ревностью напрасной», не может сдерживать гнева и выражает его «скрипя зубами». Как и Рогдай в по-

⁹ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 79.

вести, он находит смерть в реке. В поэме Рогдай грозит Руслану: «Убью». В повести он убийца.

Существенно не только известное сходство, но и различие образов двух Рогдаев, обусловленное противоположностью творческих индивидуальностей обоих поэтов, жанра, стиля и самой концепции поэмы и повести.

У Жуковского образ Рогдая столь же условен, как и остальные персонажи; в «Руслане и Людмиле» он воспринимается как нечто чуждое, едва ли не пародийное. И поэт быстро устраняет его со сцены.

Но между повестью Жуковского и поэмой Пушкина есть и другая связь. Охваченный отчаянием Руслан «в пустынной тишине», увидев свет в пещере, входит в нее, встречает мудрого Финна, и тот указывает ему путь борьбы, победы над врагом и спасения Людмилы.

Герой повести певец Услад, чья возлюбленная убита Рогдаем, оказывается «в глуши дремучего леса, в стране ужасной и дикой... осматривается... видит вблизи сверкающий огонек... идет... глазам его представляется низенькая хижина <...> он отворяет дверь... дряхлый старик молится перед распятием¹⁰ при свете ночника». Старик «посмотрел пристально Усладу в лицо... улыбнулся <...>

— Благословляю приход твой, — сказал отшельник, — давно пророческое свидение возвестило мне его в этой пустыне <...>

— Кто ты, старец? — спросил Услад, исполненный умиления и тайного страха.

— Смиранный отшельник Аркадий, — ответил старик <...> — Здесь провожу дни свои в молитве, оплакиваю прошедшие заблуждения и спасаюсь. Приди в обитель мою <...> В ней обретешь утраченное спокойствие».

Последовав совету старца, Услад «поселился в обители Аркадия <...> Прошел один год, и Услад закрыл глаза святому отшельнику <...> Наконец и его последняя минута наступила».¹¹

Встреча Руслана с Финном выполняет в поэме важную идейно-сюжетную роль. Но при ее создании поэт, возможно, переосмыслил финальный эпизод повести, противопоставил пассивности действительность, покорности и религиозному смирению — борьбу со злом и насилием, отречению от жизни — радость бытия.

«Марьина роща» — памятник прошлого, заросший «травой забвения», «Руслан и Людмила» — произведение, обращенное в будущее.

¹⁰ На одной из иллюстраций к поэме Пушкина (1861 г., художник А. И. Шарлемань) Финн изображен молящимся перед распятием, хотя действие поэмы происходит до крещения Руси.

¹¹ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 388 и 390. «Марьина роща» впервые была напечатана в журнале «Вестник Европы» в 1809 г. (№ 2 и 3).

Повесть Жуковского, не оставив глубокого следа в памяти современников и вытесненная его лирикой, все же привлекла внимание одного из поклонников поэта. Им был молодой М. И. Глинка. Композитор писал в «Записках»: «Запала мне мысль о русской опере; слов у меня не было, а в голове вертелась „Марьяна роща“, и я играл на фортепьяно несколько отрывков сцен, которые отчасти послужили мне для „Жизни за царя“».¹²

Интерес Глинки к «Марьиной роще» объясняется складом его натуры, склонной в юности к меланхолии и чувствительности. Композитор писал в автобиографии: «По вечерам и в сумерки любил я мечтать за фортепьяно. Сентиментальная поэзия Жуковского мне чрезвычайно нравилась и трогала меня до слез. Вообще говоря, в молодости я был парень романтического устройства и любил поплакать сладкими слезами умиления».¹³ Воздействие лирики Жуковского сказалось и на стихотворном опыте, приписываемом М. Глинке, — поэме «Альсанд», опубликованной в журнале «Славянин» в 1828 г. С Жуковским связаны создание ряда вокальных произведений композитора и замысел оперы «Жизнь за царя».

С годами воздействие поэзии Жуковского на Глинку ослабевало и в творчестве музыканта все более явственно сказывалось влияние Пушкина. На тексты великого поэта им написаны такие лирические шедевры, как «Я помню чудное мгновенье», «Не пой, красавица, при мне», «Я здесь, Инезилья», «Где наша роза», «Ночной зефир», «Признание», «Заздравный кубок», «Адель», «Пью за здравие Мери».

Поэзия Пушкина безмерно расширила границы творчества Глинки, обогатила его образное содержание и тем самым подготовила создание величайшего произведения композитора — оперы «Руслан и Людмила». Основная группа пушкинских романсов Глинки написана до или во время работы над оперой, и некоторые из них являются как бы эскизами к ней.

Глинка надеялся на помощь великого поэта. В своих «Записках» он пишет: «На одном из вечеров Жуковского Пушкин, говоря о поэме своей „Руслан и Людмила“, сказал, что он бы многое переделал;¹⁴ я желал узнать от него, какие именно переделки он предполагал сделать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намерения».¹⁵

Слова Пушкина, приведенные Глинкой по памяти пятнадцать лет спустя, нельзя понимать как согласие написать либретто, а именно так пытались их истолковать некоторые музыковеды.

¹² Глинка М. И. Литературное наследие. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 151.

¹³ Там же. С. 96—98.

¹⁴ В рукописи зачеркнуто: «если бы теперь».

¹⁵ Глинка М. И. Литературное наследие. Т. 1. С. 180.

Поэт хотел сказать, что он бы многое переделал в поэме, «если бы теперь» к ней вернулся. Но это было невозможно для Пушкина на последнем, высшем этапе его творчества. В последней прижизненной публикации поэмы (1-я часть «Поэм и повестей Александра Пушкина», 1835) автор не внес в нее переделок.

Сценарий и текст оперы были написаны Глинкой и его либреттистами после смерти поэта. Памяти его Глинка посвятил вторую песнь Баяна (первое действие).

Многое в опере по сравнению с поэмой изменено. Исключен Рогдай, безымянная и безмолвная пастушка превратилась в жену Ратмира Гориславу. Действие развивается последовательно, нет мгновенных переключений событий и лирических отступлений, отсутствует столь характерная для поэмы ирония.

Определяя отличие оперы от поэмы, музыкальный критик Г. Ларош писал: «Сказка Пушкина взята <...> с самой серьезной стороны; легкая усмешка <...> превращена в глубокое благоговение перед нашей поэтической стариной».¹⁶

Возникает вопрос: если произведение Глинки столь существенно отличается от литературного прообраза, можно ли считать оперу верным воплощением поэмы? И некоторые музыкальные критики, в том числе А. Н. Серов, отвечали на данный вопрос отрицательно. Конечно, это неверно. И не только потому, что создатель оперы не иллюстрирует, не переводит рабски покорно на музыкальный язык то, что написано поэтом. Он творит свободно. Это подтверждает история музыкального театра.

«Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского во многом (не только в фабульном отношении) отличаются от вдохновивших их романа и повести, и тем не менее мы не властны, да и не хотим отделить пушкинские образы Татьяны, Ленского, Германа и Лизы от музыки. То же следует сказать о «Борисе Годунове» Мусоргского и о других великих произведениях на темы Пушкина.

Но как это ни парадоксально, в оперном воплощении «Руслана и Людмилы» именно потому, что композитор глубоко пересмыслил поэму и отошел от точного воспроизведения ее структуры, он приблизился к Пушкину.

Нельзя забывать о том, что в течение двадцати лет, отделяющих появление юношеского произведения поэта от оперы, произошли огромные события в общественной жизни, в развитии русской литературы и искусства, в их движении к реализму, историзму, народности. В утверждении этих основополагающих начал решающая роль принадлежала Пушкину. Возврат к «Руслану и Людмиле» был невозможен для автора «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и «Медного всадника».

Вспомним приведенные Глинкой слова Пушкина. Обратившись к поэме, композитор как бы выполнил то, чего не осуществил поэт. Вернее, создавая оперу, он соотнес ее с поэзией

¹⁶ Ларош Г. А. Избр. статьи. Л., 1974. Вып. 1. С. 119.

Пушкина зрелой поры, а в воплощении сказочных образов шел от пролога к поэме, написанного в 1828 г. Глинка сообщил образам действующих лиц психологическую глубину, эмоциональную содержательность, приблизив музыку речитатива Руслана:

О, поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями...

(IV, 42)

к философским раздумьям лирики Пушкина 1830-х годов.

Не прибегая к цитированию русского песенного фольклора, Глинка гениально воссоздал интонационный строй народной песни и подлинный дух русской старины. Однако в музыке оперы воплощена не только русская стихия, но и мир востока (Ратмир, «Персидский хор» в III акте и гениальная хореографическая сюита IV действия). Глинка перенес замок Черномора с севера на юг. Подобно создателю «Бахчисарайского фонтана», композитор открыл для русского искусства новый мир — не условно ориентальный, но подлинный и дотоле неведомый.

Внимание композитора сосредоточилось не на приключениях героев, а на теме поисков смысла жизни, на утверждении деяния во имя высокой цели — победы света над тьмой, добра над злом. Баян в опере на свадебном пиру утверждает:

За благом вслед идут печали,
Печаль же радостей залог...

Глинка, быть может, вернее и глубже многих постиг идейно-философский смысл сцены встречи Руслана с Финном и рассказа волшебника о горестном опыте напрасно затраченной жизни. «Баллада Финна» (так назвал композитор этот рассказ) — идейный центр оперы. Исповедь старика не сводится к призыву не повторять сделанных им ошибок или к побуждению Руслана к борьбе. Финн помогает витязю постигнуть смысл бытия, преодолеть препятствия, победить коварного врага.

В опере Финн не только предостерегает Руслана от опасности, но и спасает его от наваждения (витязь попадает в волшебный замок Наины и едва не становится жертвой ее заклятий и чар). Финн спасает и Ратмира, уничтожает замок колдуньи. Финн в опере появляется в поворотные моменты действия, во многом определяет его развитие, и не случайно в финале хор запекает ему славу.

«Руслан и Людмила» — опера, в которой эпос слит с лирикой, героика со сказкой. Жанрово-стилистическое своеобразие великого произведения также, как это было и с поэмой, оказалось не понято современниками. В немалой степени этому способствовал и театр. Афиша первого представления «Руслана и Людмилы» (27 ноября 1842 г.) гласила: «Большая волшебная опера». Это же определение жанра было повторено в прижизненном

издании фортепианного переложения и посмертном издании партитуры. Можно ли на этом основании считать, что волшебной оперой назвал «Руслана и Людмилу» сам автор? Едва ли. В автобиографической заметке на французском языке, написанной для словаря Ф.-Ж. Фетиса, Глинка указал, что он сочинил оперу в фантастическом или сказочном жанре.¹⁷

Казалось бы, между определениями «волшебная», «сказочная», «фантастическая» различие не велико. На самом деле оно весьма значительно. Термин «волшебная опера» определяет театральный жанр, обладающий особой структурой. Произведения этого жанра занимали в репертуаре русского и западноевропейского театра конца XVIII и первых десятилетий XIX в. большое место.

В старых «волшебных операх» совершались разнообразные превращения и трансформации, рушились горы и мосты, разверзалась земля, реки выступали из берегов и загорались пламенем.¹⁸ В «Волшебной флейте» Моцарта, «Обероне» Враницкого и «Обероне» Вебера сценические чудеса выполняли роль, подлинную музыкальной драматургии, тогда как в «волшебных операх» Кауэра, Венцеля Мюллера и других авторов главенствовала театральная техника, зрелищное, а не сказочное начало. Не случайно в театральной практике за произведениями этого типа закрепилось название «Maschinenkomödie».

В «волшебных операх», шедших на русской сцене, зрителей привлекали театральная магия, пестрая смена приключений, легко запоминающаяся музыка, выполнявшая преимущественно служебную роль. С начала XIX в. до 30-х годов на русской сцене были поставлены десятки «больших волшебных» и «волшебно-комических» опер, в том числе «Князь-невидимка», «Днепровская русалка», «Илья Богатырь».

В 1830-х годах появляются «романтические волшебные оперы» Вебера и Верстовского, в том числе «Вадим, или 12 спящих дев». В опере повторялся с опозданием процесс, происходивший в литературе.¹⁹

Старые и новые «волшебные оперы» не сходили со сцены и после появления «Руслана и Людмилы». Глинка был хорошо знаком с произведениями этого рода. Но его опера имела с ними мало общего. Соотношение между «Русланом и Людмилей» и, скажем, «Волшебной флейтой» и «Обероном» примерно такое же, как между поэмой Пушкина и «Неистовым Роландом» Ариосто.

¹⁷ Глинка М. И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 1. С. 362. Русский перевод автобиографии, опубликованный в этом издании, не точен (это касается, в частности, слов «в фантастическом жанре», ибо французское «féerique» означает «сказочный»).

¹⁸ Термин «волшебная опера» (Zauberoper) австро-немецкого происхождения. Он встречается в письмах Моцарта, а венский драматург Ф. Раймунд называл свои сказочные пьесы «Zauberposse», «Zauberspiel», «Zaubermärchen».

¹⁹ Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что Верстовский сочинил в 1850-х годах оперу «Громобой» (поставлена в 1857 г.).

И так же как это произошло в 1820 г. с «Русланом», в 1842 г. некоторые критики увидели в великой опере запоздалый отголосок старого жанра. Немногие, в том числе В. Ф. Одоевский и О. И. Сенковский, в ту пору оценили новаторство Глинки. Так, Сенковский писал: «Каждый спрашивает: в каком роде эта новая музыка Глинки? Мы бы ответили: в *русско-сказочном роде* и советуем так назвать ее.²⁰ Вся чудная, <...> совершенно восточная фантазия русской сказки — тут, в этой повести (т. е. поэме Пушкина. — Л. Г.)²¹ и также в этой музыке».

Противопоставляя русскую сказку «германскому волшебству», Сенковский писал, что в русской «все светло, весело и все разнообразно <...> Это качество должна соединить в себе музыка для русско-сказочного сюжета, и эти же качества найдете все здесь, развитые в высшей степени и с мастерским искусством. Светлая, веселая, резвая игривость, разнообразие, необычайное и изумительное господствуют в целой партитуре».²²

Сенковский прав, говоря о русском сказочном колорите музыки Глинки. Но в ней, как и в русской сказке, есть не только веселье, резвость, но и драматизм, глубокое чувство.

«Руслан и Людмила» — это не только опера-сказка, но сказка (а в известной степени и былина) богатырская. Сенковский, подобно другим рецензентам, не заметил эпического характера музыкальной драматургии оперы, ее героики и одухотворенного лиризма. Неисчерпаемое богатство гениального произведения раскрылось много позже, когда русское искусство, в том числе музыка, поднялось на новый уровень. Можно сказать, что русские композиторы второй половины XIX в. своими произведениями, операвшимися на традиции Глинки, помогли понять величие первой оперы на пушкинский сюжет, так же как это сделали по отношению к поэту писатели.

Слова Чайковского о том, что «русская симфоническая школа вся в „Камаринской“, подобно тому как весь дуб в жёлуде»,²³ можно отнести к роли, сыгранной «Русланом и Людмилой» Глинки в развитии отечественной оперы. Отсюда прямой путь ведет к «Князю Игорю» Бородина и произведениям Римского-Корсакова. Несомненна близость образов Гориславы и Татьяны в «Евгении Онегине» Чайковского.

Произведение Глинки оказало воздействие не только на оперу, но и на симфоническую, инструментальную, хоровую музыку. Ограничимся только несколькими примерами: это оркестровая «Сказка» Римского-Корсакова (ее программа — пролог

²⁰ Сенковский был дружен с композитором и хорошо знал его творческий замысел. Возможно, что приведенные выше слова выражают взгляд композитора.

²¹ Напомним попутно, что французское «*roûte*» означает также текст оперно-драматического произведения, либретто.

²² Сенковский О. И. (Барон Брамбеус). Собр. соч. СПб., 1859. Т. 9. С. 115.

²³ Чайковский П. И. Дневники. М.; Пг., 1923. С. 214.

к поэме Пушкина) и его же кантата «Песнь о Вещем Олеге», в которой Волхв является прямым «потомком» Финна; некоторые симфонические произведения Глазунова, связь которого с традициями Глинки и Бородина чрезвычайно сильна.

Звончатые гусли Баяна слышны в инструментальной пьесе Лядова «Про старину», а сказочные образы «Руслана и Людмилы» получили своеобразное отражение в Седьмой симфонии Прокофьева.

Необходимо назвать имена выдающихся русских художников, создателей эскизов декораций и костюмов для оперы «Руслан и Людмила», — А. Головина, К. Коровина, И. Билибина, В. Дмитриева, а также артистов — О. Петрова, А. Петровой, И. Мельникова, Ф. Стравинского, Ф. Шаляпина, И. Ершова, А. Нежданову, воплотивших образы Руслана, Людмилы, Ратмира, Финна, Фарлафа.

Великое создание Пушкина и Глинки (а в нашем сознании поэма и опера неразделимы) оказало мощное оплодотворяющее воздействие на развитие русского искусства. И тем самым оно победило «времени закон».

II. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

ПУШКИНИАНА 1984 ГОДА

Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году: (Предыстория последней дуэли) / АН СССР. Сер. «Литературоведение и языкознание». — Л.: Наука, 1984. — 207 с.

Рец.:

Лотман Ю. М. О дуэли Пушкина без «тайн» и «загадок». Исследование, а не расследование. // Таллин. 1985. № 3. С. 90—99.

Агранович С. З., Рассовская Л. П. Отражение и трансформация архаических пространственно-временных представлений в стихотворении А. С. Пушкина «Анчар»: (Попытка исследования функционирования одной из универсальных категорий культуры в худож. произведении) // Поэтика реализма. Межвуз. сб. / Куйбышев. гос. ун-т. Куйбышев, 1984. С. 25—35.

Акимова Т. М. Литература и фольклор // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. / Башк. ун-т им. 40-летия Октября. Уфа, 1984. С. 100—112.

Русский фольклор в творчестве А. С. Пушкина.

Алексеев М. П. Пушкин: Сравнит.-ист. исследования. — 2-е изд. / Отв. ред. Г. В. Степанов, В. Н. Баскаков; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. — Л.: Наука, 1984. — 478 с., 1 л. портр.

Альманах библиофила: Вып. 16. — М.: Книга, 1984. — 279 с.

С. 209—238: Пушкиниана. Н. Михайлова. Судьба «Реторик» Н. Ф. Кошанского; М. Искрин. «Отрывки северных поэм». Об одной загадке Пушкина. [Комментарий к «Евгению Онегину». Предположение о знакомстве Пушкина со статьей «О северной поэзии» и заметкой о «Финских рунах»]; Н. Тархова. «Благородный и простодушный труд Голикова...».

Алянский Ю. Воспоминания на площади Искусств // Ленинградская панорама. Лит.-критич. сб. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 355—371.

Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина / Общ. ред. и вступ. ст. Г. М. Фридендера; Подгот. текста и коммент. А. А. Карпова. — М.: Современник, 1984. — 476 с., портр. — (Б-ка «Любителям рос. словесности. Из лит. наследия»).

Антокольский П. Г. «Евгений Онегин» // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. М.: Худож. лит., 1984. С. 3—21. (Классики и современники. Поэтич. б-ка).

Впервые в кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Худож. лит., 1963. С. 5—20.

Аринин В. Портрет Пушкина [работы И. Л. Линева] // Уральский следопыт. 1984. № 8. С. 49.

Арьев А. Биография писателя // Нева. 1984. № 3. С. 166—167.

- Рец. на кн.: Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1982.
- Асоян А. Шутки с жельчо пополам: Об искусстве пушкинской эпиграммы // Лит. учеба. 1984. № 4. С. 227—231.
- Ахматова А. А. О Пушкине: Статьи и заметки. — 2-е изд., доп. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. — 351 с.
- Бабаев Э. Г. Из истории русского романа XIX века: Пушкин, Герцен, Толстой. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 270 с.
- С. 10—49; Ч. 1. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Энциклопедия жанра. («Привычки бытия»; «Странствователь и домосед»; Пестрые главы). С. 236—269; Ч. 4. Великая плéяда. Последователи поэта.
- Бакиханова Г. Этюды о Гудси: А. Бакиханов и его связи с передовыми представителями России первой половины XIX в. — Баку: Язычы, 1984. — 131 с.
- С. 80—91: «Гудси и Пушкины».
- Бакунович Э. А. Дорога к Пушкину // Лит. в школе. 1984. № 3. С. 50.
- О работе кружка «Дорога к Пушкину» в школе № 39 Нижнего Тагила.
- Балакин П. Болдино // Художник. 1984. № 6. С. 39—40.
- Выставка графических работ Д. Д. Арсенина.
- Балашова И. А. Рец. на кн.: Кусов Г. И. Малоизвестные страницы кавказского путешествия А. С. Пушкина. — Орджоникидзе: Ир, 1983. — 175 с. // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. 1984. № 3. С. 109—111.
- Банчакова Е., Прохоров Ю. Литературный музей им. А. С. Пушкина в Бродзянах (ЧССР) // Рус. яз. за рубежом. 1984. № 5. С. 118—119.
- Белая Е. В. Особенности словоупотребления в прозаических миниатюрах А. С. Пушкина / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М., 1984. — 24 с.
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 19285 от 15.01.85.
- Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина / Примеч. К. И. Тютюкина. — М.: Сов. Россия, 1984. — 96 с.
- Статьи восьмая и девятая (окончание) («Евгений Онегин»).
- Белоусов Р. Рукопись продолжает рассказ // Лит. обозрение. 1984. № 6. С. 75—76.
- Рец. на кн.: Керцелли Л. Мир Пушкина в его рисунках: 1820-е гг. М.: Моск. рабочий, 1983.
- Белькинд В. Исторический роман Пушкина «Арап Петра Великого» // Рус. яз. в эст. шк. 1984. № 1. С. 3—6.
- Белякин Ю. Скульптор Михаил Аникушин. Пушкин // О прошлом память сохрани... Сб. сценариев докум. телефильмов / Сост. А. Руднев. М.: Искусство, 1984. С. 147—152.
- О работе над памятником Пушкину на площади Искусств.
- Березкин Г. Энергия пушкинского свободолюбия; Сны на кургане; «Как ударили картечью...» // Березкин Г. Звенья. Творческая индивидуальность и взаимодействие литератур. М.: Сов. писатель, 1984. С. 110—120, 120—125, 125—135.
- Впервые, под загл. «Купала и Пушкин» // Неман. 1975. № 9. С. 167—182.
- Бернаскони Л. Примите в дар... К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина // Собеседник. 1984. № 6. С. 56—59.
- Поступления в фонды Государственного музея А. С. Пушкина (Москва).
- Богач Г. Ф. Шедевр пушкинской графики: портреты Лауры Сикар // Рус. яз. в молд. шк. 1984. № 3. С. 45—50, ил. на 3-й с. обл.
- Бойко С. А. «И вот опять явилась ты...». Неизвестный портрет А. П. Керн // Сов. музей. 1984. № 4 (78). С. 68—70, портр.
- Болдинские чтения [1983] / Музей-заповедник А. С. Пушкина в с. Б. Болдино; Горьк. гос. ун-т им. Лобачевского. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. — 189 с.

Содерж.: Поэтика Пушкина. Л. С. Сидяков. «Медный Всадник» в исследованиях Н. В. Измайлова; В. Е. Хализев. Пушкинское и белкинское в «Станционном смотрителе»; В. А. Грехнев. О жанре антологической пьесы в лирике А. С. Пушкина; Н. И. Михайлова. Публицистика Пушкина — Косичкина и ораторская традиция; Г. В. Москвичева. Поэма А. С. Пушкина «Медный Всадник». (К вопросу о жанровой типологии). — Пушкинское творчество как процесс. Н. А. Тархова. Народная война в творчестве А. С. Пушкина 1820-х годов. (К истории замысла о Пугачеве); В. И. Тюпа. Сюжет «блудного сына» в лирике Пушкина; Е. С. Хаев. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина ружбежа 1820—1830-х годов; В. С. Листов. К истолкованию пушкинского автографа с десятью темами; Н. Е. Мясоедова. Болдинские полемические заметки 1830 года и пушкинский замысел автобиографии. — Литературные связи. А. Н. Николькин. Пушкинский «Джон Теннер» в системе русской американистики XVIII—начала XIX века; Е. Г. Николаева. Пушкин и Полежаев. (К проблеме литературного влияния). — Музееведение. Н. И. Попова. Предметный мир интерьерера в восприятии Пушкина; Т. Н. Евстафьева. Материалы по теме «Пушкин в работе над „Историей Пугачева“ и „Капитанской дочкой“» в собрании Государственного музея А. С. Пушкина.

Болдырев И. Рецензия читателя // Подъем. Воронеж. 1984. № 10. С. 142—143.

Рец. на кн.: Кузнецова А. «А душу твою люблю...» // Октябрь. 1982. № 2. С. 3—71.

Бонди С. М. О драмах А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Драматические произведения; Проза / Сост., авт. послесл. к прозе Е. А. Маймин; Авт. послесл. к драмам С. М. Бонди. М.: Просвещение, 1984. С. 147—176. (Школ. б-ка).

Впервые, под загл.: О драмах Пушкина; Пояснительные статьи // Пушкин А. С. Драматические произведения. М.: Дет. лит., 1967. С. 3—8, 225—253.

Бочаров С. Г. Повесть А. С. Пушкина «Выстрел» // Учебный материал по анализу произведений художественной прозы / Сост. А. Ф. Белоусов; Таллин. пед. ин-т им. Э. Вильде. Таллин, 1984. С. 21—28.

Бродская Г. Два урока // Театр. 1984. № 1. С. 22—33.

С. 23—28: I. [Постановка «Бориса Годунова» на сцене учебного театра ГИТИСа].

Бугрина Н. Поэт и его биография // Памир. 1984. № 5. С. 156—160.

Рец. на кн.: 1. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. 2-е изд. М.: Просвещение, 1983. 2. Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1981.

Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 280 с.

С. 75—87: «Пушкин—лингвист. (К постановке вопроса)» [впервые: Вестн. ЛГУ. 1949. № 6. С. 24—34]. С. 88—92: «Диалог Самозванца и Марины в „Борисе Годунове“ Пушкина» [впервые под загл.: Интонации разговорной речи в драматическом произведении. (Об одной сцене из «Бориса Годунова» Пушкина) // Учен. зап. ЛГУ. № 299. Сер. филол. Вып. 59. 1961. С. 53—58]. С. 92—95: «Как рассказала Марина Цветаева о Наталье Николаевне Гончаровой» [впервые: Рус. речь. 1977. № 2. С. 19—23].

Букалов А. «Под небом Африки моей»: 185 лет со дня рождения А. С. Пушкина. // Азия и Африка сегодня. 1984. № 6. С. 45—49.

Букалов А. Пушкин в Мадриде, Сервантес в Москве... // В мире книг. 1984. № 2. С. 56, ил.

Памятник Пушкину работы О. Ромова.

Букалов А. «Ура, мы ломим!». Пушкин в работе над «Полтавой» // В мире книг. 1984. № 7. С. 49—51.

- Букчин С. В. «... Народ, издревле нам родной» // Букчин С. В. Народ, издревле нам родной: Рус. писатели и Белоруссия. Очерки. Минск: Нар. асвета, 1984. С. 101—116.
- Белоруссия в жизни и творчестве Пушкина.
- Бурджанадзе К. В. Роль и назначение поэта-пророка в типологическом аспекте грузинской и русской поэзии XIX века: (И. Г. Чавчавадзе, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов) // Литературное содружество народов СССР / Тбил. гос. ун-т, Киев. гос. ун-т, Ин-т лит. АН УССР. Тбилиси, 1984. Т. 3. С. 140—146.
- «Пророк» Пушкина, «Пророк» Лермонтова и «Поэт» И. Чавчавадзе.
- Бутовская И. Б. Не расставаясь с великим поэтом. . . : А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой. Некоторые параллели // Веч. сред. шк. 1984. № 3. С. 48—51.
- Быстров Д. Д. Великий поэт и его время // Ленингр. панорама. 1984. № 10. С. 30, ил.
- Выставка «А. С. Пушкин и его время в изобразительном искусстве» (Ленинград, 1984).
- Васильев И. В. Там, где сердце теплеет... Пушкинские Горы // Васильев И. В. Вечера на Великой. М.: Сов. Россия, 1984. С. 69—78. (Край наш нечерноземный).
- Васильев М. Е. Музей «Святогорский монастырь». — 2-е изд., перераб. — Л.: Лениздат, 1984. — 45 с., 8 л. ил.
- Васильев Н. Л. Научная лексика как художественно-изобразительное средство в языке. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Рус. яз. в шк. 1984. № 3. С. 46—49.
- Васильев Н. Л. Особенности функционирования системы научной лексики в произведениях А. С. Пушкина // Системно-структурные отношения в языке. Саранск, 1984. С. 98—106.
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 18451 от 9.10.84.
- Веленгурин Н. Ф. Вдоль кордонной линии // Веленгурин Н. Ф. Дорога к лукоморью. Очерки о писателях в нашем крае. [2-е изд.]. Краснодар: Кн. изд-во, 1984. С. 7—39.
- Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы о прошлом; Литературные воспоминания; Записи для себя. — М.: Правда, 1984. — 574 с.
- С. 186: 44. Школьное сочинение. (Подлинный документ, из Донбасса). С. 186—188: 45. Исторические личности в поэме «Полтава» (тоже подлинное школьное сочинение). С. 276—283: Литературные записи. Моцарт и Сальери. Тбилиси, 29 апр. 1942 г.
- Вересаев В. В. Пушкин в жизни: Системат. свод подлинных свидетельств современников / Предисл. Дм. Урнова и Вл. Сайтанова; Вступ. заметки к главам и коммент. Вл. Сайтанова; Худож. Г. Сауков. — М.: Моск. рабочий, 1984. — 703 с.
- Впдова О. И. Поэтические функции элегии в лиро-эпических произведениях А. С. Пушкина: «Кавказский пленник», «Евгений Онегин». Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. / Том. ун-т им. Куйбышева. — Томск, 1984. — 16 с.
- Вплещик Б. Я. Возможные источники стихотворения Пушкина «Гусар» // Рус. лит. 1984. № 1. С. 210—211.
- Сопоставительный анализ стихотворения с повестью О. Сомова «Киевские ведьмы».
- Винокуров Е. М. А. С. Пушкин // Винокуров Е. М. Аргументы. М.: Современник, 1984. С. 8—29.
- Волович Н. У карты пушкинской Москвы // Москва. 1984. № 4. С. 172—174.
- Вспоминая Михайловское и Тригорское / Публ. А. А. Новиковой // Сов. архивы. 1984. № 5. С. 59—61.
- Публикуется письмо Ю. М. Шокальского к П. И. Воеводину от 15 ноября 1936 г.
- Высочина Е. Юбилей двух шедевров. // Вопр. лит. 1984. № 4. С. 271—273.
- Научное заседание «„Медный всадник“ в литературе и искус-

- стве», проведенное Комиссией комплексного изучения художественного творчества Научного совета по истории мировой культуры АН СССР совместно с Всесоюзным научно-исследовательским институтом искусствознания и Государственным музеем А. С. Пушкина.
- Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Л. В. Дерюгиной. — М.: Искусство, 1984. — 458 с. — (История эстетики в памятниках и документах).
- С. 43—47: «О „Кавказском пленнике“», повести. Соч. А. Пушкина». С. 48—53: «Вместо предисловия [к «Бахчисарайскому фонтану»]. Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова». С. 72—82: [«„Цыгань“». Поэма Пушкина]. С. 277—296: «Мицкевич о Пушкине». С. 305—331: «Поздняя редакция статьи „Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина“».
- Гаджиев А. Развитие очеркового жанра в русской литературе XIX века: Учеб. пособие / Азерб. гос. ун-т им. Кирова. — Баку, 1984. — 96 с.
- С. 63—93: Гл. III. Реализм «Путешествия в Арарум» и литература «путешествий».
- Ганшин В. «Навечно к Пушкинскому Дому...» // Аврора. 1984. № 6. С. 94—99, ил.
- Графическая пушкиниана Э. Насибулина.
- Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. Горького. — М.: Наука, 1984. — 319 с.
- С. 105—160: III. Время Жуковского и Пушкина.
- Гейченко С. С. Здесь Пушкин жил: Рассказ о Государственном Пушкинском заповеднике / Фото Р. Кучерова // Спутник. 1984. № 8. С. 131—140, ил.
- Из книги «Пушкиногорье».
- Гейченко С. С. На Пушкинской земле Псковщины // Агитатор. 1984. № 12. С. 44—46.
- Гейченко С. С. Там, на неведомых дорожках... // Дорогами памяти. Рассказы и очерки псков. писателей. Л.: Лениздат, 1984. С. 51—55.
- Гессен А. И. Набережная Мойки, 12: Последняя квартира А. С. Пушкина / Оформл. Н. Л. Шавшуковой; Фот. С. Иванова. — Минск: Нар. асвета, 1984. — 240 с., ил.
- Гинёва Е. Пушкинские места на гатчинской земле // Глобус. 1984. Л.: Дет. лит., 1984. С. 59—63, ил.
- Гопштейн Н. Г. Наш Пушкин: К 185-летию со дня рождения // Рус. яз. и лит. в узб. шк. 1984. № 3. С. 55—59.
- Гордин М. А. Величие «ничтожного героя» // Вопр. лит. 1984. № 1. С. 149—167.
- История замысла и создания поэмы Пушкина «Медный всадник».
- Горелов А. Подвиг поэта. А. С. Пушкин // Горелов А. Очерки о русских писателях. Избранное. 4-е изд. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 23—52.
- Впервые: Горелов А. Очерки о русских писателях. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 33—75.
- Горфункель А. Х., Николаев Н. И. Неотчуждаемая ценность: Рассказы о книжных редкостях унив. библиотеки / Науч. б-ка им. М. Горького. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 176 с.
- С. 113—117: «Альманахи пушкинской поры». С. 118—128: «Прижизненные издания Пушкина».
- Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1984. — 319 с.
- С. 254—276: Раздел 5. Пушкинский период в истории русского литературного языка.
- Грабарь И. Э. В. Тропинин. Портреты А. С. Пушкина // Юный художник. 1984. № 6. С. 40—42, ил.
- Впервые полностью: Юный художник. 1937. № 1. С. 6—8.
- Гранин Д. А. Тринадцать ступенек: Повести, эссе. — Л.: Сов. писатель, 1984. — 304 с.

- С. 3—31: «Два лика» [впервые: Новый мир. 1968. № 3. С. 214—226]. С. 32—99: «Священный дар» [впервые: Новый мир. 1971. № 11. С. 181—210]. С. 100—110: «Отец и дочь» [«Станционный смотритель»].
- Гребенникова Л. Тайна гения: Три книги о Пушкине // Семья и школа. 1984. № 1. С. 53—54.
- Рец. на кн.: 1. Гейченко С. С. Пушкиногорье. М., 1981. 2. Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1982. 3. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1983.
- Грехнев В. А. Время и пространство в посланиях А. С. Пушкина // Вопросы сюжета и композиции. Межвуз. сб./ Горьк. гос. ун-т им. Лобачевского. Горький, 1984. С. 42—53.
- Григорьян К. Н. Жуковский и Пушкин: (К эволюции русской элегии) // На путях к романтизму. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ф. Я. Прийма; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1984. С. 172—193.
- Григорьян К. Н. Пушкин в развитии литератур народов Закавказья (XIX век) // В мире отечественной классики. Сб. статей. М.: Худож. лит., 1984. С. 224—237.
- Гуревич А. М. История и современность в «Борисе Годунове» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43, № 3. С. 204—214.
- Гусев В. И. Пушкин: уроки стиля // Гусев В. И. Рождение стиля. Статьи. М.: Сов. Россия, 1984. С. 20—50.
- Впервые, под загл. «Пушкин и некоторые современные проблемы теории стиля»: В мире Пушкина. М.: Сов. писатель, 1974. С. 545—572.
- Гуткевич С. Г. Портрет пушкинского Петербурга // Ленингр. панорама. 1984. № 10. С. 31.
- Рец. на кн.: Гордин А. М., Гордин М. А. Путешествие в пушкинский Петербург. Л.: Лениздат, 1983.
- Гущо О. Р. Жизнеподobie и условность в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Метод. разработка. — Минск, 1984. — 20 с.
- Гущо О. Р. Значение художественной условности для выражения авторской позиции в романе «Евгений Онегин» // Авторская позиция в художественном произведении. Сб. науч. тр. / Мин. пед. ин-т им. Горького. Минск, 1984. С. 31—41.
- Гущо О. Р. Традиционная условность в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Метод. разработка. — Минск, 1984. — 20 с.
- Давыдов И. И. В книжном мире А. С. Пушкина // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. 1984. № 6. С. 71—72.
- Книги об Украине в библиотеке Пушкина.
- Даргомыжский А. С. Русалка. Опера в 4-х д., 6 карт. Либретто / Сост. и вступ. статья, с. 5—17, Е. Майбуровой; Худ. Т. Березенская. — Киев: Музыка Украины, 1984. — 95 с. — (Сер. «Оперные и балетные либретто»).
- Денисова И. Отчизне посвятим... // Сов. женщина. 1984. № 6. С. 34—35, ил.
- Пушкинский праздник поэзии в Михайловском в 1983 г.
- Джрбашян Э. М. Егеше Чаренц и наследие Пушкина // Литературные связи / Ерев. гос. ун-т, Ин-т лит. им. М. Абеяна АН Арм. ССР. Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1984. Т. 4. Рус.-арм. лит. связи. Исслед. и материалы. С. 61—94.
- Добровольская В. Рукой поэта // Библиотекарь. 1984. № 9. С. 45—46.
- Рец. на кн.: Керделли Л. Мир Пушкина в его рисунках: 1820-е гг. М.: Моск. рабочий, 1983.
- Домогацкий В. Н. О культурных портретах А. С. Пушкина // Домогацкий В. Н. Теоретические работы. Исследования, статьи. Письма художника. / Сост., вступ. статья, каталог и коммент. С. П. Домогацкой. М.: Сов. художник, 1984. С. 180—185.
- Написано ок. 1928—1929 гг.

- Доризо Н. Я прохожу по строчечному фронту. — М.: Современник, 1984. — 319 с.
- С. 45—47: «Благородный и светлый талант» [Жуковский и Пушкин]. С. 47—84: «Жена поэта. Полеми. раздумья» [впервые: Мол. гвардия. 1983. № 10. С. 185—216].
- Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. / Сост., биогр. очерки и примеч. В. В. Кунина. — Т. 1—2. М.: Правда, 1984. Рец.:
- Сайтанов В. // Новый мир. 1985. № 6. С. 266.
- Евгеньева Г. Пушкинскому юбилею посвящается // Рус. яз. в молд. шк. 1984. № 3. С. 50.
- Научная студенческая конференция, посвященная 185-летию со дня рождения Пушкина, в Кишиневском педагогическом институте им. И. Крянгэ.
- Евдокимова В. Памятник Пушкину в Архангельском // Художник, 1984. № 6. С. 64, ил. на 3-й с. обл.
- История памятника, выполненного в мастерской М. Д. Кутырина и установленного весной 1903 г.
- Егорова В. Образный мир Пушкина // Муз. жизнь. 1984. № 9. С. 8—9.
- О постановке опер А. Николаева «Пир во время чумы» и «Граф Нулин» в Горьковском театре оперы и балета.
- Емельянов Б., Цыпина Н. «Нашли прият надежный...» (Книги Царскоесельского лицей в библиотеке Уральского университета) // Уральский библиофил. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. С. 81—93.
- Епатко Ю. Встречался с А. С. Пушкиным // Нева. 1984. № 6. С. 203—204, портр.
- Портрет Н. Л. Манзее работы К. Ф. Эдлингера.
- Жаркевич Н. М. Рец. на кн.: Заславский И. Я. Пушкин и Украина. Киев, 1982 // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. 1984. № 2. С. 71—72.
- Жена первого поэта России: По материалам журналов «Огонек», «Юность», «Октябрь» // Спутник. 1984. № 2. С. 132—138.
- Жпжина А. Д. Воспитательное значение нравственно-эстетических идеалов Пушкина и Лермонтова: На примере любовной лирики // Коммунистическое воспитание учащихся национальной школы средствами русского языка и литературы. Сб. науч. тр. / Акад. пед. наук СССР, НИИ преподавания рус. яз. в нац. шк. М., 1984. С. 90—103.
- Жукова Е. Путешествие по набережной Мойки // Наука и жизнь. 1984. № 6. С. 48—53, ил. с. 4 обл.
- Памятные места, связанные с Пушкиным.
- Завадская Е. Дорогое лицо поэта // Искусство. 1984. № 6. С. 68—69.
- Рец. на кн.: Павлова Е. В. А. С. Пушкин в портретах. М.: Сов. художник, 1983.
- Завьялова Л. Д. Школьный музей имени А. С. Пушкина [в восьмилетней школе № 2 в г. Коврове Владимирской области] // Лит. в школе. 1984. № 3. С. 49.
- Задоркина Л. М. Музей-заповедник А. С. Пушкина Болдино. — 3-е изд., с изм. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. — 96 с., ил.
- Зеличенко Б. В домике няни [в Кобрине] // Сов. музей. 1984. № 4 (78). С. 79.
- Зельдович М. Г. Искусство как открытие истины и красоты // Пушкин А. С. Мысли о литературе и искусстве. Сб. Киев: Мистецтво, 1984. С. 5—28. (Памятники эстет. мысли).
- Зильберштейн И. С. Из разысканий о Пушкине: Парижские находки // Огонек. 1984. № 23. С. 10—14, ил.
- I. Третий лицейский рисунок [хранится в коллекции С. М. Лифаря]. II. Подарок поэта [экземпляр IV и V глав «Евгения Онегина» с дарственной надписью Пушкина О. Сомову, подаренный Лифарем в Гос. библиотеку СССР им. Ленина]. III. Мнимый рисунок

- Пушкина [и фрагмент рукописи «Капитанской дочки», напечатанные в каталоге антикварной фирмы «Штаргардт»].
- Зобов Ю. С., Пузанова Т. Н. Двадцать седьмая Пушкинская конференция // Рус. лит. 1984. № 2. С. 238—241.
- Хроника конференции 19—22 сентября 1983 г. в Оренбурге и Уральске, приуроченной к 150-летию поездки Пушкина в Оренбургский край.
- Золотоносов М. Мера глубины // Аврора. 1984. № 12. С. 116—121.
- Рец. на кн.: Лотман Ю. М. 1. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся. Л.: Просвещение, 1982; 2. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980.
- Золотусский И. П. Гоголь. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 527 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 11 (595)).
- Ч. 3. Светлые минуты. Гл. 3. Пушкин (с. 203—220).
- Иванчук И. А. Культурно-речевой быт пушкинской среды: (к проблеме влияния А. С. Пушкина на сложение норм литературно-разговорной речи) // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли (к 85-летию Г. А. Гуковского). Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 117—126.
- Икрами Д. Мосты через века // Памир. 1984. № 1. С. 140—142.
- О связи «Руслана и Людмилы» с поэмой Фирдоуси «Шахнаме».
- Исаев Е. А. День Пушкина // Исаев Е. А. Колокол света. Кн. статей-размышлений. М.: Правда, 1984. С. 277—285.
- Написано в 1983 г.
- Искрин М. «Не люблю я брани гром...» // Мол. гвардия. 1984. № 6. С. 154—157.
- Пушкин о проблемах войны и мира.
- Ищук Г. Н. Лев Толстой — читатель Пушкина // Яснополянский сборник. 1982. Статьи, материалы, публикации. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. С. 57—67.
- Казарин В. П. Проза Пушкина // Пушкин А. С. Романы; Повести. Симферополь: Таврия, 1984. С. 4—13.
- Казарин В. П. А. С. Пушкин и творческая история повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» // Вопр. рус. лит. Львов. 1984. Вып. 1 (43). С. 54—61.
- Камянов В. Постигание глубины: Мир Пушкина: новые работы о поэте // Новый мир. 1984. № 6. С. 234—248.
- В. Непомнящий. Поэзия и судьба. М., 1983. — Я. Гордиш. Гибель Пушкина. Хроника. Год 1831-й—год 1836-й. — Б. Бурсов. Судьба Пушкина. Роман-исслед. Кн. 2-я. — Работы С. Б. Рассадина о драматургии Пушкина.
- Кандель Б. Л. Указатель переводов романа «Капитанская дочка» на иностранные языки // Пушкин А. С. Капитанская дочка. 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1984. С. 297—314. — (Лит. памятники).
- Кандинский А. И. История русской музыки: В 3-х т. Т. 2. Кн. 2. Н. А. Римский-Корсаков. — 2-е изд., испр. и доп. / Моск. консерватория им. П. И. Чайковского. — М.: Музыка, 1984. — 310 с.
- С. 193—215; Гл. VIII. «Золотой петушок».
- Карп П. Всадник в бронзе и в стихах // Ленинградская панорама. Лит.-критич. сб. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 372—384.
- Памятник Петру I Фальконе и «Медный всадник» Пушкина.
- Карпентьер А. Пушкин — критик // Карпентьер А. Мы искали и нашли себя. Худож. публицистика. М.: Прогресс, 1984. С. 342—343.
- Впервые: Эль насыональ. Каракас. 1957. 18 авг.
- Касьянова А. Пушкин и Гнедич: К 200-летию со дня рождения Н. И. Гнедича // Огонек. 1984. № 10. С. 26.
- Катанов В. М. Орловские дали Пушкина // Катанов В. М. Вечерние беседы. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. С. 179—286.

- Кац Б. Вслушиваясь в «Пиковую даму»: Аналит. примеч. к наблюдениям Б. В. Асафьева // Сов. музыка. 1984. № 7. С. 52—58.
- Кацнельбоген А. Г. А. С. Пушкин и медицина // Клинич. медицина. 1984. Т. 62, № 12. С. 117—120.
- Керцелли Л. Художественная пушкиниана // Огонек. 1984. № 15. С. 25.
Ред. на кн.: Павлова Е. В. А. С. Пушкин в портретах. М.: Сов. художник, 1983.
- Кибальник С. А. Вокруг Пушкина: О некоторых несостоявшихся сенсациях и давным-давно известных «новациях» // Журналист. 1984. № 12. С. 17—18.
- Кибрик Е. А. «Борис Годунов» // Кибрик Е. А. Работа и мысли художника / Предисл. В. Кеменова, О. Верейского. М.: Искусство, 1984. С. 183—199; ил.
- О работе над «Борисом Годуновым». 1959—1964.
- Киреевский И. В. Избранные статьи / Сост., вступ. статья и коммент. В. Котельникова. — М.: Современник, 1984. — 383 с. — (Б-ка «Любителям российской словесности»).
- С. 29—39: «Нечто о характере поэзии Пушкина». С. 80—87: «Обозрение русской литературы за 1831 год. „Борис Годунов“». С. 304—305: Письмо к А. С. Пушкину от 25 окт. 1831 г. Москва.
- Киров Е. Ф., Турбат Т. Пушкинские чтения в Улан-Баторе (МНР) // Рус. яз. за рубежом. 1984. № 6. С. 120.
- Ковалева Н. Ю., Шрейдер Ю. А. Личность в культуре: О некоторых особенностях прозы А. С. Пушкина // Рус. яз. и лит. в кирг. шк. 1984. № 4. С. 56—61; № 6. С. 48—53.
- Кожухова Е. Болдино // Библиотекарь. 1984. № 6. С. 1, 62—64, ил. с. 2—4 обл.
- Колмогоров А. Н. Анализ ритмической структуры стихотворения А. С. Пушкина «Арион» // Проблемы теории стиха / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1984. С. 118—124.
- Кологривова С. В. В Пушкинской комнате // Рус. яз. за рубежом. 1984. № 5. С. 46—52.
- О работе Пушкинского клуба Института русского языка им. А. С. Пушкина.
- Колосова Н. А. Французский язык в идейно-стилевой системе пушкинских произведений: Пособие по спецкурсу / Под ред. М. Б. Борисовой. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984. — 143 с.
- Содерж.: Введение. Гл. I. Французская нетранслитерированная лексика и фразеология в языке Пушкина. Гл. II. Стилистические функции нетранслитерированных французских вкраплений в языке Пушкина. — Список принятых сокращений.
- Константинова-Витт Н. Г. Метонимический принцип лексического отбора в лирических стихотворениях А. С. Пушкина (1825—1836) // Язык и композиция художественного текста. Рус. яз. Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1984. С. 15—23.
- Кончаловская Н. «Окно поэта» // Юный художник. 1984. № 12. С. 34—36, ил.
- О работе П. П. Кончаловского над картинами «Пушкин» и «Окно поэта».
- Кончин Е. В. Былого ищущи следы... Поиски, находки, загадки, гипотезы, размышления... — М.: Моск. рабочий, 1984. — 160 с.
- С. 60—108: «Затерянные портреты Пушкина». С. 127—141: «Эта странная, затейливая судьба!» [Ксавье де Местр].
- Корниенко Н. Жизнь Пушкина продолжается // Радуга. 1984. № 3. С. 160.
- О книге И. Бокя «Ветвь пушкинского рода», рассказывающей о полтавских потомках Пушкина (Харьков, 1982).
- Косачевская Е. Из истории опубликования «Капитанской дочки»: К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина // Нева. 1984. № 6. С. 160—162.

- Костин В. М. В. А. Жуковский и А. С. Пушкин: (Восприятие англ. лит. и становление жанра рус. романт. поэмы). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Том. ун-т им. Куйбышева. — Томск, 1984. — 20 с.
- Краваль Л. Провидческий рисунок Пушкина? // Предисловие Б. Окуджавы // Юность. 1984. № 6. С. 102—105.
Попытка расшифровать рисунок Пушкина с пятью мужскими портретами с надписью Q. S. F. D. J.
- Краснов Г. В. Пушкин. Болдинские страницы. — Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. — 223 с.
Содерж.: Болдинское убежище. — Романические истории. — «Странные сближения». — IX песнь «Евгения Онегина». — Образ воспоминания. — «Заметка о холере» или замысел нового «путешествия»? — Мятенная Нева, Евгений и «кумир на бронзовом коне». — Пушкинские стихи и нижегородский читатель. (По следам одного жандармского донесения). — Вослед Пушкину. — Заключение.
- Красухин Г. Взыскательная любовь: К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Размышления о «Медном всаднике» // Москва. 1984. № 6. С. 183—194.
- Кувалина С. С. Формулы речевого этикета: (обращения, подписи) в письмах А. С. Пушкина / Челябин. гос. пед. ин-т. — Челябинск, 1984. — 45 с.
Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 17256 от 28.06.84.
- Кузнецова А. А. «А душу твою люблю...» // Собр. соч.: В 3-х т. М.: Дет. лит., 1984. Т. 3. С. 5—144.
- Кузнецова А. А. Моя мадонна: Повести [о Н. Н. Пушкиной] / Худож. М. Лохманова. — М.: Сов. писатель, 1984. — 430 с., ил.
Содерж.: Под бурями судьбы жестокой... [первые: Октябрь. 1979. № 2. С. 3—69]. — «А душу твою люблю...» [первые: Огонек. 1981. № 43. С. 25—27; № 44. С. 26—28; 1982. № 2. С. 3—71].
Рец.:
- Гусев П. По праву любви // Смена. 1984. № 14. С. 15.
Федорова Л. Без легковой укоризны // Радуга. 1985. № 8. С. 152—154.
- Кулешов В. И. Над пушкинскими страницами // Новый мир. 1984. № 5. С. 251—255.
Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л.: Худож. лит., 1982.
- Кумок Я. Я хотел бы ждать продолжения... // Телевидение. Радиовещание. 1984. № 10. С. 34—35.
Телефильм «Болдинская бессонница» на Горьковской студии телевидения (1983). Реж. Ю. Беспалов. Исполнитель И. Смоктуновский.
- Кунин В. В. Онегин жил в Париже // Кунин В. В. Библиофилы и библиоманы. М.: Книга, 1984. С. 363—406.
- Курбатов В. Онегин новыми глазами: Графическая Пушкиниана Э. Насибулина // Лит. обозрение. 1984, № 6. С. 94—95, ил.
- Лавров В. Приобщение // Простор. 1984. № 6. С. 188—195.
Образ поэта в советской литературе.
- Лакшин В. Рукопись, выхваченная из огня // Наука и жизнь. 1984. № 8. С. 124—125.
С. 124—125: «Учитель мой — Пушкин...» [запись в дневнике И. А. Шляпкина от 15 сентября 1883 г., посвященная участию Тургенева в торжествах по случаю открытия памятника Пушкину в 1880 г.].
- Лапкина Г. А. Пушкин — мыслитель, историк, художник // Нева. 1984. № 5. С. 161—163.
Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. (1833—1836). Л.: Худож. лит., 1982.
- Лацис А. Не пушкинская, но загадка // Вопр. лит. 1984. № 10. С. 186—191. См.: Временник Пушкинской комиссии. Сб. науч. тр. Л., 1986. Вып. 20. С. 194.

- Лацис А. Непрочтенные строки // Лит. учеба. 1984. № 2. С. 191—202.
К изучению текста стихотворения Пушкина «Румяный критик мой...».
- Левкович Я. Л. Письма Пушкина к жене // Рус. лит. 1984. № 1. С. 188—198.
- Леец Г. А. Абрам Петрович Ганнибал: Биогр. исслед. — 2-е изд. — Таллин: Ээсти раамат, 1984. — 192 с., 8 л. ил.
- Литвин Е. Еще раз о дипломе: Письмо в редакцию // Простор. 1984. № 9. С. 205—206.
Публикуется письмо Г. В. Чичерина к П. Е. Шеголеву от 18 октября 1927 г. (РО ИМЛИ, ф. 28, оп. 3, № 495), в котором называется возможный автор пасквиля — Ф. И. Брунов.
- Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. — Л.: Сов. писатель, 1984. — 271 с.
С. 11—13: «Крестянин, торжествуя...» [впервые: Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 12—15]. С. 14—28: «Сады Лицея» [впервые: Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. Т. 9. С. 188—194].
- Лихачев Д. С. Природа России и Пушкин // Лихачев Д. С. Заметки о русском. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1984. С. 32—35.
- Лихачев Д. С. Пушкин и мы // Огонек. 1984. № 23. С. 8—9.
- Лихоткин Г. Безвестные служители Парнаса // Нева. 1984. № 10. С. 204—205.
Рец. на кн.: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». — М.: Сов. Россия, 1983.
- Лихоткин Г. Звучали проза и стихи: Два эпизода из жизни А. С. Пушкина // Нева. 1984. № 1. С. 189—191.
О посещении Пушкиным Михайловского замка (собраний Вольного общества любителей словесности, наук и художеств).
- Лицей: Мемориальный музей.—Лусеум: Memorial museum. / Всесоюз. музей А. С. Пушкина; Ленингр. организация о-ва любителей книги. — Л.: Внешторгиздат, [1984]. — [32] с., ил.
- Лотман М., Шахвердов С. Материалы по стихосложению А. С. Пушкина. I. Алфавитный метрический и строфический индекс стихотворных произведений. — М., 1984 [на обл.: 1983]. — 70 с. — (Предвар. публ. АН СССР. Ин-т рус. яз. Проблем. группа по экспериментальной и прикладной лингвистике; Вып. 161).
- Маймин Е. А. О прозе А. С. Пушкина; Комментарии // Пушкин А. С. Драматические произведения; Проза / Сост., авт. послесл. к прозе, коммент. Е. А. Маймин; Авт. послесл. к драмам С. М. Бонди. М.: Просвещение, 1984. С. 305—328, 329—350.
- Маймин Е. А., Слинина Э. В. Теория и практика литературного анализа: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1984. — 160 с.
С. 31—45: «Жанр и композиция романа А. С. Пушкина „Евгений Онегин“». С. 138—146: «Композиция стихотворения А. С. Пушкина „К морю“».
- Майстров Л. Е. Когда скончался Пушкин? // Историко-астрономические исследования. М.: Наука, 1984. Вып. 17. С. 371—375.
- Макогоненко Г. П. Исторический роман о народной войне // Пушкин А. С. Капитанская дочка. 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1984. С. 200—232. (Лит. памятники).
- Макогоненко Г. П. Поэма М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и русский реализм 1830-х годов: Пушкинское начало в поэме Лермонтова // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Сб. статей ученых Ленинградского и Будапештского университетов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 3—33.
- Максетов К., Насурлаева З. Новое в пушкиноведении // Звезда Востока. 1984. № 3. С. 176—177.
Рец. на кн.: Нурмухамедов М. К. Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии. Ташкент: ФАН, 1983.

- Малиновский А. Д. Подпольщики Пушкинских Гор / Лит. запись О. А. Алексеева. — Л.: Лениздат, 1984. — 104 с.
- С. 3—8: «Самолеты над холмами». С. 30—34: «Михайловские роши». С. 49—52: «Вновь я посетил...». С. 52—62: «Партизанская весна». С. 62—68: «На берегах Сороти». С. 83—87: «Пушкиногорская бригада». С. 95—100: «Пушкиногорская трагедия». С. 100—103: «Домой на Родину».
- Мальчукова Т. Г. О жанровых традициях в элегии А. С. Пушкина «Воспоминание» // Жанр и композиция литературного произведения. Межвуз. сб. / Петрозавод. ун-т им. Куусинена. Петрозаводск, 1984. С. 20—43.
- Мамонтов А. И. Пушкин в Японии. / АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1984. — 328 с., ил.
- С. 284—298: Произведения А. С. Пушкина, переведенные на японский язык.
- Рец.:
Муравьева О. С. // Рус. речь. 1985. № 2. С. 99—101.
Чегодарь Н. // Новый мир. 1985. № 2. С. 268—269.
- Мандлюкова М. Х. Этнокультуроведческий комментарий к русскому художественному тексту: Из уроков по «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Рус. яз. и лит. в кирг. шк. 1984. № 4. С. 24—30; № 6. С. 17—22.
- Манн Ю. В поисках живой души: «Мертвые души»: писатель — критика — читатель. — М.: Книга, 1984. — 415 с., ил. — (Судьбы книг).
- С. 7—23: Гл. I. Пушкинская подсазка. С. 24—27: Гл. II. Первое чтение [«Мертвых душ» Пушкину].
- Мануйлов В. А., Назарова Л. Н. Лермонтов в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1984. — 224 с.
- С. 112—127: «Стихи на смерть Пушкина». С. 128—162: «В кругу друзей Пушкина».
- Марандман В. Г. История и «семейственные записки» // Театр. 1984. № 4. С. 58—63.
- «Капитанская дочка» в Оренбургском театре драмы им. М. Горького. Инсценировка А. Гетмана. Режиссер-постановщик А. Зыков. Худож. И. Сосунов.
- Марандман В. Г. Приемы изучения лирики А. С. Пушкина в VIII классе // Рус. яз. в башк. шк. 1984. № 3. С. 3—6.
- Масловская Л. Посвящено А. С. Пушкину // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1984. № 6. С. 63—64.
- Рец. на кн.: Павлова Е. В. А. С. Пушкин в портретах. М.: Сов. писатель, 1983.
- Мейлах Б. С. Судьба и загадки шедевра русской поэзии // Дружба народов. 1984. № 3. С. 235—242.
- «Медный всадник».
- Мейлах Б. С. Талисман: Книга о Пушкине. — 2-е изд. — М.: Современник, 1984. — 318 с.
- Мейлах Б. С. Творчество А. С. Пушкина: Развитие художественной системы. Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1984. — 160 с.
- Рец.:
Титаренко Е. Я. // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1985. № 5. С. 78—79.
- Месхи И. С. День рождения // Месхи И. С. Проблемы, проблемы!.. Очерки. М.: Правда, 1984. С. 41—47. (Б-ка «Огонек», № 32).
- Впервые: Огонек. 1979. № 23. С. 17.
- Милка А. П. Новое о рукописи «Интродукции» к «Пиковой даме» П. И. Чайковского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1982 / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. Л.: Наука, 1984. С. 197—207.
- Морозов В. Д. К вопросу о роли А. С. Пушкина в формировании литературно-критической программы «Московского вестника» // художе-

- ственное творчество и литературный процесс. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. Вып. 6. С. 3—22.
- Музыка — это и есть жизнь! Наш корреспондент Евгений Эпштейн беседует с правнучкой великого русского поэта А. С. Пушкина Натальей Сергеевной Шепелевой // Муз. жизнь. 1984. № 15. С. 9, фот.
- Муленкова В. Пушкин в иллюстрациях Владимира Свистальского // Искусство. 1984. № 2. С. 35—37, ил.
- Муравьева О. С. Встреча с поэтом // Нева. 1984. № 5. С. 164—165.
Рец. на кн.: Баранская Н. Портрет, подаренный другу. Л.: Лениздат, 1982.
- Мурадян И. В. Антропонимия повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Исследования структурных уровней русского и украинского языков. Одесса, 1984. С. 80—88.
Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 18000 от 21.08.84.
- Мурадян И. В. Антропонимия повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Русская ономастика. Сб. науч. тр. / Одес. гос. ун-т им. Мечникова. Одесса: Изд-во ОГУ, 1984. С. 124—130.
- Мучник Г. «Узник» Пушкина: восприятие и анализ // Рус. яз. и лит. в казах. шк. 1984. № 6. С. 31—41.
- Мясников А. Александр Сергеевич Пушкин // Великие русские люди. Сб. / Сост. В. Володин. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 10—58. (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; Вып. 6).
- Мясоедова Н. Е. Соотношение автора-повествователя и автора-персонажа в мемуарно-биографической прозе А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова // Н. А. Некрасов и русская литература XIX—начала XX вв. Межвуз. сб. науч. тр. / Яросл. гос. пед. ин-т им. Ушинского. Ярославль: Костром. гос. пед. ин-т, 1984. Вып. 71. С. 23—33.
- Нагибин Ю. М. Река Гераклита: Рассказы и повести. — М.: Современник, 1984. — 270 с., ил.
С. 106—127: «Болдинский свет» [впервые: Новый мир. 1983. № 3. С. 154—168]. С. 128—144: «От письма до письма. Вариант». [Пушкин и Февронья Вилянова. Впервые: Смена. 1982. № 14. С. 8—11].
- Назарова Г. «Коль ты к Смирдину войдешь...» // Нева. 1984. № 6. С. 185—190.
Об отношении Пушкина к книгопродавцу А. Ф. Смирдиным.
- Нардова В. А., Кручина-Богданов В. И. Пушкину на Пушкинской. Столетие первого памятника великому поэту в нашем городе // Ленингр. панорама. 1984. № 6. С. 27—30, ил.
- Невелев Г. А. Пушкин о месте погребения казенных декабристов. // Вопр. истории. 1984. № 5. С. 179—184.
Чтение зашифрованных записей Пушкина: «14 juillet 1826 Go»; «2 août 1827 J. h.»; «4 août R. J. P. jich, en songe» (Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 307, 311, 395).
- Немзер А. Восхождение к Пушкину: Заметки о пушкинстике последних лет // Лит. обозрение. 1984. № 2. С. 22—30.
- Немирович-Данченко В. И. Работа над трагедией А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1935—1937) // Немирович-Данченко В. И. Незавершенные режиссерские работы. «Борис Годунов». «Гамлет». М.: ВТО, 1984. С. 25—136.
Записи бесед и репетиций, связанных с постановкой «Бориса Годунова» во МХАТе.
- Непомнящий В. С. «Руслан ищет меч» // Библиотекарь. 1984. № 5. С. 58—62.
Литературный сценарий.
- Непомнящий В. С. Судьба одного стихотворения // Вопр. лит. 1984. № 6. С. 144—181.
Текстологический анализ послания Пушкина «Во глубине сибирских руд».
- Никаноров В. В. Лирика Пушкина на экзамене по литературе // Лит. в школе. 1984. № 2. С. 63—65.

Никитин А. Г. Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. — Пермь: Кн. изд-во, 1984. — 287 с.

Содерж.: «Род Пушкиных мятежный». Уральская стезя предков поэта. — «От Перми до Тавриды...». История двух поэтических строк. — «И встретил нас Куницын». Пермские опыты пушкинского учителя. — «Дать в награждение свободу». Тайна криптонима В. В. — «Хочу воспеть свободу миру...». Пермский список оды «Вольность». — «Рассказывал мне о своем изгнании...». Загадка пушкинской ремарки о Сперанском. — «Я поручен... наблюдению». Где письма Иннокентия о Пушкине? — «Минутной младости минутные друзья». Версия инженера Казанцева. — «Дуров — брат той Дуровой...». Два городничих с Камы. — «Спаслась Полярная Звезда». Из петербургского багажа Свизева. — «Блажен бессмертный идеал...». Стихи из альбома уральской красавицы. — «Где и что Липранди?». Вокруг тагильской находки. — «Чтобы съездить в Оренбург и Пермь...». Черновик из золотой кладовой. — «... Или в кибитке кочевой?». Что подсказали потомки Перовских. — «Замечания о бунте». Секретная рукопись Пушкина. — «Книги, взятые мною в дорогу...». Что вез Пушкин в кованом сундуке? — «Вечером слушаю сказки...». Из родословной «Золотой рыбки». — «... Откройте мне вашу тайну!». Литературная карьера горных инженеров. — «Враги его, друзья его...». К истории несостоявшейся дуэли. — «Был послан „французской академии...“ Приключения аббата Шаппа. — «... А иногда и жаркий спор». Красноуфимские находки, дополненные ленинградскими. — «... Где бы он написал поэму „Ермак“». Неосуществленный замысел Пушкина. — «Любопытные могут справиться...». У истоков «Медного всадника». — «Суть плоды ума обширного...». Урал в пушкинской «Истории Петра». — «Слядили воедино чернила». Реликвии из собрания Раменских. — «Отчего он назвал себя Очером?». Последний рассказ пушкиниста [Ю. Н. Тынянова]. — «... Вам жаль поэта...». О чем напомнили аукцион в Монако.

Никитин А. Г. Уральское путешествие Пушкина // Урал. 1984. № 8. С. 162—167.

«Черновик из „золотой“ кладовой». — Что подсказали потомки Перовских.

Никишов Ю. М. Художественное время в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки. 1984. № 5. С. 9—15.

Николаев Д. П. Сатира Гоголя. — М.: Худож. лит., 1984. — 367 с.

С. 83—121; Гл. 3. Влияние Пушкина как сатирического писателя.

Николаев Е. Полотняный Завод; Пушкин А. С. «Буду принадлежать только вам Россия / Сост. С. А. Васильчиков и В. А. Волков. М.: Современник, 1984. С. 133—136, 137—152.

Носик А., Носик Б. Рец. на кн.: Шубин Б. М. История одной болезни. М.: Знание, 1983 // Новый мир. 1984. № 9. С. 269—270.

Нурмухамедов М. К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. — Ташкент: ФАН, 1984. — 64 с.

Овчинников Р. В., Большаков Л. Н. «... По совести исполнил долг...» // Пушкин А. С. История Пугачева. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1984. С. 5—19.

Овчинников Р. В. Пугачевский атаман: К истории пушкинского расказа об аресте пугачевского атамана И. Н. Зарубина-Чики // Поиски и находки. Краевед. сб. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. С. 124—128.

Овчинникова С. Т. Воспоминания о Царском Селе // Дошк. воспитание. 1984. № 6. С. 55—57.

Овчинникова С. Т. Московский дом поэта: К 185-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина // Работница. 1984. № 6. С. 32—33, ил. Музей-квартира Пушкина на Арбате.

Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве: Летопись жизни А. С. Пуш-

- кина с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г. / Худож. Ю. К. Бажанов. — М.: Сов. Россия, 1984. — 256 с., 1 л. портр., 8 л. ил.
- Оганян Л. Н. А. С. Пушкин и поэты пушкинской поры о греческом национально-освободительном движении // Россия и Юго-Восточная Европа / Ин-т ист. им. Гросула; Кишинев. пед. ин-т им. Крянгэ. Кишинев: Штиинца, 1984. С. 84—89.
- Одоевский В. Ф. Письма к А. С. Пушкину / Публ. Р. Е. Теребениной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Сб. науч. тр. / Отв. ред. К. Н. Григорьян; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1984. С. 149—156.
- Письма 1833—1836 гг.
- Озерецковская И. С. «Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова. — 4-е изд. — М.: Музыка, 1984. — 48 с., нот. — (Путеводители по операм и балетам).
- Озеров Л. А. Поэма о Медном всаднике // Пушкин А. С. Медный всадник. 2-е изд. М.: Дет. лит., 1984. С. 47—54.
- Озеров Л. А. Пушкин — лирик // Пушкин А. С. Стихотворения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дет. лит., 1984. С. 5—16. (Школьная б-ка).
- Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над романом «Капитанская дочка» // Пушкин А. С. Капитанская дочка. 2-е изд., доп. Л.: Наука, 1984. С. 145—199. (Лит. памятники).
- Орав Т. Пушкин и музыка // Рус. яз. в эст. шк. 1984. № 3. С. 21—23. Стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье» и романс Глинки.
- Осетров Е. Шкатулка Арины Родионовны // Осетров Е. Записки старорого книжника. М.: Книга, 1984. С. 37—46.
- Написано в 1951 г.
- Осипов Ю. На Мойке, 12 // Огонек. 1984. № 25. С. 26. Документальный фильм Дм. Чуковского о последней квартире Пушкина.
- Осповат А. Л. Вокруг «Медного всадника» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43, № 3. С. 238—247.
1. Легенда о «сне майора Батурина»: источниковедческая заметка. 2. Наводнение 1824 г. в неизданных описаниях современников.
- Павлова Е. В. Пушкин в портретах: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения / НИИ теории и истории изобразит. искусств Акад. художеств СССР. — М., 1984. — 24 с.
- Памяти Сергея Михайловича Бонди // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1984. № 3. С. 80.
- Некролог.
- Панкратова И., Хализев В. Восемь книг «Болдинских чтений» // Вопр. лит. 1984. № 12. С. 237—253.
- Рец. на кн.: Болдинские чтения. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1976—1983.
- Панова Е. А. Непредикативные перечислительные ряды в стихотворном синтаксисе Пушкина: На материале бессоюз. субстантв. конструкций / Куйбышев, гос. ун-т. — Куйбышев, 1984. — 19 с.
- Библиогр.: с. 18—19.
- Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 17770 от 7.08.84.
- Панова Е. А. Перечислительные ряды как явление стихотворного синтаксиса: (На материале произведений А. С. Пушкина) // Формирование семантики и структуры художественного текста. Межвуз. сб. науч. тр. / Куйбышев. пед. ин-т им. Куйбышева. Куйбышев, 1984. с. 97—106.
- Пантелеев В. Образ Пушкина в малой графике // Волга. 1984. № 9. С. 167—168, ил.
- Эскизбрисы.
- Паперный З. «От Пушкина до наших газетных дней...» // В мире Маяковского. Сб. статей. М.: Сов. писатель, 1984. Кн. 1. С. 80—102.

- Пастухова Л. Н. О литературных вечерах // Лит. в школе. 1984. № 3. С. 40—48.
- Опыт литературно-музыкальных вечеров, посвященных Пушкину, в школе № 734 г. Москвы. Сценарий «Лицей, который не кончается...» на основе литературной композиции Ю. Карякина.
- Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 9-ти т. Т. 8. Пьесы; Теория капитана Гернета. Докум. повесть; Статьи и выступления. — М.: Худож. лит., 1984. — 447 с.
- С. 102—178: «Наш современник (Пушкин)». Пьеса в 8-ми карт. [написано в 1949 г.]. С. 353—364: «Пушкин на театральных подмостках». (Работа над пьесой о Пушкине «Наш современник») [написано в 1949 г.]. С. 364—366: «Сказки Пушкина» [написано в 1949 г.].
- Пашина Г. В. «Знакомцы давние, плоды мечты моей...» // Уральский следопыт. 1984. № 10. С. 47—48, ил.
- Атрибуция портретов Ан. Н. Вульф и В. Ф. Раевского на черновике послания Пушкину «Мой первый друг, мой друг бесценный».
- Петров С. Русский исторический роман XIX века. — 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1984. — 374 с.
- С. 3—47: Гл. 1. У истоков русского исторического романа. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина. С. 47—95; Гл. 2. Исторический роман конца 20-х—начала 30-х годов. «Юрий Милославский» и «Рославлев» М. Н. Загоскина. «Рославлев» А. С. Пушкина. С. 163—199; Гл. 5. Реалистический исторический роман А. С. Пушкина — «Капитанская дочка».
- Петряев Е. Д. Нити к Пушкину // Петряев Е. Д. Живая память. М.: Мол. гвардия, 1984. С. 131—146.
- Впервые: Петряев Е. Д. Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров, 1966. С. 86—94.
- Поздняев М. Алкид // Октябрь. 1984. № 6. С. 194—202.
- К исследованию творчества Пушкина. (Стихотворение «Из А. Шенье» («Покров, упитанный извительною кровью...» и др.).
- Поздняев М. На randevu с бароном // Лит. обозрение. 1984. № 3. С. 57—60.
- Рец. на кн.: Доризо Н. Третья дуэль // Новый мир. 1983. № 6.
- Поздняев М. Ученик и учитель: Диалоги об Александре Радищеве // Лит. учеба. 1984. № 4. С. 208—215.
- Радищев и Пушкин.
- Поленова И. Пушкин в Пятигорске // Художник. 1984. № 1. С. 13—14, ил. Памятник Пушкину работы М. Аникушина (1982).
- Попов Ю. Видел ли эти картины Пушкин? // Корреспондент. 1984. № 2 (418). С. 45—46.
- Портреты генералов П. Л. Давыдова и И. Ф. Удوما (1-го) работы Д. Доу в Государственном музее искусств УзССР (Ташкент).
- Премет Л. «Ужели их забуду, друзей души моей!» // Рус. яз. в эст. шк. 1984. № 1 (21). С. 30—36.
- Экскурсия по пушкинским местам Ленинграда.
- Премия имени А. С. Пушкина — Д. Д. Благому // Вестн. АН СССР. 1984. № 6. С. 138.
- Премия 1983 г. за книгу «Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина».
- Прохогин Н. П. Работа Джорджа Доу (?) // Творчество. 1984. № 7. С. 23—24, портр.
- Портрет Е. К. Воронцовой. 1820-е гг. Масло. Частное собрание. Прага.
- Пропп В. Я. Русская сказка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 335 с.
- Гл. 1. История собрания. С. 68—71; Пушкин. С. 72—77: После Пушкина до Афанасьева включительно.
- Пространство и время в литературе и искусстве. Метод. материалы по теории литературы / Даугавпилс. пед. ин-т. — Даугавпилс, 1984. — 95 с.

С. 27—29: Э. В. Слиннииа. О некоторых пространственных значениях в лирике А. С. Пушкина. С. 29—34; Ю. Н. Чумаков. «Евгений Онегин» Пушкина и «Менины» Веласкеса. (К исторической поэтике пространства). С. 31—33; В. С. Баевский. Из наблюдений над художественным пространством «Евгения Онегина». С. 33—35; А. А. Слюсарь. Пространство и время в «Метели» А. С. Пушкина. С. 35—36; Н. Е. Мясоедова. Пространственно-временная организация пушкинского фрагмента «Участь моя решена. Я жельюсь...».

Пугачев В. В. К вопросу о Пушкине и декабристах // Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения (г. Резекне, май 1982) / Музей Ю. Н. Тынянова. — Рига: Зинатне, 1984. С. 18—24.

Пугачев В. В. Пушкин и 1812 год: (к истолкованию «Полководца») // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли (к 85-летию Г. А. Гуковского). Межвуз. науч. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. С. 159—180.

«Пушкин никогда не подражал языку народному»: Н. Заболоцкий о народности поэзии / Вступ. заметка и публ. Р. Романовой // Вопр. лит. 1984. № 5. С. 278—282.

Публикуется выступление Н. А. Заболоцкого в Доме писателя на собрании поэтической секции 13 мая 1937 г., посвященном обсуждению творчества Прокофьева. (ЦГАЛИ, ф. 631).

Пушкинские места России: Путеводитель. — М.: Профиздат, 1984. — 320 с., ил. — (Сто путей, сто дорог).

Содерж.: Д. С. Лихачев. Музы не умирают... — Н. М. Волович. Москва и Подмосковье. — Н. И. Попова. Ленинград и его пригороды. — В. С. Бозырев. Псковский край. — Л. Ф. Керцелли. Верхневолжье. — Т. Н. Кезина. Болдинская земля. — Н. А. Тархова. По пугачевским местам Поволжья и Урала. — Л. П. Филиппова. К сведению туристов.

Пушкин И. И. Записки о Пушкине / Предисл. А. Словимского. — Переизд. — М.: Дет. лит., 1984. — 63 с., ил. — (Школ. б-ка. Для средних школ).

Пьянов А. «Зачем твой дивный карандаш...» // Юность. 1984. № 6. С. 105.

Рец. на кн.: Керцелли Л. Мир Пушкина в его рисунках. М.: Моск. рабочий, 1983.

Рабинович М. Г. Пушкинский Радищев // Рабинович М. Г. Судьбы вещей. Рассказы. 3-е изд. М.: Дет. лит., 1984. С. 204—209. (Библиоц. сер.).

«Путешествие из Петербурга в Москву».

Раевский Н. А. Друг Пушкина Павел Воинович Нащокин // Раевский Н. А. Избранное. В 2-х т. Алма-Ата: Жазушы, 1984. Т. 2. С. 4—144.

Рассадин Ст. Испытание зрелищем: Поэзия и телевидение. — М.: Искусство, 1984. — 223 с.

Рогов В. Я. Далече от берегов Невы... Заметки о пребывании А. С. Пушкина в Екатеринославе в 1820 году. — Днепропетровск: Промінь, 1984. — 103 с., ил.

Руденская М. П., Руденская С. Д. С лицейского порога: Выпускники Лицея 1811—1917. Очерки / Предисл. М. Дудина. — Л.: Лениздат, 1984. — 318 с., 8 л. ил. — (Б-ка молодого рабочего).

Дополненное переиздание книги «Они учились с Пушкиным» (Лениздат, 1976).

Впервые: «Средь новых поколений». (Лицейсты послепушкинской поры. 1817—1917). — Лицейсты — инициаторы увековечивания памяти А. С. Пушкина; Выпускники Царскосельского лицея (1820—1844); Выпускники Александровского лицея (1845—1917). — Прилож.: Дополнение к главе «Выпускники Царскосельского лицея». Лицейские просветители (наставники).

- Рыбак С. Письмо в Михайловское // Кодры. 1984. № 4. С. 120—140.
О Пушкинском заповеднике.
- Рыльский М. О переводах Пушкина на украинский язык / Вступ. заметка, публ. и коммент. Р. Романовой // Вопр. лит. 1984. № 8. С. 242—249.
Публикация доклада, прочитанного на пленуме ССП в 1937 г.
- Савин О. «Мой портрет, написанный Макаровым...» // Грани. Лит.-худож. сб. Саратов: Морд. кн. изд-во, 1984. С. 242—256.
О портретах Н. Н. Пушкиной работы И. К. Макарова.
- Сайтанов В. А. Первый советско-американский симпозиум по пушкинистике // Вопр. лит. 1984. № 10. С. 274—279.
Симпозиум «Творческое наследие А. С. Пушкина», проходивший в Институте мировой литературы 5—6 июня 1984 г.
- Сайтанов В. А. Тайны пушкинского слова // Октябрь. 1984. № 12. С. 204—205.
Рец. на кн.: Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине. М.: Сов. писатель, 1983.
- Сараскина Л. Рец. на кн.: Коровин В. Лелеющая душу гуманность: О некоторых гранях пушкинского гуманизма. — М.: Дет. лит., 1982 // Дет. лит. 1984. № 5. С. 58—59.
- Саунин С. Еще раз о рисунке Пушкина: К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина // Алтай. 1984. № 1. С. 110—116, ил.
По поводу атрибуции Л. Керцелли рисунка Пушкина на л. 184 с неоконченным стих. «Желал я душу освежить...», планом романа о Дубровском (Огонек. 1982. № 39). Предполагается, что рисунок связан с планом «Дубровского» и изображает М. С. Воронцова.
- Семенов Э. Л. Рисунки А. С. Пушкина и античность: к постановке проблемы // Античность в культуре и искусстве последующих веков. Материалы науч. конф. 1982 / Гос. музей изобразит. искусств им. А. С. Пушкина. М., 1984. С. 298—306.
- Сидоренко Г. Пушкин и Украина // Радуга. 1984. № 2. С. 151—153.
Рец. на кн.: Заславский И. Пушкин и Украина. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1982.
- Сидоров Е. Зеркало, обращенное в будущее // Юность. 1984. № 9. С. 103.
Рец. на кн.: Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. М.: Сов. писатель, 1983.
- Сидяков Л. С. Пушкин и Жуковский: У истоков биографизма пушкинской лирики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43, № 3. С. 195—203.
- Симанович Д. Г. Подорожная Александра Пушкина // Симанович Д. Г. Сквозь даль времен. Очерки. Минск: Юнацтва, 1984. С. 5—30.
Впервые: Симанович Д. Г. Подорожная Александра Пушкина. Очерки. Минск, 1977. С. 7—29.
- Скатов Н. Н. «Историческая моя совесть...» // Пушкин А. С. Исторические заметки / Сост. и послесл. Н. Н. Скатова. Л.: Лениздат, 1984. С. 521—526. (Б-ка «Страницы истории Отечества»).
- Скатов Н. Н. Русский гений. — М.: Правда, 1984. — 48 с. — (Б-ка «Огонек»; № 17).
Содерж.: Начало всех начал. — Детство и отрочество. — Юность. — Молодость. — Зрелость. — Мудрость. — Мойка, 12. 10 февраля. 2 ч. 45 мин. Каждый год.
- Скачкова С. В. Из истории русской литературной сказки: (Жуковский и Пушкин) // Рус. лит. 1984. № 4. С. 120—128.
- Скробов В. С. Поэзия Пушкина в немецких переводах // Проблемы типологии и контрастивного описания языков / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т ист., филол. и филос., Каф. иностр. яз. Новосибирск: Наука, 1984. С. 127—134.
- «Медный всадник» в переводе В. Грёгора.
- Слоимский А. О поэме «Руслан и Людмила» // Пушкин А. С. Рус-

- лан и Людмила. М.: Дет. лит., 1984. С. 115—125. (Шк. б-ка для нерус. шк. Для восьмилет. и сред. шк.).
- Слоимский А. Пущин и Пушкин // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Переизд. М.: Дет. лит., 1984. С. 5—13. (Шк. б-ка. Для сред. шк.).
- Смелков Ю. Пушкин, Пушкину, о Пушкине... // Телевидение. Радио-вещание. 1984. № 9. С. 32—33.
- О телеэкранизации «Повестей Белкина». «Метель». Реж. П. Фоменко.
- Смолицкий В. Г. Пословицы и поговорки в творчестве А. С. Пушкина // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора. Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 19—25.
- Смольников И. День лицейской годовщины / Рис. Б. Забирохина // Хочу все знать. Науч.-худож. сб. 1984. Л.: Дет. лит., 1984. С. 267—273.
- Снытко Н. В. Парижский корреспондент: (Об архиве Элима Мещерского) // Встречи с прошлым. Сб. материалов ЦГАЛИ СССР. М.: Сов. Россия, 1984. Вып. 5. С. 31—40.
- Э. Мещерский и Пушкин.
- Соловей Н. Я. О послании А. С. Пушкина «К Чаадаеву» // Рус. яз. в нац. шк. 1984. № 3. С. 57—59.
- Соловей Н. Я. Система занятий по роману «Евгений Онегин» // Лит. в школе. 1984. № 3. С. 68—69.
- Ред. на кн.: Марандман В. Г. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в школьном изучении. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983.
- Стародуб К., Емельянова В., Краусова И. От Кремля до Садовых: Путеводитель по лит. местам Москвы. — М.: Моск. рабочий, 1984. — 256 с.
- С. 43—83: «От Ломоносова до пушкинской поры». С. 152—189: «От Пушкина до Льва Толстого».
- Старцев А. И. Пушкин о США в «Джоне Теннере» // Вопр. истории. 1984. № 11. С. 39—48.
- Стеллиферовский П. «Бывают странные сближения»: «Бал» Баратынского и «Евгений Онегин» Пушкина // Лит. учеба. 1984. № 3. С. 187—192.
- Степуни И. Чествуя Пушкина // Неман. 1984. № 5. С. 174—176.
- Празднование столетия со дня рождения Пушкина в Белоруссии.
- Страхов Н. Н. Литературная критика / Вступ. статья, сост. Н. Н. Скатова; примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. — М.: Современник, 1984. — 431 с.
- С. 81—92: VI. Нечто о Пушкине, главном сокровище нашей литературы [из статьи: «Бедность нашей литературы»]. С. 123—180: А. С. Пушкин. Из книги «Заметки о Пушкине и других поэтах».
- Строганов М. В. Читатель и читательское восприятие в творческом мышлении Пушкина // Проблемы комплексного изучения восприятия художественной литературы. Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1984. С. 47—60.
- Строганова Е. Н. Читательская память Л. Толстого как стимул художественного творчества // Проблемы комплексного изучения восприятия художественной литературы. Сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1984. С. 104—111.
- Преломление романа «Евгений Онегин» в творческих исканиях Толстого 1850-х гг.
- Субботин В. Е. Два рассказа о Пушкине и Вяземском // Субботин В. Е. Жизнь поэта. М.: Сов. писатель, 1984. С. 202—204.
- Султанова Г. Переводы трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Султанова Г. Муза, открывающая миры. Баку: Язычы, 1984. С. 21—37.
- Сури с В. Задал ли задачу рисунок? // Нева. 1984. № 3. С. 203—204.
- По поводу заметки Л. А. Черейского «Задал задачу рисунок» (Нева. 1983. № 2).
- Сухотина С. Графическая сюита // Нева. 1984. № 6. С. 194, вл.

- Серия книжных знаков ленинградского графика Н. Г. Стрижака «Пушкиниана в эклибрисе».
- Тамарченко Н. XIV Болдинские чтения // Рус. лит. 1984. № 4. С. 237—238. Подпись: Н. Г.
- Конференция, посвященная 150-летию последнего приезда Пушкина в Болдино.
- Тарасов Б. А. С. Пушкин и П. Я. Чаадаев // Лит. в школе. 1984. № 3. С. 55—60.
- Тартаковская Л. Духовная необходимость // Иностран. лит. 1984. № 11. С. 235—236.
- Рец. на кн.: Мамонов А. И. Пушкин в Японии. М.: Наука, 1984.
- Тартаковская Л. Третье открытие Востока: О «Путешествии в Арзрум» А. С. Пушкина // Звезда Востока. 1984. № 7. С. 168—178.
- Тезисы докладов Вторых гоголевских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения писателя / Полт. пед. ин-т им. Короленко; Полт. обл. орг. Укр. о-ва охраны памятников истории и культуры; Полт. орг. о-ва любителей книги УССР. — Полтава, 1984. С. 20—21: С. А. Фомичев. «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». С. 36—37: В. И. Маданура. Гоголь о Пушкине. С. 40—41: А. А. Смирнова. Юмор в прозе Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина (принципы сопоставления). С. 41—42: А. И. Карпенко. «Мертвые души» сквозь «магический кристалл» А. С. Пушкина.
- Теребенина Р. Е. Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) за 1975—1981 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Сб. науч. тр. / Отв. ред. К. Н. Григорьян; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1984. С. 3—28.
- Тихомирова М. А. Встреча с Пушкиным // Тихомирова М. А. Памятники; Люди; События. Из записок музейного работника. 2-е изд., доп. Л.: Художник РСФСР, 1984. С. 122—127, фото.
- История захоронения памятника Пушкину лицеисту Р. Р. Баха в Лицейском саду.
- Тойбин И. М. О стихотворении А. С. Пушкина «...Вновь я посетил» // Рус. яз. и лит. в кирг. шк. 1984. № 3. С. 53—60.
- Тойбин И. М. Рец. на кн.: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л.: Худож. лит., 1982 // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1984. Т. 43, № 3. С. 270—272.
- Трофимова Н. П. Пушкинские и гоголевские реминисценции в «Дервяной королеве» Л. Леонова // Из истории русской литературы и литературной критики. Вопросы рус. яз. и лит. Межвуз. сб. / Бельдский пед. ин-т им. А. Руссо. Кишинев: Штиинца, 1984. С. 135—140.
- Трубе Л. «С английского»: О загадке одной пушкинской пометы // Вопр. лит. 1984. № 4. С. 273—275.
- Стихотворение У. Боулса «Цыганский шатер», опубликованное в сб. «The Poetical Works Milman, Bowles, Wilson and Cornwall» (Paris, 1829. С. 184) как возможный источник стихотворения Пушкина «Цыганы» («Над лесистыми брегами...»). Публикуется стихотворение Боулса с подстрочником.
- Тув В. Пушкинская строка в клубной летописи // Клуб и худож. самодеятельность. 1984. № 11. С. 27—29.
- Английские клубы Москвы и С.-Петербурга.
- Турьян М. «Евгений Онегин»: Пушкин и Чайковский // Вопр. лит. 1984. № 3. С. 241—247.
- Рец. на кн.: Шольп А. «Евгений Онегин» Чайковского. Очерки. Л.: Музыка, 1982.
- Тынянов Ю. Н. Пушкин / Вступ. статья «Путь к Пушкину», с. 5—13 Вл. Новикова; Коммент. Б. Костелянца; Худ. Д. Терехов. — М.: Книга, 1984. — 430 с. — (Писатели о писателях).
- Фазылов Э., Турдыев Ш. Рец. на кн.: Нурмухамедов М. К.

- Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии. — Ташкент: ФАН, 1983. — 50 с. // Сов. тюркология, Баку. 1984. № 3. С. 34—85.
- Февчук Л. П. Портреты и судьбы: Из ленинградской Пушкинианы. — Л.: Лениздат, 1984. — 232 с., ил.
- Содерж.: Портреты и фотографии семьи А. С. Пушкина [впервые, в другой ред., под загл. «Семья Пушкина в портретах и документальных фотографиях», в кн.: Белые ночи. Л.: Лениздат, 1975. С. 366—418]. — Вещи А. С. Пушкина [впервые, отд. изд., под загл. «Личные вещи А. С. Пушкина». Л.: Сов. художник, 1968].
- Филатов Н. Нижегородские встречи Пушкина. — Нева. 1984. № 6. С. 190—193.
- Посещение Пушкиным нижегородского военного губернатора М. П. Бутурлина (сентябрь 1833 г.).
- Филиппова Н. Ф. «Борис Годунов» А. С. Пушкина: Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1984. — 95 с.
- Содерж.: От автора. — Время работы над трагедией. — Искусство создания характеров. — Народ. — «Пишу и размышляю...» (Пушкинская эстетика драмы). — Трагедия «Борис Годунов» и «Маленькие трагедии». — Заключение. — Библиография.
- Фомичев С. А. Октавы «Домика в Коломне» Пушкина: (строфа и сюжет) // Проблемы теории стиха / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1984. С. 125—131.
- Фомичев С. А. Поэзия А. С. Пушкина: (Творческая эволюция). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М., 1984. — 33 с.
- Фрелих В. А. С. Пушкин и Буковина: Поиски, находки, размышления // Кодры. 1984. № 6. С. 147—152.
- Фридкин В. Вояж «Пиковой дамы» // Наука и жизнь. 1984. № 7. С. 70—74, ил.
- Комическая опера Ф. Галеви «Пиковая дама», поставленная в Париже в 1850 г. Либретто Э. Скриба, написанное по переводу П. Мершме.
- Фризман Л. Раздумья о Пушкине // Лит. в школе. 1984. № 4. С. 78—79.
- Рец. на кн.: Коровин В. И. Лелеющая душу гуманность: О некоторых гранях пушкинского гуманизма. М.: Дет. лит., 1982.
- Харчев В. Рец. на кн.: Филатов Н. Ф. Нижний Новгород пушкинской поры. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1983 // Волга. 1984. № 6. С. 165—166.
- Хасаншин Х. Г. Поэту всех времен и народов // Хасаншин Х. Г. Дагестан помнит их. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1984. С. 9—11.
- Памятники Пушкину в Дагестане.
- Хаханашвили Ц. Н. Эволюция русской историко-философской поэмы: (А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, А. А. Блок). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Тбил. гос. пед. ин-т им. Пушкина. — Тбилиси, 1984. — 26 с.
- Холмогорова Е. Рисунки Пушкина // Огонек. 1984. № 36. С. 19.
- Рец. на кн.: Керцелли Л. Мир Пушкина в его рисунках. М.: Моск. рабочий, 1983.
- Хренков Д. Т. У Лукоморья // Хренков Д. Т. День за днем. Лирич. дневник критика. Л.: Сов. писатель, 1984. С. 197—204.
- О книге С. С. Рейченко «У Лукоморья».
- Хржановский А. Иду к Пушкину // Культура и жизнь. 1984. № 6. С. 42.
- Черемисина Н. В. О гармонии композиции художественного целого: (роман Пушкина «Евгений Онегин») // Язык и композиция художественного текста. Рус. яз. Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1984. С. 3—15.
- Черный-Диденко Ю. Пушкинский томик: Рассказ // Радуга. 1984. № 5. С. 120—123.
- Написано в 1942 г.
- Чубукова Е. В. Жанр послания в творчестве Пушкина-лицеиста // Рус. лит. 1984. № 1. С. 198—209.

- Чубукова Е. В. Лицейская лирика Пушкина. Движение жанров: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Л., 1984. — 26 с.
- Чубукова Е. В. Лицейская лирика Пушкина в литературном процессе 1810-х гг. // На путях к романтизму. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ф. Я. Прийма; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1984. С. 194—214.
- Чулков В. И. К вопросу о формировании жанра романтической поэмы: (Богданович. Пушкин. Полежаев) // Жанр и композиция литературного произведения. Межвуз. сб. / Петрозавод. ун-т им. Куусинена. Петрозаводск, 1984. С. 44—59.
- Шамаро А. Обитель на Синичьих горах // Шамаро А. Тайна инокини Досифеи. М.: Сов. Россия, 1984. С. 116—129.
О Святогорском монастыре.
- Шарафадина К. И. Жанровая традиция пушкинского послания в лирике Н. А. Некрасова // Н. А. Некрасов и русская литература XIX—начала XX веков. Межвуз. сб. науч. тр. / Яросл. гос. пед. ин-т им. Ушинского. Ярославль: Костром. гос. пед. ин-т, 1984. Вып. 71. С. 14—23.
- Шарафадина К. И. Послание в ранней лирике А. С. Пушкина: Освоенные и «присвоенные» жанра. — Л., 1984. — 29 с.
Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 17407 от 10.7.84.
- Шаркова Т. В честь Пушкина: Рассказ / Рис. Н. Протасова // Юность. 1984. № 8. С. 63—66.
- Шергин Б. Повести и рассказы. — Л.: Лениздат, 1984. — 496 с. — (Мастера рус. прозы XX века).
С. 320—326: «Пинежский Пушкин» [впервые: Шергин Б. Океан — море русское. М.: Мол. гвардия, 1959. С. 286—292]. С. 326—332: «Пушкин архангелогородский» [впервые: Шергин Б. Поморщина—корабельщина. М.: Сов. писатель, 1947. С. 118—124].
- Шикман А. «...Ему не было равного среди пушкинистов» // Библиотечкарь. 1984. № 6. С. 24—26.
О деятельности П. И. Бартенева.
- Шолохов С. Свой, сокровенный Пушкин // Аврора. 1984. № 6. С. 100—106.
Телевизионный фильм «Маленькие трагедии». Реж. М. Швейцер.
- Шумаков Ю. К Пушкину! // Рус. яз. в эст. шк. 1984. № 3. С. 39—44.
Экскурсия по пушкинским местам (Таллин, Тарту, Пушкинские Горы).
- Шустрова Т. И. Роль структуры повествования в психологическом раскрытии характера: (повесть А. С. Пушкина «Станционный смотритель») // Вестн. Ленингр. ун-та. 1984. № 20. Ист., яз., лит. Вып. 4. С. 110—113.
- Эйдельман Н. Я. Новое стихотворение Пушкина: Давно известное // Наука и жизнь. 1984. № 10. С. 60—65.
Карамзин и Пушкин. Две редакции стихотворения «Жуковскому» («Когда к мечтательному миру...»).
- Эйдельман Н. Я. Первые остаются первыми // Культура и жизнь. 1984. № 6. С. 43.
О трилогии по рисункам Пушкина, выпущенной на студии «Союзмультифильм».
- Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в худож. сознании поэта. — М.: Сов. писатель, 1984. — 368 с.
Содерж.: Введение. Гл. I. «В родню свою неукротим...». Гл. II. «Чему, чему свидетели...». Гл. III. Семнадцать веков. Гл. IV. Взглядом Шекспира. Гл. V. «Замечания о бунте». Гл. VI. «Семейство несчастного...». Гл. VII. «В Петербург, а не в Гатчину...». Гл. VIII. Войныч. Гл. IX. «Намчатская дела». Гл. X. Последние записки. Заключение.
- Эйдельман Н. Я. 17 сентября 1773 года // Знание — сила. 1984. № 1. С. 37—40.

Личность Пугачева. Восстание Пугачева. Пушкин о Пугачеве. Юргенсон Г. А. Сердоликовые талисманы: К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина // Сибирь, Иркутск. 1984. № 5. С. 99—104.

Перстни Пушкина.

Юрченко Н. Облик Кишинева пушкинской поры // Кодры. 1984. № 9. С. 142—148.

В мире книг. 1984. № 6.

С. 23—24: Н. Смирнова. Без ограничений. Подписка на сочинения А. С. Пушкина. С. 41—42, ил. с. 40. «... Живое выражение лица». С. 42—45, ил. с. 37—39: В. Муленкова. И вновь «Пиковая дама». Иллюстраторы и иллюстрации. С. 46: Л. Певзнер. Пушкин рисует Востокова. С. 47—51: А. Букалов. Собрание пестрых глав: Библиогр. заметки о пушкиниане 80-х. С. 52—53: З. Богами. «Слух обо мне...»: Новинки зарубежной пушкинианы в Государственном музее А. С. Пушкина. С. 54—55: Л. Абрамов. За строками «Северного Меркурия». С. 56: И. Лосиевский. Легендарный предок. [Рец. на кн.: Фейнберг И. Л. «Абрам Петрович Ганнибал, прадед Пушкина». М., 1983]. С. 57—58: Б. Еремин. Дар вельтрусского дворца. С. 60—61: В. Стржельчик. Некто по имени Сальери. Монолог. Записала Л. Очерет. С. 85—86: Г. Прекин. Пушкин в Нижнем Новгороде. [Рец. на кн.: Филатов Н. Ф. Нижний Новгород пушкинской поры. Горький, 1983].

Огонек. 1984. № 23.

С. 8—9: Д. С. Лихачев. Пушкин и мы. С. 10—12: И. С. Зильберштейн. Из разысканий о Пушкине. Парижские находки. С. 13—15: Солнце нашей поэзии: Повествование о Пушкине в документах, письмах и воспоминаниях. Публ. подгот. В. Потресов. С. 16—18: В. Енишерлов. Свидетели времен минувших. [Салон Смирновой в Тбилиси]. С. 24—25: С. С. Гейченко. Память о Пушкине. [Из истории Пушкинского заповедника]. С. 32—3-я с. обл.: Мгновения... Пушкинская тема в рисунках Виталия Горяева.

Русская речь. 1984. № 3.

К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина. С. 3—7: Е. В. Белая. Прозаические миниатюры А. С. Пушкина. С. 8—12: И. А. Иванчук. Живая речь в письмах А. С. Пушкина. С. 13—18: В. Ю. Проскурина. А. И. Тургенев и А. С. Пушкин. О языке и стиле «Хроники русского». С. 19—21: А. А. Кожин. А. С. Пушкин о творчестве И. А. Крылова. С. 22—25: В. А. Плотникова. «Вот как надобно писать!». О рассказах А. О. Ишимовой. [Участие А. А. Шахматова в работе Пушкинской комиссии. Публикуется письмо А. Мазона к А. А. Шахматову от окт. 1910 г.]

ДОБАВЛЕНИЕ К «ПУШКИНИАНЕ 1983 ГОДА»

Бажан М. Над страницами альбома // Бажан М. Раздумья и воспоминания. Авториз. пер. с укр. К. Григорьева. М.: Сов. писатель, 1983. С. 280—283.

Рукописи А. С. Пушкина. Альбом 1833—1835 гг. Фототипии. М.: Гослитиздат, 1939.

Трубе Л. Л. Пушкин и охота // Охота и охотничье хозяйство. 1983. № 6. С. 26—27; ил.

С. В. Ш У М И Х И Н

А. С. ПУШКИН В РОССИЙСКОМ БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ В МОСКВЕ

Предлагаемая работа содержит новые, не включавшиеся ранее в научный оборот сведения о посещении Пушкиным Российского Благородного собрания (далее: РБС) в бытность поэта в Москве в 1826—1831 гг., которые извлечены из документов собрания, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы.¹ Краткая характеристика Благородного собрания как своеобразного дворянского учреждения клубного типа, сведения о принятой в РБС системе учета постоянных «членов-кавалеров» и «визитеров» (гостей) в специальных книгах приведены в нашей статье «Лермонтов в Российском Благородном собрании».² Как и в случае с Лермонтовым, документы РБС могут дать ценные дополнения для летописи жизни и творчества Пушкина.

Фамилия Пушкина встречается в делах собрания около 30 раз. Но отрывочность и неполнота записей (иногда они делались самими посетителями, чаще — письмоводителем собрания, который одновременно был кассиром, продававшим билеты) создают немалые трудности при идентификации этого имени с Александром Сергеевичем Пушкиным. Когда мы видим в «Визитерной книге» запись «г-н Пушкин», то надо иметь в виду, что Пушкиных в Москве в рассматриваемый отрезок времени могло быть несколько человек одновременно и письмоводитель мог таким образом сокращенно записывать кого-либо из Мусиных-Пушкиных или Бобрищевых-Пушкиных. Затруднения усугубляются тем, что фамилии Пушкиных всегда вписаны рукой письмоводителя (в отличие, например, от П. А. Вяземского, чья собственноручная характерная подпись, с буквами без наклона, похожими

¹ ЦГИА г. Москвы (далее: ЦГИАМ), ф. 381 (Хозяйственный совет Российского Благородного собрания).

² Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 233—250.

на печатные, неоднократно встречается в «Визитерных книгах»), так что идентификация по почерку тоже отпадает. Поэтому построения автора предлагаемой статьи могут рассматриваться как в известной степени гипотетичные (за исключением нескольких бесспорных случаев, в чем читатель убедится ниже). Оставлены за пределами работы упоминания в «Визитерных книгах» фамилии Пушкина, когда она явно не может принадлежать Александру Сергеевичу, так как, по известным нам фактам его биографии, он отсутствовал в то время в Москве, а также те упоминания, которые могут быть отнесены к Александру Сергеевичу, но дополнительных подтверждений, кроме просто фамилии Пушкина в «Визитерной книге» и того, что поэт в это время находился в Москве, у нас нет. Система доказательств базируется прежде всего на окружении поэта, на предположении, что он являлся на балы и концерты не в одиночестве; следовательно, если записанные рядом фамилии, а также фамилии членов собрания, которые брали Пушкину билет, относятся к лицам из его окружения, то мы можем предположить, что перед нами запись, отражающая посещение Российского Благородного собрания именно поэтом, а не его однофамильцем.

Впервые фамилия «Пушкин», которую можно соотнести с Александром Сергеевичем, встречается среди посетителей маскарада 28 декабря 1826 г. (за два дня перед этим, 26 декабря, Пушкин, как известно, побывал у З. А. Волконской, где простился с Марией Волконской, уезжавшей вслед за мужем в Сибирь).

В числе посетителей этого маскарада в «Визитерной книге» зафиксированы «Сергей Иванович Пашков» (№ 8), «поручик гвардии Раевский» (№ 22), «штабс-капитан Шипов» (№ 23), «г-н Строев» (№ 49), «генерал-лейтенант Дьяков» (№ 53), «граф Васильев» (№ 65), «г-н Загоскин» (№ 71), «А. А. Мещерский» (№ 102).³

По нашему мнению, записанный под № 54 «г. Пушкин» — это А. С. Пушкин. Записанный рядом с ним под № 53 генерал-лейтенант Дьяков остается пока неустановленным лицом. В числе московских знакомых Пушкина известен А. Н. Дьяков, который еще в 1816 г. имел звание полковника лейб-гвардии Гусарского полка, но дальнейших сведений о его жизни и службе пока не разыскано. Кроме того, в Гусарском полку, среди офицеров которого у Пушкина было много знакомых, служил другой Дьяков — Петр Николаевич, который в 1819 г. был произведен в генерал-майоры и занимал должность адъютанта при цесаревиче.⁴ Не он ли записан в «Визитерной книге» рядом с Пушкиным?

В пользу предположения, что в данном случае мы имеем дело с А. С. Пушкиным, а не однофамильцем, говорит то, что

³ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 56, л. 27 об.—30.

⁴ См.: Манзей К. История лейб-гвардии Гусарского полка. СПб., 1859. Ч. 3. С. 44—45.

билеты Пушкину и Дьякову были взяты «членом Полторацким», т. е. Сергеем Дмитриевичем Полторацким, двоюродным братом А. П. Керн, с которым у Пушкина именно в это время установились особенно тесные дружеские отношения.

Однако из алфавитного списка членов-кавалеров РБС за 1814—1827 гг. явствует, что С. Д. Полторацкий состоял в членах собрания не в 1826, а в 1827 г. В чем же дело? Здесь следует учесть, что год работы собрания не совпадал с астрономическим: он считался со дня открытия собрания в первый вторник октября и заканчивался первым вторником мая. Срок действия годовых билетов истекал 12 декабря, возобновление же их начиналось за месяц до того — с 12 ноября. В 1826 г., в связи с коронационными торжествами и назначенным на 6 сентября балом в их честь, возобновление билетов началось еще раньше; так, на заседании совета старшин 25 августа 1826 г. было решено: «Как по правилам сего собрания возобновление билетов начинается в ноябре, до которого времени (исключая предназначенный 6 сентября бал) собрание имеет быть закрыто <...> дабы доставить гг. членам, не возобновившим еще билетов, а равно желающим вновь вступить в оное, удовольствие воспользоваться сим балом <...> открыть в конторе сего собрания подписку с 1 сентября на будущий 1827 год, с правом пользоваться балами в течение сего, 1826 года».⁵ Следовательно, получив билет на 1827 г. осенью 1826 г., С. Д. Полторацкий мог его использовать и в течение всего остатка 1826 г., т. е. и 28-го декабря.

О дне 28 декабря 1826 г. оставил в своем дневнике скупую запись М. П. Погодин: «У Пушкина. Досадно, что свинья Соболевский свинствует при всех. Досадно, что Пушкин пришел в развращенном виде при Волкове. Ездил для него на почту. „Борис“ пропущен».⁶

Упоминание о поездке на почту свидетельствует о том, что Погодин навестил Пушкина утром или днем, до закрытия присутственных мест. РБС же в дни балов и маскарадов открывалось в 7 часов вечера, большая зала в целях экономии освещалась не раньше 9 часов, а записные «львы» (как их начали называть несколько позднее) являлись в собрание около 11 часов. Таким образом, запись в дневнике Погодина не противоречит возможности посещения Пушкиным вечером 28 декабря маскарада в собрании.

Присутствие Пушкина на балах и маскарадах в Благородном собрании зимой 1826 г. неоднократно отмечалось светскими наблюдателями. П. И. Бартенев со слов одного из современников поэта писал, что именно в зале собрания в эту зиму Пушкин впервые увидел Е. Н. Ушакову и сразу увлекся ею.⁷ Известно, что с зимы 1826/27 г. Пушкин стал близким другом семейства

⁵ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 52, л. 21.

⁶ Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 83.

⁷ Русский архив. 1912. Т. 3. С. 300.

Ушаковых, ухаживая, кажется всерьез, за старшей дочерью Екатериной, шутливо — за младшей, Елизаветой, которой едва минуло 16 лет — возраст, с которого девиц начинали вывозить в свет и они могли быть допущены на «взрослые» балы, в том числе и в РБС. Младшая Елизавета поспешила воспользоваться своим правом и в 1827 г. вступила в члены РБС, Екатерина же к тому времени уже год состояла членом собрания, а 21 декабря 1826 г., как видно по помете в «Членской книге для дам и девиц на 1827 год», продлила свой билет.⁸

Поскольку в «Визитерных книгах» до маскарада 28 декабря 1826 г. не встречается никого из Пушкиных, кто мог бы быть идентифицирован с Александром Сергеевичем, а следующий, так называемый «подписной» маскарад состоялся 31 декабря, на Новый год, и по своему характеру в «Визитерных книгах» не отражался, у нас возникает возможность приурочить первое знакомство Пушкина с Екатериной Ушаковой к этим двум датам — 28 или 31 декабря 1826 г. (напомним, что Ушакова, как постоянный член собрания, должна была бы записываться в книгу только в том случае, если брала кому-либо билет).⁹

Обратимся к личностям остальных выписанных нами участников этого маскарада. Хотя особенно близких московских друзей Пушкина среди них нет, все они входят в число знакомых поэта.

Записанный под № 8 С. И. Пашков — отставной поручик лейб-гвардии Гусарского полка (как уже упоминалось, еще с лицейских лет у Пушкина в Гусарском полку было много друзей). Пушкин упоминает Пашкова в своем письме П. А. Вяземскому от 14 марта 1830 г. 1 марта 1831 г. этот Пашков устраивал санное катание, в котором среди прочих приняли участие и Пушкин с женой.¹⁰

«Поручик Самсон Раевский», пригласивший в собрание двух лиц, о которых пока ничего неизвестно, — гвардейского поручика Раевского (№ 22) и штабс-капитана Шипова (№ 23), по всей видимости, не связан с семьей генерала Раевского — друзей Пушкина во время его южной ссылки. Однако он был знаком с поэтом. Л. А. Черейский в своем справочнике на основании воспоминаний, записанных со слов бывшего воспитанника Пажеского корпуса Самсона Дмитриевича Раевского, делает вывод, что его знакомство с поэтом состоялось в сентябре 1833 г. в Симбирске, когда Пушкин, собиравший материалы для «Истории Пугачевского бунта», проезжал через город.¹¹ Мы видим,

⁸ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 55, л. 3; д. 58, л. 29.

⁹ В «Хронологической канве биографии Пушкина» это знакомство отнесено к периоду между 19 и 31 декабря 1826 г. (Путеводитель по Пушкину. М., 1931. С. 13).

¹⁰ См.: *Пушкин А. С. Письма*. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 76; *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение*. Л., 1975. С. 304 (в книге Л. А. Черейского допущена опечатка: упомянутое письмо Пушкина Вяземскому датировано 4 марта вместо 14-го).

¹¹ *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение*. С. 342.

что знакомство Пушкина и Самсона Раевского, по крайней мере теоретически, могло произойти семью годами ранее в зале Благородного собрания.

№ 49, «г-н Строев» — это предположительно археограф и историк П. М. Строев, с которым Пушкин в 1826 г. сотрудничал в журнале Погодина «Московский вестник».

№ 65, «граф Васильев» — может быть А. В. Васильевым, будущим сослуживцем М. Ю. Лермонтова. В 1826 г. ему было 17 лет (с такого возраста юноши допускались на балы и маскарады в собрание). По-видимому, граф Васильев в то время еще не был коротко знаком с Пушкиным, так как познакомился с поэтом позднее, через И. Н. Гончарова, брата Натальи Николаевны, с которым был одно время соседом по Царскому Селу. Но видеть поэта, на которого было обращено всеобщее внимание московской публики, он мог значительно раньше.

№ 71, «г-н Загоскин» — М. Н. Загоскин, писатель, автор знаменитого романа «Юрий Милославский», будущий директор московских театров. В 1826 г. М. Н. Загоскин носил чин титулярного советника и служил в Московском временном суде, проживая в Гагаринском переулке, в доме Новосильцева.¹² Знакомство Пушкина и Загоскина осенью и зимой 1826 г. носило случайный характер, ограничиваясь встречами «в свете» и стало более близким только с конца 1829 г.

№ 102, «А. А. Мещерский» — брат «архивного князя» П. А. Мещерского. Последний был постоянным членом РБС; следовательно, он взял для брата билет на маскарад. Оба брата были знакомы с Пушкиным.

Перенесемся теперь в начало 1827 г. Январь и февраль московской жизни Пушкина были отмечены, во-первых, вызовом к московскому обер-полицеймейстеру Д. И. Шульгину по делу о распространении стихов из «Андрея Шенье»; в эти же месяцы В. А. Тропинин писал с Пушкина свой знаменитый портрет. Не чуждался Пушкин и светских развлечений; так, П. В. Анненков писал, что жизнь поэта в эти месяцы «была рядом забав и вместе рядом торжеств <...> Он вставал поздно после балов и вообще долгих вечеров, проводимых накануне».¹³ 7 февраля 1827 г. Ф. Ф. Вигель встретил Пушкина вместе с другим своим кишиневским знакомым — Н. С. Завалиевским на представлении «Сороки-воровки» Россини в частной итальянской опере С. С. Апраксина на Знаменке.¹⁴ А на следующий день, 8 февраля, состоялся маскарад в РБС, на котором среди прочих присутствовали:

¹² ЦГИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 2392е, л. 101 об.

¹³ Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. СПб., 1873. С. 175.

¹⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. Ч. 7. С. 134. В книге Л. А. Черейского день встречи Вигеля с Пушкиным в опере указан ошибочно как 7 апреля вместо 7 февраля, хотя Вигель пробыл в Москве только с 5 по 19 февраля 1827 г. (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 65).

«152. г. Пушкин», «187. г. Пушкин», «188. Поручик Баратынской».¹⁵

Под № 152 записан «Чл^кеном» Храповицким», вероятно, брат поэта Лев Сергеевич («Левушка»), который догуливал в Москве последние дни своего затянувшегося отпуска («Лев был здесь — малый проворный, да жаль, что пьет», — писал Пушкин 2 марта 1827 г. из Москвы А. А. Дельвигу).¹⁶

Записанный под № 187 Пушкин — это, на наш взгляд, Александр Сергеевич. Записанный рядом «поручик Баратынской», по всей видимости явившийся на маскарад вместе с Пушкиным, — брат поэта Е. А. Баратынского Сергей Абрамович, впоследствии муж овдовевшей Софьи Михайловны Дельвиг. Подтверждает эти соображения тот факт, что билеты на маскарад взяты Пушкину и Баратынскому Соболевским. Среди членов РБС на 1827 г. числится С. А. Соболевский, один из ближайших друзей поэта, в доме которого Пушкин жил после приезда в Москву из михайловской ссылки.

В фонде Московского дворянского депутатского собрания находится дело, посвященное коронационным торжествам 1826 г., в котором помещены составленные по приказу московского обер-полицеймейстера частными приставами города списки проживавших в частях города к июлю 1826 г. дворян. Отставной поручик Сергей Абрамович Баратынский, согласно этим спискам, жил в Мещанской части, в доме графа Толстого.¹⁷ Брат его, поэт Е. А. Баратынский, показан в списке отставным прапорщиком и проживал он в июле 1826 г. в Яузской части, в доме Мясоедовой под № 44, в Гусятниковском переулке.¹⁸

¹⁵ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 56, л. 62—63.

¹⁶ *Пушкин А. С.* Письма. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 27. У Черейского говорится, что Л. С. Пушкин определенлся юнкером в Нижегородский драгунский полк в январе 1827 г. (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. С. 330). Извлечения же из формулярного списка Л. С. Пушкина, напечатанные Л. Н. Майковым (*Майков Л. Н.* Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 37), а также копия с формулярного списка Л. С. Пушкина, хранящаяся в фонде Московского дворянского депутатского собрания (ЦГИАМ, ф. 4, оп. 8, д. 1151), указывают на дату 14 марта 1827 г.; следовательно, в феврале Лев Сергеевич еще мог бывать на московских маскарадах. Это упоминание о встрече с братом входит в противоречие с аргументом, который А. С. Пушкин выставил перед Бенкендорфом, оправдываясь за самовольную поездку на Кавказ, т. е. что она была якобы предпринята для свидания с братом, которого он не видел четыре года; в свое время на это не было обращено внимания Б. Л. Модзалевским (см.: *Пушкин А. С.* Письма. Т. 2. С. 353).

¹⁷ ЦГИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 2392е, л. 33.

¹⁸ Там же, л. 49 об. Принято считать, что в 1826 г. Е. А. Баратынский жил в доме профессора Московского университета Малова в Столешниковом переулке, который не сохранился (см., например: *Ашукин Н. С.* Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина. М., 1949. С. 63; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. С. 25; *Романюк С. К.* Пушкинская Москва // Наука и жизнь. 1979. № 7. С. 103—104). Поскольку сведения яузского частного пристава дают другой адрес, следует предположить, что после июля 1826 г., т. е. после того времени, когда был составлен список,

Имеется одно широко известное свидетельство мемуарного характера, относящееся к появлению Пушкина и Баратынского в зале Благородного собрания. Это воспоминания Т. П. Пассек. В 12-й главе, датированной «1826—1827 гг.», описывается, как она и юный А. И. Герцен, находясь на хорах РБС, видели Пушкина: «Мы страстно желали видеть Пушкина, поэмами которого так упивались, и увидели его спустя года полтора в Благородном собрании. Мы были на хорах, внизу многочисленное общество. Вдруг среди него сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека, один — высокий блондин, другой — среднего роста брюнет, с черными кудрявыми волосами и резко-выразительным лицом. Смотрите, сказали нам, блондин — Баратынский, брюнет — Пушкин».¹⁹

Читатели мемуаров Т. П. Пассек, естественно, решили, что в приведенном отрывке идет речь о появлении в зале РБС двух крупнейших поэтов своего времени. Скорее всего так оно и есть, хотя, справедливости ради, надо отметить, что из контекста неясно, о ком из братьев Баратынских пишет Пассек. Решив, что здесь говорится о событиях, относящихся к тому времени, каким датирована глава, ряд исследователей (в том числе и В. В. Вересаев в своем труде «Пушкин в жизни») прибавляли «года полтора» к 1825 г. и получали зиму 1826/27 г., тем более что хорошо известно о тесном контакте, который поддерживал Пушкин с Баратынским после своего возвращения из ссылки. Однако на основании архивных документов, которыми мы сейчас располагаем, представляется необходимым внести в подобную датировку коррективы.

Первое: Т. П. Пассек пишет, что она и Герцен находились на хорах собрания. Однако, согласно «Журналу заседаний совета старшин РБС», во время маскарада 8 февраля 1827 г. (где были Пушкин и Сергей Баратынский) билеты на хоры не продавались.²⁰

Второе: в «Визитерных книгах» 1826 и 1827 гг. больше нигде не встречается упоминаний о том, что Пушкин и Баратынский вместе находились на балу, маскараде или концерте в РБС.

Третье: согласно правилам, вход в собрание разрешался мужчинам по достижении ими 17 лет, девицам же с 16-ти. Никаких сведений о том, что для хоров могли быть сделаны в этом отношении послабления, в документах собрания нет. Следовательно, А. И. Герцен, имевший в 1827 г. неполных 15 лет от роду, зимой 1826/27 г. не имел права находиться в зале РБС, даже и на хорах.

Попробуем интерпретировать отрывок из воспоминаний Пассек по-другому. В главе, датированной 1825—1827 гг., она пишет,

Е. А. Баратынский переехал, либо же необходимо внести поправку в этот факт историко-культурной топографии Москвы.

¹⁹ Пассек Т. П. Из дальних лет. СПб., 1878. Т. 1. С. 221.

²⁰ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 52, л. 34 об.

что страстно желала увидеть Пушкина, что и осуществилось спустя года полтора, т. е. спустя полтора года после 1827 г., в зале РБС, где он был вместе с Баратынским. Таким образом, прибавив полтора года, скажем, к осени 1827 г., мы получаем весну 1829 г.

Теперь на время нарушим хронологическую последовательность изложения событий и обратимся к «Визитерным книгам» за 1-ю половину 1829 г. 2 апреля этого года в РБС давался большой концерт. В нем «госпожа Мелас, первая певица Итальянского театра пела, господин Ромберг играл на виолончели и господин Вальтер на флейт-траверсе».²¹ Участие в концерте крупнейшего виолончелиста-виртуоза того времени Бернара Ромберга привлекло большое количество посетителей. На концерте присутствовало 910 человек в зале и 225 на хорах.²²

Среди посетителей концерта были: «Лев Николаевич Эленгард» (№ 6),²³ «Евгений Абрамович Баратынский» (№ 7), «Елизавета Ивановна Горсткина» (№ 4), «Софья Николаевна Горсткина» (№ 5) (им всем взял билеты «старшина Озеров») и «г. Пушкин» (№ 96).²⁴

В числе названных посетителей концерта кроме Е. А. Баратынского и его тестя мы видим С. Н. Горсткину, сестру И. Н. Горсткина, декабриста «не особенно известного в декабристствоведении»,²⁵ — женщину, которая была знакомой не только Баратынского, но и Пушкина, П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, — и Е. И. Горсткину, урожденную Озерову, ее мать. «Старшина собрания Озеров», по-видимому, находился с нею в родстве.

Под № 96, по нашему убеждению, — А. С. Пушкин. Билет на концерт ему взял С. Д. Полторацкий.

Надо отметить, что весной 1829 г. духовный контакт Пушкина и Баратынского, по собственному признанию последнего, начал ослабевать.²⁶ Это не помешало, впрочем, Пушкину, который получил в эти дни от П. А. Плетнева из Петербурга экземпляры только что напечатанной «Полтавы» и дарил их московским знакомым, подарить 7 апреля один с авторской надписью своему поэтическому собрату. Несомненно, что, встретившись в собрании, поэты разговорились, обращая на себя взоры многочисленной собравшейся на концерт публики, как в зале, так и на хорах.

Можно сделать следующий вывод: Т. П. Пассек, говоря в своих мемуарах о впечатлении об увиденных в зале РБС Пушкине и Баратынском, имела в виду именно концерт 2 апреля 1829 г.

²¹ Там же, л. 79.

²² Там же. См. также заметку М. Д. Эльзона: *Временник Пушкинской комиссии*. 1981. Л., 1985. С. 134—135.

²³ Явная описка: конечно, это Л. Н. Энгельгардт, тесть Баратынского.

²⁴ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 68, л. 45.

²⁵ *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине и декабристах // *Литературное наследство*. М., 1952. Т. 58. С. 155.

²⁶ Там же. С. 88.

Вернемся теперь к началу 1827 г. К первым числам февраля этого года относится и вступление Пушкина в число постоянных членов РБС²⁷ под № 334 (погодные «Книги для записи членов-кавалеров» велись не по алфавиту, а в порядке поступления прошений о приеме, что и вызвало необходимость составления дополнительных сводных алфавитных списков; к сожалению, в фонде РБС сохранилась только черновая книга членов-кавалеров на 1827 г., куда Пушкин не внесен, вероятно, из-за позднего вступления в РБС). Дату вступления поэта в собрание можно установить в достаточно узких хронологических рамках: это произошло между 8 февраля 1827 г., когда он присутствовал на маскараде еще в качестве посетителя, и 12 февраля того же года — крайним сроком для получения годовых билетов.

Данное указание на членство А. С. Пушкина в Российском Благородном собрании относится к числу бесспорных, так как здесь ясно указаны имя и отчество Пушкина. До настоящего времени этот факт не находил отражения в биографии поэта (в отличие, скажем, от факта членства Пушкина в Московском и Петербургском Английских клубах).

Впечатления от проведенной в Москве зимы 1826/27 г. отразились в седьмой главе «Евгения Онегина», которая была закончена в Петербурге в ноябре 1828 г. Уместно вспомнить, что в этой главе дается описание бала в Благородном собрании, куда попадает Татьяна Ларина.

Вернувшись в Москву в декабре 1828 г., Пушкин пробыл в ней недолго — до 7 января 1829 г. Как свидетельствовал П. А. Вяземский, в эти месяцы на одном из детских балов танцмейстера П. А. Иогеля Пушкин увидел 16-летнюю Н. Н. Гончарову. В ту зиму Иогель не снимал, как обычно, для своих балов залу РБС (в октябре 1828 г. умерла императрица Мария Федоровна, и в связи с трауром балы в собрании не устраивались). Первая встреча Пушкина со своей будущей женой произошла, по мнению некоторых исследователей, на балу в доме отчима жены П. А. Вяземского Кологривова на Тверском бульваре (дом не сохранился).²⁸

Уехав в январе 1829 г. в Петербург, Пушкин вновь появился в Москве в марте, намереваясь отправиться дальше, на Кавказ, в армию Паскевича. К этой весне относятся планы сватовства к Н. Н. Гончаровой. По собственному признанию Пушкина, он

²⁷ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 10, л. 83 об.

²⁸ См.: *Ашукин Н. С.* Москва в жизни и творчестве А. С. Пушкина. М., 1949. С. 120. В упоминавшихся списках дворян, составленных частными приставами, этот дом записан как дом «г-жи Кологривовой» (а не Кологривова) на Тверском бульваре под № 271 (ЦГИАМ, ф. 4, оп. 1, д. 2392е). Указано, кстати, что в нем проживал надворный советник и кавалер, служащий в Московском губернском правлении, — Б. К. Данзас (там же, л. 128). Вместе с тем С. К. Романюк в своем списке пушкинских мест Москвы указывает жительство Б. К. Данзаса в доме генерал-губернатора Д. В. Голицына на Тверской (ныне — здание Моссовета), что маловероятно (см.: Наука и жизнь. 1979. № 7. С. 100).

искал любой возможности увидеться с ней; он всякий день ездил к Ушаковым не из-за Екатерины или Елизаветы, как все думали, а лишь чтобы проехать дважды в день мимо окон Гончаровых.²⁹ Поскольку проще всего было видаться «в свете», т. е. встречаться на спектаклях, концертах, балах, следует предположить, что Пушкин не упускал этой возможности. Так как его приезд в Москву совпал с великим постом, балы и маскарады были заменены в РБС концертами и музыкальными вечерами. К этому времени старшие сестры Наталья Николаевна — Екатерина и Александра уже состояли членами собрания, сама же Н. Н. Гончарова вступила в собрание позднее. 19 марта 1829 г. здесь давался музыкальный вечер, на котором выступали виолончелист Карл (Шарль) Марку и певцы Морини и Булахов.³⁰ В «Визитерной книге» записаны: «1. Наталья Николаевна Гончарова», которой билет брала сестра Александра Николаевна, «33. г. Норов», «34. г. Норов», «35. г. Пушкин».³¹ Норовы в данном случае могут быть кем-либо из трех братьев Норовых; все они входили в число московских знакомых Пушкина.

На следующий день, 20 марта, Пушкин был избран в Московский Английский клуб, как сообщал об этом П. А. Вяземскому дядя поэта Василий Львович Пушкин.³² Вечером этого же дня А. С. Пушкин вместе с Ф. Ф. Вигелем и П. А. Мещерским был в гостях у московского почт-директора А. Я. Булгакова. Привыкший видеть поэта прежде в меланхолическом расположении духа, Булгаков писал брату, что на сей раз Пушкин был «очень любезен, ужинал и пробыл до 2-х часов».³³

26 марта Пушкина утром навестил Погодин. Он записал в дневник, что застал у Пушкина Мипкевича и пригласил обоих на следующий день к себе на завтрак.³⁴ Вечером 26 марта среди посетителей музыкального вечера в РБС мы вновь видим Пушкина и Гончарову, причем у Пушкина единственный раз за все посещения собрания указаны полностью имя и отчество.³⁵

Полная запись фамилии, имени и отчества А. С. Пушкина делает для нас бесспорным факт присутствия Пушкина на этом концерте в РБС. Среди прочих лиц, указанных в «Визитерной книге», стоит остановиться на «господине Ухтомском», записанном рядом с Пушкиным. Им может быть знаковый братьев Булгаковых князь А. И. Ухтомский, который упоминается в справочнике Л. А. Черейского с указанием, что он в числе близких знакомых Пушкина не состоял.³⁶ Любопытно, что на этом же вечере присутствовал известный стихотворец, объект для многочисленных эпиграмм и пародий, граф Д. И. Хвостов.

²⁹ Русский архив. 1882. Кн. 1. С. 232.

³⁰ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 67, л. 41.

³¹ Там же, д. 68, л. 38, 40.

³² Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 89.

³³ Русский архив. 1901. № 2. С. 298—299.

³⁴ Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 85.

³⁵ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 68, л. 43—44.

³⁶ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 434.

По документам можно установить программу вечера. Посетители РБС слушали пение супругов Лавровых, Булахова (отец известного композитора), Сальвати и Морини.³⁷ Один из супругов Лавровых, певец Н. В. Лавров, был, как выясняется, довольно близким знакомым П. В. Нащокина, и возможно, что его лично знал А. С. Пушкин.³⁸

После окончания поста, 16 апреля 1829 г., в собрании давался «бал на Святую неделю». Среди посетителей в «Визитерной книге» отмечены «Наталья Николаевна Гончарова» (№ 1), «граф Хвостов» (№ 37), «И. Дмитриев» (№ 81) и «г. Пушкин» (№ 82).³⁹

Думается, не будет слишком большой натяжкой предположить, что рядом с Пушкиным записан под № 81 известный баснописец, поэт, в прошлом министр юстиции И. И. Дмитриев. Хотя ему и было в то время под семьдесят лет, он не мучался, подобно Василию Львовичу Пушкину, приступами подагры и мог выезжать, а подобные почтенные старцы и дамы в возрасте графини из «Пиковой дамы» наряду с юными красавицами и кавалерами являлись неременной принадлежностью балов.

Натянутость в отношениях между И. И. Дмитриевым и Пушкиным, возникшая в начале 1820-х годов из-за холодного отзыва Дмитриева о «Руслане и Людмиле» (который к тому же был использован противниками Пушкина в печатной полемике), к описываемому времени исчезла. Пушкин встречался с Дмитриевым в Английском клубе, бывал у него дома, записывал анекдоты о времени Екатерины II и Павла I для «Table-Talk».

Бал 16 апреля 1829 г. — последнее в 1829 г. документальное свидетельство совместного присутствия Пушкина и Гончаровой в РБС. Как знать, не на этом ли балу и произошло между ними решительное объяснение, в результате которого Ф. И. Толстой-Американец, старинный знакомый Гончаровых, выступил в конце апреля в роли свата Пушкина? Ведь автор «Онегина» говорил о балах, что «верней нет места для признаний...» (VI, 17).

Однако в апреле 1829 г. сватовство Федора Толстого не увенчалось успехом. Тогда, в ночь с 1 на 2 мая, Пушкин выехал из Москвы, направляясь на Кавказ. Началось «путешествие в Арзрум», из которого Пушкин возвратился в сентябре. Пробыв в Москве до 12 октября, Пушкин уехал в имение Вульфов Малинники, а оттуда в Петербург. Проведя в столице осень и зиму, поэт снова приехал в Москву в марте 1830 г. Наталья Николаевна продолжала в это время бывать на балах. Так, в записи посетителей бала 26 ноября 1829 г. под № 4 стоит «г-жа Гончарова».⁴⁰ В том, что здесь записана именно Н. Н. Гончарова, сомнений нет, так как и мать ее и обе старшие сестры

³⁷ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 67.

³⁸ См.: Куликов Н. И. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин // Русская старина. 1881. Т. 31. С. 603—604.

³⁹ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 68, л. 58, 61 об.

⁴⁰ Там же, д. 69, л. 2.

к тому времени состояли членами собрания. Иван Александрович Нарышкин, купивший для Натальи Николаевны билет, — ее дядя. На ее свадьбе он был посаженным отцом невесты.

В марте 1830 г., как раз в то время, когда Пушкин собирался выехать из Петербурга в Москву, приехал из Москвы князь П. А. Вяземский. После почти девятилетнего перерыва он вновь поступил на государственную службу и намеревался занять место при Министерстве финансов. Друзья пробыли вместе в Петербурге не более трех дней, после чего Пушкин отправился в Москву. Эта одновременная перемена жительства в двух столицах людьми, находившимися на особой заметке у III отделения, даже вызвала подозрения у Бенкендорфа и Николая I. «Государь очень предубежден против меня, — писал Вяземский жене. — По некоторым приметам полагаю, что они приписывают какое-то тайное единомыслие в приезде моем сюда и отъезде Пушкина в Москву. По крайней мере государь изъясил удивление, что Пушкин уехал, и сказал „Quelle mouche l'a piqué?“».⁴¹ В другом письме Вяземский передает слова, сказанные по этому поводу Николаем I В. А. Жуковскому: «Один сумасшедший уехал, другой сумасшедший приехал».⁴²

Теперь мы знаем, что желание увидеть Гончарову было одной из главных причин, побудивших Пушкина сорваться с места и неожиданно для всех помчаться в Москву, — он писал об этом Вяземскому. По дороге поэта обогнал царский двор, который почти одновременно с ним двинулся в первопрестольную.

14 марта 1830 г. Пушкин написал Вяземскому: «3-го дня приехал в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва...».⁴³ Как установил Н. П. Чулков, в этот день давалось два больших вокальных и инструментальных концерта: в зале Большого Петровского театра и в большой зале Благородного собрания с участием любителей, в пользу Глазной больницы. Чулков заключил: «Несомненно, Пушкин говорит о втором из этих концертов».⁴⁴ В «Журнале заседаний совета старшин РБС» можно найти упоминание о благотворительном концерте 12 марта 1830 г.: «...был дан концерт в пользу Московской Глазной больницы; его императорское величество изволил осчастливить оный своим высочайшим присутствием; многие благородные обоего пола особы, споспешествуя благотворительной цели в пользу страждущего человечества, украсили оный концерт своими талантами; съезд состоял из 2657 особ, из числа коих на хорах было 600».⁴⁵ В упомянутом письме Вяземскому Пушкин говорит о том, что первыми, кого

⁴¹ Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6. С. 223. Перевод: «Какая муха его укусила?».

⁴² Там же. С. 230.

⁴³ Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 76.

⁴⁴ Чулков Н. П. Пушкин-москвич // А. С. Пушкин в Москве. Труды общества изучения Московской области. М., 1930. Вып. 7. С. 70—71.

⁴⁵ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 52, л. 95.

он встретил в зале собрания, были Н. Н. Гончарова, В. Ф. Вяземская (жена Петра Андреевича) и братья Полевые. Любопытно, что, говоря о большом впечатлении, которое произвел в Москве приезд государя, Пушкин не упомянул о присутствии императора в зале Благородного собрания. Вместе с тем Николай Павлович, по всей видимости, именно на этом концерте впервые обратил внимание на «восходящую звезду» среди московских красавиц — Наталью Николаевну Гончарову.

«Жду концертов и шуму за проект...», — написал Пушкин Вяземскому 16 марта 1830 г. Как указывали составители комментарий к этому письму, под «шумом за проект» подразумевались слухи о якобы существующем при дворе проекте об отмене крепостного права.⁴⁶ Слова же Пушкина «Жду концертов» говорят, видимо, не только о том, что Пушкин соскучился по музыкальным впечатлениям, но и о стремлении увидеть среди посетителей концертов ту, ради которой он приехал в Москву.

В 1830 г. Н. Н. Гончарова вступила в члены РБС. В «Книге для записи дам и девиц — членов собрания на 1830 г.» на правом листе, где записывались незамужние девицы, встречаем уже всех трех сестер Гончаровых.⁴⁷

Следовательно, на концерте 18 марта 1830 г., который мы сейчас рассмотрим, Н. Н. Гончарова уже могла не записываться в «Визитерную книгу», хотя, вероятно, и присутствовала на нем. В концерте принимали участие «первейший лейпцигский скрипач Бекер», певицы фон Массов и Герстель, виолончелист Марку́, кларнетист Титов.

В числе лиц, названных в «Визитерной книге»,⁴⁸ «Корнет Гончаров» — брат Н. Н. Гончаровой Сергей Николаевич, который в 1829—1831 гг. был корнетом лейб-гвардии Уланского полка.

Записанный рядом под № 3 «штаб-ротмистр А. С. Хомяков», будущий славянофил, находился на военной службе до 1829 г. и вышел в отставку в звании штаб-ротмистра. Записываясь в «Визитерную книгу» в марте 1830 г., он не указал, что находится в отставке.

Под № 7 записан «господин Пушкин» — по нашему мнению, А. С. Пушкин.

Наибольшая неясность связана с именем записанного рядом «князя Вяземского». П. А. Вяземский в это время находился в Петербурге, другие же Вяземские, с которыми поддерживал отношения Пушкин, за исключением семейства Петра Андреевича, неизвестны. Сыну П. А. Вяземского Павлу исполнилось в 1830 г. только 11 лет, следовательно он отпадает. Можно предположить, что записан Александр Николаевич Вяземский (1804—1865), поручик лейб-гвардии Уланского полка (т. е. со-

⁴⁶ *Пушкин А. С. Письма*. Т. 2. С. 77.

⁴⁷ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 72, л. 3.

⁴⁸ Там же, д. 69, л. 57 об.—58.

служивец С. Н. Гончарова). В справочнике Черейского А. Н. Вяземский не упоминается, а между тем о его женитьбе на А. А. Корсаковой Пушкин писал жене из Москвы в декабре 1831 г. в таких выражениях, которые могут позволить предположить знакомство между ними.⁴⁹ Но за отсутствием дополнительных сведений вопрос остается пока открытым.

Что касается «господина Норова» (№ 9) и «Князя Мещерского» (№ 27), то нельзя утвердительно сказать, кто из братьев Норовых и Мещерских здесь записан. Все они входили в число знакомых Пушкина.

Среди посетителей следующего музыкального вечера (концерта арфистов Шульца и Меккера), 25 марта 1830 г.,⁵⁰ остается невыясненной личность «подполковника Ганкевича» (№ 11). Гипотетичным остается также и «князь Вяземский» (№ 12). «Граф Васильев» (№ 13) может быть уже упоминавшимся в связи с маскарадом 28 декабря 1826 г. А. В. Васильевым.

«Господин Поливанов» (№ 14) — это, вероятно, А. Ю. Поливанов, помещик Калужской губернии, уездный предводитель дворянства, сосед Гончаровых по Полотняному заводу. В 1831 г. А. Ю. Поливанов пытался прибегнуть к посредничеству А. С. Пушкина и П. В. Нащокина в своем сватовстве к Александре Гончаровой. Сватовство разладилось, и недовольство этим посредничеством со стороны Гончаровой-матери послужило одной из причин отъезда молодой четы Пушкиных из Москвы.

Относительно «Господина Норова» (№ 15) не представляется возможным выяснить, кто из братьев записан в книге.

«Господин Булгаков» (№ 16) — скорее всего сын московского почт-директора Константин Алексеевич Булгаков, однако не исключено, что это сам А. Я. Булгаков.

Сватовство к Н. Н. Гончаровой продолжалось. «Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы, — писал Пушкин Вяземскому во второй половине марта, — теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве».⁵¹

6 апреля 1830 г. вторичное предложение Пушкина было принято. Поэтому, когда на первом после поста маскараде, состоявшемся утром 15 апреля, мы видим в «Визитерной книге» рядом фамилии Пушкина и графа Толстого, то можем предположить, что таким образом они отмечали успех трудного предприятия, каким стало для поэта его сватовство. Почти наверняка на этом же маскараде была и Н. Н. Гончарова.⁵²

А на другой день, т. е. 16 апреля 1830 г., Пушкин отправил Бенкендорфу письмо, в котором извещал его о своей предстоящей женитьбе.

Помолвка Пушкина и Натальи Николаевны состоялась 6 мая, но еще раньше Пушкин стал появляться в обществе и на

⁴⁹ Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 58, 446.

⁵⁰ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 69, л. 58 об.

⁵¹ Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 78.

⁵² ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 69, л. 61.

гуляньях с ней на правах жениха. Так, 3 мая их видели в РБС на благотворительном спектакле, где давалась драма Коцебу «Ненависть к людям и раскаянье» с участием знаменитой артистки Е. С. Семеновой.⁵³

Свадьбу сыграли только 18 февраля 1831 г. Теперь, продолжая вместе с сестрами числиться в РБС, Наталья Николаевна записывалась уже не среди девиц, а на левом листе.⁵⁴

К декабрю 1830 г. относится и вторичное поступление самого А. С. Пушкина в число членов РБС.⁵⁵ Вероятно, это было сделано не без мысли произвести благоприятное впечатление на свою тещу Н. И. Гончарову, которая очень щепетильно и с большим предубеждением относилась ко всему, что касалось положения ее зятя в обществе. Пушкин вступил в члены РБС в 1830 г. под № 63, т. е. в числе первых десятков вступающих, в отличие от своего вступления в РБС в 1827 г., когда оно состоялось за несколько дней до последнего срока приема.⁵⁶

Таким образом, молодожены Пушкины с самого начала своей семейной жизни стали членами учреждения, почти обязательная принадлежность к которому составляла одну из отличительных черт московской знати.

Московский «свет» развлекался особенно бурно после ужасной эпидемии холеры 1830 г. Еще не были сняты все карантинные, а на заседании совета старшин 17 января 1831 г. было решено открыть стоявшее всю осень под замком собрание «после принесения господу богу благодарственного молебствия о прекращении холеры в столице сей».⁵⁷ С начала года балы и маскарады развернулись во всей силе. А. Я. Булгаков, который исполнял тогда обязанности одного из старшин собрания, писал брату: «Не поверишь, как всем дико казалось такое собрание, многолюдное и блестящее, после холерной этой пустоты».⁵⁸

Первые дни после свадьбы Пушкиных совпали с масленицей, и молодожены много ездили по балам. Итинерарий этих дней таков: 18 февраля, среда — венчание; 20 февраля, пятница — Пушкины у Щербининой (по некоторым предположениям — А. М. Щербининой, дочери княгини Е. Р. Дашковой); 21 февраля, в субботу, Пушкиных посетил один из «архивных юношей» А. И. Кошелев; 22 февраля, в воскресенье, Пушкины были на маскараде в Большом театре, устроенном с благотворительной целью, в пользу пострадавших от холеры; 24 февраля, во вторник — маскарад в РБС (о нем ниже); 27 февраля Пушкины дали у себя вечеринку или небольшой бал, который, по словам

⁵³ Пушкин и его современники. М.; Л., 1928. Вып. 37. С. 152—154. О том, что зала РБС была предоставлена для благотворительного спектакля, см.: ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 52, л. 97 об.

⁵⁴ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 76, л. 4—4 об.

⁵⁵ Там же, д. 61, л. 62 об.

⁵⁶ Там же, д. 75, л. 4.

⁵⁷ Там же, д. 52, л. 106.

⁵⁸ Русский архив. 1902. № 1. С. 45.

А. Я. Бужакова, очень удался, чего он от Пушкина не ожидал; 1 марта состоялось санное катание на трех больших санях, устроенное С. И. Пашковым по случаю последнего дня масленицы.

Среди посетителей маскарада во вторник 24 февраля в РБС в книге учета⁵⁹ нет фамилии Н. Н. Пушкиной, но не следует забывать, что как член РБС она должна была записываться в книгу визитеров только в том случае, если брала кому-либо билет. Присутствие же ее на этом маскараде, думается, не подложит сомнению.

Рассмотрим по порядку некоторых лиц, перечисленных в «Визитерной книге». № 9 — А. Т. Аксаков, брат известного писателя С. Т. Аксакова. Сведений о знакомстве А. Т. Аксакова с Пушкиным нет, но, учитывая, что и брат его и семья брата принадлежали к числу московских знакомых Пушкина, можно предположить, что знакомство поэта с А. Т. Аксаковым (причем не обязательно состоявшееся на этом маскараде) имело место.

Под «дамскими» номерами — № 9 и 10 — видим двух Зубковых, Наталью Петровну и Анну Федоровну. Это сестра и жена Василия Петровича Зубкова, у которого, по словам П. И. Бартенева, Пушкин «беспрестанно проводил время».⁶⁰ Относительно Натальи Петровны можно сказать, что знакомство ее с Пушкиным (не отмеченное у Л. А. Черейского) состоялось наверняка. Сестра жила в доме брата, и естественно, что поэт был представлен всем домашним. Жена же В. П. Зубкова, Анна Федоровна, урожденная Пушкина, дальняя родственница поэта, в 1829 г. была предметом его увлечения.⁶¹

«Член Пушкин», который взял билеты на маскарад В. А. Заецкой, штаб-ротмистру А. Ф. Стефани и «господину Стефани», — несомненно А. С. Пушкин, так как в 1831 г. другие Пушкины в членах РБС не состояли.

Иван Васильевич Киреевский, записанный под № 72, — брат П. В. Киреевского, критик и публицист, «архивный юноша», сотрудник «Московского вестника». 17 февраля 1831 г. И. В. Киреевский был среди гостей «мальчишника», который устроил Пушкин, прощаясь с холостой жизнью.

№ 96, «г. Пушкин» — на наш взгляд, Лев Сергеевич Пушкин. Известно, что в эти месяцы Левушка находился в Москве, принимал на себя большую часть хлопот, связанных со свадьбой брата, а также делил с ним веселье сопутствующих свадьбе пиров и гуляний. Вскоре после этого покинув Москву, Л. С. Пушкин отправился на театр военных действий в Польшу.

Рядом с ним записан Л. А. Якубович (№ 97). Это один из близких московских друзей А. С. Пушкина. Впоследствии

⁵⁹ ЦГИАМ, ф. 381, оп. 1, д. 77, л. 1—5.

⁶⁰ Русский архив. 1878. Кн. 3. С. 393.

⁶¹ См.: *Модажлевский В. Л. Пушкин.* [Л.], 1929. С. 339, 341.

Л. А. Якубович выполнил печальную обязанность перед памятью Пушкина — стал автором первого некролога поэта, появившегося в «Северной пчеле» 30 января 1837 г.

С. И. Пашков (№ 121) уже неоднократно упоминался нами. Через несколько дней он устроил санное катание, куда были приглашены и Пушкин с женой.

«Г. Свербеев» (№ 128) — Д. Н. Свербеев, отставной дипломат, помещик Серпуховского уезда. В своих записках он пишет о том, что бывал в Благородном собрании на балах и концертах довольно часто. Л. А. Черейский указывает, что знакомство Пушкина со Свербеевым относится ко второй половине 1830-х годов, однако выясняется, что по крайней мере видеть друг друга они могли в стенах РБС значительно раньше.

«Князь Горчаков» (№ 132), записанный рядом с № 131 — князем П. А. Вяземским (последний, думается, не нуждается в отдельном комментарии), — это князь Владимир Петрович Горчаков, один из ближайших друзей Пушкина в бытность того в Кишиневе. Горчаков и Пушкин общались в Москве в 1830—1831 гг.

«Г. Вельдман» (№ 133) — это искаженная при записи фамилия писателя А. Ф. Вельтмана, поселившегося в Москве в январе 1831 г. А. Ф. Вельтман знал Пушкина еще по Кишиневу. По собственным словам Вельтмана, встретив Пушкина с женой в начале 1831 г. на балу в Благородном собрании, он подошел к ним и сказал: «Пушкин, ты — поэт, а жена твоя — воплощенная поэзия».

В том случае, если чета Пушкиных не брала никому из посетителей билетов на этот маскарад, она могла присутствовать на нем, не записываясь в книгу. Учитывая то, что дальше наступил великий пост и балы с маскарадами прекратились, следует предположить, что приведенные выше слова Вельтмана о встрече его с четой Пушкиных относятся к маскарадам 24 или 28 февраля 1831 г.

Записанный под № 134 «г. Павлов» может быть Николаем Филипповичем Павловым, писателем, переводчиком, сотрудником «Московского вестника». Пушкин часто встречался с ним в московских литературных кругах.

В 1831 г. Пушкины уехали из Москвы. После этого поэт несколько раз приезжал в родной город, последний раз — в мае 1836 г., для работы в московских архивах над документами, относящимися к Петру Великому. В фонде Российского Благородного собрания не обнаружено сведений, о том, что поэт посещал собрание в эти свои приезды. Однако зала РБС навсегда осталась связанной с именем великого русского поэта. Символично, что именно здесь, где когда-то гремели мазурки и вальсы и появлялся в окружении друзей и знакомых А. С. Пушкин, прозвучала 8 июня 1880 г. знаменитая «пушкинская» речь Ф. М. Достоевского, произнесенная во время торжеств по случаю открытия в Москве памятника Пушкину.

III. СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

НОВЫЙ АВТОГРАФ ПУШКИНА

В Отделе рукописей Государственного музея А. С. Пушкина в Москве хранится документ, озаглавленный «Регистр книгам у Г. <на> А. С. Пушкина».¹ Это двойной лист плотной белой писчей бумаги верже, размером 362×226 мм, с водяными знаками: на левом полулисте — герб Гончаровых, на правом — геральдический лев, держащий овал с монограммой «АГ», на сгибе листов в середине — «МФАГ», сверху — «1833». Лист был сложен вчетверо, потерт и загрязнен на сгибах. «Регистр...» написан тремя почерками. Он содержит список книг и рукописей на русском, французском и немецком языках и состоит из 82 пунктов. Первую и вторую страницы первого листа занимает перечисление русских книг и рукописей. Эти страницы заполнялись остро заточенным пером и довольно темными чернилами. Второй лист, занятый перечнем иностранных книг и рукописей, написан другим почерком, более светлыми чернилами и значительно более мягким пером. Этими же чернилами и пером, но уже третьим почерком, — по-видимому, после окончания работы над «Регистром...» — сделано добавление в русский раздел. Приведем текст этой записи:

«Дополнение к Церковному Словарю — 1. Кн.
Квинта Горація Флакка Писан — 1
Лютеранский Пашквиль² — 1
Книга Апоѳегма, или извещенія, письменная — 1».

При научном описании «Регистра...» нами было выдвинуто предположение, что эта приписка сделана рукой А. С. Пушкина. Документ был представлен в Отдел рукописей ИРЛИ АН СССР. Для сопоставления были привлечены автографы Пушкина 1830-х годов, в том числе беловая («цензурная») рукопись «Медного всадника», беловая рукопись «Кашитанской дочки», программа журнала «Современник», а также письма к Н. И. Гончаровой, Н. Н. Пушкиной, Л. С. Пушкину, А. Х. Бенкендорфу, Д. М. Княжевичу и др. Характер почерка, внебуквенные признаки, написание от-

¹ Государственный музей А. С. Пушкина (Москва), КП41800/96, ф. 2, оп. 2, № 79.

² Возможно, это сочинение Арсения Мацеевича «Возражение на пашквиль лютеранский — на книгу, нарицаемую Камень веры». Оно издано не было и сохранилось в ряде списков.

Дневниковый словарь —
 Краткая риторика —
 Герман Кушнер —
 Самоподучивший Дюмадь —
 18.
 Вспомогательное слово —
 все вспомогательное слово —
 теория и практика — 3 св. ж. —
 Домашний курс французского языка
 всего 59 книг.
 Книга Тараканова —
 "Английский словарь" —
 Книга Амосова, издательство —
 т. 1.

Перечень книг из библиотеки Полотняного завода (последние четыре наименования вписаны рукой А. Е. Пушкина), (Гос. музей А. С. Пушкина, Москва).

дельных букв, сочетаний букв, элементов соединения между ними и отдельных слов (как, например, «пзвещение» в автографах писем к Д. М. Княжевичу и А. Х. Бенкендорфу,³ слово «письменного» в письме к Л. С. Пушкину⁴ и др.) — все это позволило сотрудникам Отдела пушкиноведения ИРЛИ В. Э. Вацуру, Р. В. Иезуитовой, Т. И. Краснобородько, Я. Л. Левкович, С. А. Фомичеву сделать заключение, что запись на л. 1 об. «Регистра...» сделана рукой А. С. Пушкина. По просьбе Государственного музея А. С. Пушкина почерковедческая экспертиза этой записи была проведена в научно-техническом отделе ГУВД Мосгорисполкома.⁵ Эксперты пришли к следующему выводу: «Совпадающие признаки устойчивы, существенны, индивидуальны и дают достаточные основания для вывода о том, что эти записи исполнены А. С. Пушкиным».

Какова же история этого документа? Его содержание было введено в научный оборот в 1937 г. Б. В. Шапошниковым.⁶ Исследователь выявил в «Регистре...» группу книг (21 название), о принадлежности которых к кругу чтения А. С. Пушкина и к его библиотеке до обнаружения «Регистра...» не было известно. При публикации в руках Б. В. Шапошникова была копия с «Регистра...», обнаруженная им в архиве, оставшемся от А. А. Венкстера.⁷

Между тем оригинал «Регистра...», составленный в Полотняном заводе в августе—сентябре 1834 г., оставался в имении Гончаровых как документ, удостоверяющий передачу перечисленных в нем книг А. С. Пушкину (этим, вероятно, и следует объяснить несколько необычное название — «Регистр книгам у Г<на> А. С. Пушкина»). Все это стало очевидно после публикации письма Д. Д. Гончарова к Л. И. Поливанову от 8 мая 1880 г. из Полотняного завода. Перечисляя реликвии, посылаемые им на московскую пушкинскую выставку 1880 г., Д. Д. Гончаров пишет: «5. Список книг, взятых Александром Сергеевичем Пушкиным, как я полагаю, из библиотеки в Полотняном заводе, потому что он найден мною в одном из шкапов ее. Конец на 2-й, 3-й и 4-й страницах писаны, может быть, рукой его».⁸

Это письмо не только подтверждает наше предположение об автографе Пушкина на страницах «Регистра...», но и объясняет возникновение копии с него, опубликованной Б. В. Шапошниковым. Она была сделана по просьбе Л. И. Поливанова, перед тем как вернуть «Регистр...» Д. Д. Гончарову после закрытия выставки. А. А. Венкстерн, как известно, принадлежал к кругу устроителей выставки, поэтому копия и попала в его архив.

³ ПД, ф. 244, оп. 1, № 597, 595.

⁴ Там же, № 1261, л. 45.

⁵ Пользуемся случаем выразить благодарность старшим экспертам-почерковедам Л. В. Верещагиной и А. В. Легченкову, взявшим на себя труд провести это исследование.

⁶ Шапошников Б. В. Новый документ о книгах библиотеки Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 358—370.

⁷ После публикации Б. В. Шапошников передал эту копию в Пушкинский Дом, где она хранится и поныне: ПД, ф. 244, оп. 19, ед. хр. 33.

⁸ Цит. по: Нечаева Н. С. Московская пушкинская выставка 1880 г. (По материалам архива Л. И. Поливанова) // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 150.

В 1899 г. Д. Д. Гончаров подарил «Регистр...» Калужской ученой архивной комиссии⁹ для передачи в Калужский исторический (ныне краеведческий) музей,¹⁰ откуда документ был передан в 1962 г. в дар Государственному музею А. С. Пушкина.

Обратимся к тексту записи, сделанной рукой А. С. Пушкина. Две из четырех книг, названия которых он добавил к «Регистру...», дошли до нас в числе сохранившихся книг из библиотеки поэта. Это «Дополнение к Церковному Словарю» (см. № 2 по библиографическому описанию Б. Л. Модзалевского¹¹) и «Квинта Горація Флакка Писан» (см. № 102 или № 103 по тому же описанию¹²). Книга «Апофегма, или извещения, письменная» представляла собой, вероятно, рукописную копию с одного из изданий книги «Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучительных речей, книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и разговоры различных древних философов; пер. с польского» (М., 1716).¹³

Но, может быть, это был список и с другого издания.¹⁴ Эти и многие другие вопросы, связанные с «Регистром...», должны стать предметом дальнейшего изучения теперь, когда мемориальное и научное значение документа возросло в связи с тем, что на его страницах обнаружен автограф Пушкина.

А. И. Фрумкина

НОВОЕ О ВСТРЕЧЕ ПУШКИНА И В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ ЗАЛАЗЫ

Встреча Пушкина с лицейским другом, поэтом-декабристом В. К. Кюхельбекером, происшедшая 14 октября 1827 г. на почтовой станции Залазы, широко известна как факт в биографии поэта. Для ее описания используются сведения из трех источников: дневниковой записи Пушкина, рапорта фельдъегеря, писем В. К. Кюхельбекера.

Основным источником является дневниковая запись Пушкина, которую он сделал на станции Луга на следующий день после встречи. При-

⁹ В 1900 г. о нем упоминает в печати, ошибочно датируя его 1830 г., И. Щеглов, см.: *Щеглов И.* Три дня в Калуге // Новое время. 1900. № 8830.

¹⁰ Там в 1949 г. его обнаружила Г. Ф. Коган. См. об этом: *Коган Г. Ф.* 1) Библиотека Гончаровых // Огонек. 1949. № 24; 2) Полотняный завод. М., 1951. С. 78—91 (здесь Г. Ф. Коган выдвигает предположение о том, что одним из лиц, написавших «Регистр...», был специально обученный Гончаровыми дворовый человек-библиотекарь).

¹¹ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 1.

¹² Там же, с. 30.

¹³ Это предположение было выдвинуто Б. В. Шапошниковым, см.: *Шапошников Б. В.* Новый документ о книгах библиотеки Пушкина. С. 369.

¹⁴ Возможно, это список с издания «Апофегматов» С. Будного, перевод которых несколько раз издавался в XVIII в. Достаточно часто встречаются и списки этого произведения. См. также: *Сонинов В.* Опыт российской библиографии... СПб., 1814. Ч. 2. С. 31, № 2004.

водим ее полностью: «15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постели. Он метал банк гусарскому офицеру. Между тем я обедал. При расплате не достало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял займы 200 рублей и уехал, очень недоволен сам собою. На следующей станции нашел я Шиллерова „Духовидца“,¹ но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем. „Вероятно, поляки?“ — сказал я хозяйке. „Да, — отвечала она, — их нынче отвозят назад“. Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид — я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие, я повернулся им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлпссельбурга, — но куда же? Луга» (XII, 307).

Несмотря на постоянный интерес к встрече на станции Залазы, дневниковая запись Пушкина, начиная с первой (1855 г.) публикации и до последнего времени, не привлекала к себе пристального внимания пушкинистов и не комментировалась. Запись в дневнике состоит как бы из трех частей: вначале Пушкин рассказывает о своем проигрыше в карты на почтовой станции Боровичи, затем о встрече с Кюхельбекером и в заключение о том, что на следующей за Залазами станции он узнал, откуда везут Кюхельбекера. Несмотря на то что эту запись Пушкин сделал на случайном листке бумаги, она была известна уже при подготовке первого собрания сочинений поэта, но опубликовал ее П. В. Анненков лишь частично, «благодаря, — как позднее писал Н. В. Гербель, — тупоумию русской цензуры».² История преодоления пушкинистами цензурных барьеров при публикации этой записи может стать темой для самостоятельного исследования. Неполными фразами, а подчас буквально по слову протаскивали они вторую часть записи через цензурные рогатки. Чтобы иметь представление о настойчивости пушкинистов в стремлении полностью опубликовать дневниковую запись Пушкина и трудностях, которые им пришлось преодолеть в связи с этим, достаточно познакомиться с хронологией публикации дневниковой записи.

В 1855 г. полностью опубликована первая часть записи, о встрече с Кюхельбекером нет ни слова.³

¹ Имеется в виду книга «Духовидец. История, взятая из записок графа О*** и изданная Фридрихом Шиллером. Переведено с нем., с 3-го изд. В 6 частях» (М., 1807; 2-е изд. М., 1813).

² Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений / Изд. Р. Вагнера. Берлин, 1861. С. V.

³ *Пушкин. Соч.* / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 117.

В 1859 г. Е. И. Якушкину удалось, кроме первой, опубликовать в «Библиографических записках» фрагмент второй части, в которой редкое предложение осталось не усеченным цензурой.⁴ В некоторых были выброшены отдельные слова. Имя Кюхельбекера обозначено литерой «К», а в подстрочных примечаниях указано, что это «автор драматической шутки „Шекспировы Духи“, изданной в Петербурге в 1825 году».⁵

В 1860 г. в «Приложении» к сочинениям Пушкина опубликован текст дневниковой записи, взятый составителем, по-видимому, из «Библиографических записок».⁶

В 1861 г. впервые Герценом полностью опубликованы вторая и третья части дневниковой записи Пушкина и полностью названо имя Кюхельбекера.⁷ В том же году в Берлине на русском языке был издан сборник,⁸ где Н. В. Гербель, не публикуя полностью текста записи, восстанавливает все купюры петербургского издания. Что касается приоритета публикации дневниковой записи Пушкина в заграничных изданиях, то принадлежит он «Полярной звезде» Герцена, так как, судя по извещению в «Колоколе», в № 93 от 15 марта 1861 г., около этого времени вышла VI книга «Полярной звезды».⁹ Вступительная же статья берлинского сборника датирована 19 июня 1861 г., так что он не мог выйти ранее июля 1861 г. В 1869 г. еще раз, уже после публикации в заграничных изданиях, в России пушкинская запись была напечатана с купюрами, хотя текст ее стал полнее, чем в публикациях 1859—1860 гг.¹⁰ Впервые была напечатана третья часть записи и полностью дано имя Кюхельбекера.

Потребовалось еще 12 лет, прежде чем «тупоумие царской цензуры» уступило здравому смыслу пушкинистов и дневниковая запись наконец была опубликована в России в 1881 г. полностью.¹¹

Другим источником, помогающим воссоздать сцену встречи на станции Залазы, является рапорт фельдъегеря Подгорного, написанный фельдъегерем сразу же по возвращении в Петербург из этой поездке и поданный дежурному генералу Главного штаба:

«Господину дежурному генералу Главного штаба его императорского величества генерал-адъютанту и кавалеру Потапову фельдъегеря Подгорного

⁴ Е. Я. [Якушкин Е. И.]. Проза А. С. Пушкина. Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта // Библиографические записки. 1859. № 5. С. 129—133.

⁵ Шекспировы Духи. Драматическая шутка в двух действиях. Сочинение В. Кюхельбекера. СПб., 1825.

⁶ Приложение к сочинениям А. С. Пушкина / Сост. Григорий Геннадий, изд. Я. А. Исаковым. СПб., 1860. Отд. II. С. 94.

⁷ Полярная звезда на 1861 г. / Изд. Искандером и Н. Огаревым. Лондон, 1861. Кн. 6. С. 126—127.

⁸ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. С. 193—194.

⁹ См.: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 182.

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннадия. 2-е изд. СПб., 1869. Т. IV. Примечания. С. IX—X.

¹¹ Пушкин А. С. Соч. 3-е изд., исправл. и дополн. / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1881. Т. V. С. 55—56.

РАПОРТ

Отправлен я был сего месяца 12-го числа¹² в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнее отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству, как за недопущение распоститься с другом, так и дать ему на дорогу денег, сверх того не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин между угрозами объявил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом, а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет. 28 октября 1827 года.¹³

Первые рапорт фельдъегеря Подгорного опубликован в том же номере «Полярной звезды» Герцена, где и дневниковая запись Пушкина.¹⁴ О том, как и кем передавались из России А. И. Герцену материалы для «Полярной звезды», рассказал в своей книге «Тайные корреспонденты „Полярной звезды“» Н. Я. Эйдельман. В одной из глав речь идет о поездке летом—осенью 1860 г. за границу с материалами для VI книги «Полярной звезды» старшего делопроизводителя Главного архива иностранных дел А. Н. Афанасьева.¹⁵ Нет сомнений, что именно он привез Герцену рапорт фельдъегеря.

Опубликовал рапорт фельдъегеря и Н. В. Гербель в названном выше сборнике «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений». Несмотря на то что пушкинский сборник вышел несколькими месяцами позднее «Полярной звезды», нет оснований полагать, что Гербель пропозевал перепечатку из альманаха. Дело в том, что в начале 1861 г. Н. В. Гербель находился в Петербурге, откуда вместе с М. Л. Михайловым и супругами Шелгуновыми весною этого года выехал за границу с материалами для подготовленного им в берлинском издательстве Вагнера пушкинского сборника.¹⁶ Рапорт фельдъегеря Н. В. Гербель взял из того же источника, которым воспользовался А. Н. Афанасьев. Основанием для такого предположения служат следующие обстоятельства. Публикации рапорта предшествует пояснение редактора: «Нам удалось достать весьма интересное донесение фельдъегеря о вышеприведенном свидании Пушкина с Кюхельбекером...», а после рапорта следует дополне-

¹² Из Шлиссельбурга в Динабург фельдъегерь Подгорный отправился 13 октября. Подробнее об этом см. ниже.

¹³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 493—494 (ПД, ф. 244, оп. 16, № 126).

¹⁴ *Полярная звезда* на 1861 г. Кн. 6. С. 127.

¹⁵ *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». С. 164.

¹⁶ Там же. С. 193.

ние: «Просим не заподозрить нас в безграмотной передаче приведенного рапорта. Он снят с дипломатической точностью с подлинника».¹⁷

Заверение Н. В. Гербеля о снятии копии с подлинника «с дипломатической точностью» натолкнуло нас на мысль сравнить текст оригинала и публикаций. Текстуальный анализ подлинника рапорта фельдъегеря, его орфографические и пунктуационные особенности и сравнение их с публикациями Герцена и Гербеля позволяют сделать вывод, что корреспонденты Герцена и Гербеля переписывали текст рапорта не с подлинника, а с копии, снятой лицом, имеющим доступ к архиву Главного штаба. Снимая копию с оригинала, переписчик сделал несколько характерных описок, которые повторяются в публикациях Герцена и Гербеля. Но их публикации имеют и индивидуальные особенности, выразившиеся в понимании корреспондентами Герцена и Гербеля стоящей перед ними задачи. Корреспондент Герцена, переписывая рапорт с представленной ему копии, мало внес своего и больше тяготел к копированию текста. Корреспондентом же Гербеля пунктуация максимально приближена к современным нормам русского литературного языка.

Выявленные расхождения между оригиналом рапорта и публикациями Герцена и Гербеля, а также имеющиеся различия в публикациях позволяют утверждать, что Герцен и Гербель получили текст рапорта независимо друг от друга и что их корреспонденты пользовались не оригиналом, а ранее снятой копией.

В России рапорт фельдъегеря Подгорного впервые опубликован в журнале «Русская старина».¹⁸

Письма В. К. Кюхельбекера как информационный источник слабо отражают фактическую сторону встречи, но тем не менее колоритно высвечивают облик самого Кюхельбекера в этот момент и хорошо передают душевное состояние автора в момент написания письма. Письма эти Кюхельбекер писал Пушкину из Динабурга: первое 10 июля 1828 г. (XIV, 22) и через два года второе — 20 октября 1830 г. (XIV, 116).¹⁹

И вот найден еще один документ, относящийся к встрече Пушкина и Кюхельбекера, который существенно дополняет наши представления о ней. Датирован он 14 октября 1827 г., т. е. днем встречи на станции Залазы.

Прошло уже около двух лет после событий на Сенатской площади. В то время Пушкин находился в Михайловском. В конце декабря, прочитав в «Русском инвалиде» «подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», он узнал, что «зачинщики сего неслыханного предприятия <...> уже взяты и содержатся под арестом, кроме Кюхельбекера, который, вероятно, погиб во время дела».²⁰

¹⁷ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. С. 194.

¹⁸ Русская старина. 1901. Март. С. 578.

¹⁹ Письма В. К. Кюхельбекера впервые были опубликованы: Русский архив. 1881. Кн. 1. С. 137—139. Мы их не приводим, так как они мало что добавляют к интересующему нас вопросу.

²⁰ Русский инвалид. 1825. № 305. 29 декабря. Перепечатано в кн.: Государственные преступления в России в XIX веке: Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. СПб., 1906. Т. 1 (1825—1876 гг.). С. 6.

Через месяц Пушкин из той же газеты узнает, что Кюхельбекер жив, бежал, сумел добраться до Варшавы и там арестован.²¹ Следом за газетой от А. А. Дельвига приходит письмо, в котором тот, явно рассчитывая на перлюстрацию, подчеркивает свое неприязненное отношение к декабристам и утрирует странности Кюхельбекера, тем самым стараясь оправдать его. «Нап сумасшедший Кюхля нашелся, как ты знаешь по газетам, в Варшаве. Говорят, что он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета. Говорят, великий князь Михайло Павлович с ним более всех ласков,²² как от сумасшедшего от него можно всего ожидать, как от злодея — ничего» (XIII, 260).

Узников Петропавловской крепости в 1826—1827 гг. везли в сибирские рудники, на Кавказ, в богом забытые армейские гарнизоны, в дальние и ближние крепостные казематы. Среди прочих предписаний получил комендант Петропавловской крепости и такое: «Отправить в Кексгольм 27 июля 1826 года Кюхельбекера, Поджию, Вадковского».²³ Девять долгих месяцев томились декабристы в Кексгольмской крепости. Затем их отправили в Шлиссельбургскую крепость. Об этом свидетельствует рапорт коменданта Кексгольмской крепости: «Содержащихся в башне Кексгольмского шлюса каторжных преступников Кюхельбекера, Поджию и Вадковского с нарочно присланным за ними фельдъегерем Новиковым и тремя жандармами 24 числа в Шлиссельбургскую крепость отправил. 30 апреля 1827 года. Кексгольм».²⁴ До последнего времени среди исследователей жизни и творческого наследия поэта-декабриста В. К. Кюхельбекера не было единого мнения о его пребывании в Кексгольмской крепости. Цитируемые архивные документы не только подтверждают факт пребывания В. К. Кюхельбекера в Кексгольмской крепости, но и четко определяют

²¹ См.: *Дявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 677.

²² Упоминая о благородстве великого князя Михаила Павловича, Дельвиг имеет в виду прощение Кюхельбекера великим князем за покушение на его особу на Сенатской площади. Эта милость получила широкую огласку в придворных кругах. Простив Кюхельбекера, Михаил Павлович взял его под свое особое покровительство. Когда Кюхельбекер был приговорен Верховным уголовным судом к смертной казни, то это наказание «во уважение ходатайства его императорского высочества великого князя Михаила Павловича» было заменено на 20-летнюю каторгу с последующим поселением (Восстание декабристов. Материалы. Дела следственной комиссии. М., 1980. Т. XVII. С. 226 (далее: ВД)). Когда декабристов стали ссылать в Сибирь, то Михаил Павлович, стремясь якобы смягчить участь подопечного, ходатайствует перед Николаем I и, спасая от Сибири, обрекает его тем самым на десятилетнее одиночное пребывание в крепостных казематах. Вот как, после пяти лет скитания по российским крепостям, Кюхельбекер оценивает положение, в котором он оказался благодаря великокняжескому участию: «Когда конец моим испытаниям? Несчастные мои товарищи по крайней мере теперь спокойны: если для них и кончились все надежды, то кончились и все опасения, грустно им — они горюют вместе, а я один, не с кем делиться тоской, которая давит меня, к тому же нет у меня и той силы характера, которая, может быть, поддержала бы другого» (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 69).

²³ ЦГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 8, л. 84.

²⁴ ЦГВИА, ф. 36, оп. 5, д. 90, л. 11.

время его пребывания там.²⁵ Петропавловская крепость—Кексгольмская—Шлиссельбургская—это еще только первая половина печального маршрута по русским крепостям поэта-декабриста Вильгельма Кюхельбекера.

В тот же день, 24 апреля 1827 г., когда одного поэта, официально именуемого «государственным преступником», с фельдъегерем и жандармами перевозили из крепости в крепость, другой поэт, уже ставший гордостью России, по всем понятиям и законам Российской империи свободный верноподданный, полгода назад «прощенный» лично государем, сидел над письмом к шефу жандармов Бенкендорфу: «Милостивый государь Александр Христофорович, семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у Вашего превосходительства <...> Москва 1827. 24 апреля» (XIII, 328).

В октябре 1827 г. Пушкин находился в Михайловском.²⁶ 13 октября он выехал в Петербург, где кроме других неотложных дел предстояла встреча с лицеистами, которая традиционно проводилась 19 октября. В этом году для Пушкина лицейская годовщина началась не 19-го, а 14 октября и не в Петербурге, а на глухой почтовой станции Залазы.²⁷ 13 октября 1827 г., когда Пушкин выехал из Михайловского в Петербург, фельдъегерь с жандармами повезли Кюхельбекера из Шлиссельбурга в Динабург.

Еще раз обратимся к дневниковой записи поэта и, взяв ее за основу, с помощью других, прямо или косвенно относящихся к этой встрече материалов расширим границы известного нам, попытаемся объемнее реконструировать характер, обстоятельства и время встречи друзей-лицеистов. «На следующей станции, — пишет Пушкин, — нашел я Шиллерова „Духовидца...“». В дневниковой записи нет прямого указания на то, что встреча с Кюхельбекером произошла на почтовой станции Залазы, но в первой части записи Пушкин пишет: «Приехав в Боровичи в 12 часов утра...», вторая часть начинается словами: «на следующей станции...». В 23 верстах от дер. Боровичи в сторону Петербурга «следующая станция» — Залазы.²⁸ Эту же станцию называет в своем рапорте фельдъегерь. Кроме Боровичей, названных Пушкиным, и Залаз в дневниковой записи

²⁵ Подробно об этом см.: Коржов С. Узник Кексгольма // Ленинградская правда. 1984. 30 декабря. С. 4.

²⁶ См.: Гордин А. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970. С. 313.

²⁷ Найти сведения о происхождении географического названия «Залазы» автору не удалось. Вл. Даль в «Толковом словаре» приводит несколько значений этого слова. На наш взгляд, наиболее подходящее: «Глухой кут, закоулок, скрытый уголок», что может указывать на характерные особенности расположения этого населенного пункта. Почтовая станция Залазы ко времени встречи Пушкина и Кюхельбекера находилась на территории Санктпетербургской губернии. Вот как характеризовался этот населенный пункт статистической комиссией в более позднее время: «Залазы, Лужского уезда, 3 стан, по Динабургскому шоссе. От уездного города в 80 км. Число дворов 18, мужского пола 92, женского — 102 (Список населенных мест Санктпетербургской губернии. По сведениям 1862 года. СПб., 1864. С. 98). Сейчас деревня Залазы (бывшая почтовая станция) находится в Псковской области, в Струго-Красненском районе.

²⁸ См.: Карманный почтовый путеводитель, или Описание всех почтовых дорог Российской империи. СПб., 1831. С. 7.

говорится еще об одной почтовой станции: «На следующей станции, — пишет Пушкин, — узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, — но куда же?». Следующая от Залаз в сторону Петербурга почтовая станция — Феофилова Пустынь. Расстояние между ними 22 версты.²⁹ Ответ на вопрос: «но куда же?» — Пушкин получил год спустя, когда нарочный из Динабурга передаст ему письмо Кюхельбекера от 10 июля 1828 г.

Руководствуясь записью Пушкина, можно предположительно назвать и время встречи. В Боровичи Пушкин приехал «в 12 часов утра», «обедал», наблюдал, как проезжий «метал банк гусарскому офицеру», «поставил <...> на карту» 5 рублей и «карта за картой проиграл 1600». Понятно, что хронометрировать пребывание Пушкина в Боровичах невозможно, но тем не менее создается ощущение неторопливости в пушкинском описании, и, пожалуй, мы не погрешим против истины, если скажем, что в Боровичах Пушкин пробыл не менее часа, а возможно и около двух. Между станциями 23 версты — проехать это расстояние в осеннее время менее чем за два часа едва ли возможно. Чтобы дать представление о дорогах и скоростях пушкинского времени, приведем свидетельство современницы: «1825 год. 7 октября, среда. Зимогорье.³⁰ Какая дорога! эти 20 верст, что я сделала сегодня вечером, я так устала, что мочи нет, а завтра по такой дороге нам придется делать 45 верст.

9 октября, пятница. Новгород <...> Сегодня сделали 100 верст, я решила ехать немного ночью потому, что было лунное освещение.³¹ Слава богу, видно погода опять поправляется, но сильный ветер и до обеда был проливной дождь, дорога очень испортилась <...>

10 октября, суббота. Померанье. Что за чудесная дорога! От самого Новгорода и до Петербурга ни одной горки и дорога так гладка, что нас везут рысью и в 4 лошади по 13 верст в час...»³²

Учтем еще одно обстоятельство — световой день 14 октября по старому стилю заканчивается в 17 часов, а ни Пушкин, ни фельдъегерь не отмечают наступившей темноты или сумерек.

Исходя из вышесказанного, с наибольшей долей вероятности можно предположить, что встреча произошла около 16 часов.

Попытаемся из второй части дневниковой записи извлечь сведения, которые позволят установить количественный состав участников встречи. Прочитав текст, мы без труда назовем конкретных участников встречи: Пушкин, Кюхельбекер, фельдъегерь. Нетрудно назвать и других участников, но количество их неопределенно: «один из арестантов» (сколько было всего арестантов?), «жандармы нас растащили» (сколько было всего жандармов?). Кажется, что ответить на эти вопросы невозможно, но,

²⁹ Там же. «Феофилова Пустынь, Лужского уезда, село Орашиенбаумского дворцового ведомства, при р. Ощуни. От уездного города 57 км. Число дворов 17, мужского пола 84, женского 83. Церковь православная» (Список населенных мест... С. 93).

³⁰ На почтовом тракте Москва—Петербург, в версте от Валдая, Новгородской губернии.

³¹ Световой день в это время года равен 10 часам. Если допустить, что при лунном освещении они ехали хотя бы 2 часа, то и тогда средняя скорость равнялась 8 верстам в час.

³² Дневник В. П. Шереметьевой. 1825—1826 гг. М., 1916. С. 10, 13—14, 17.

обобщая сведения из пушкинской записи с информацией, полученной из других косвенных документов, мы неожиданно обнаруживаем глубину и объемность, скрытую за лаконичными строками Пушкина.

Прежде всего обратимся к рапорту фельдъегеря: «Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками...»; «Я, видя сие, наипоспешнее отправил как первого, так и тех двух...». Следовательно, арестантов было трое. «...наипоспешнее отправил как первого (по смыслу следует, что Кюхельбекера, так как Пушкин еще оставался на станции, кричал на фельдъегеря и угрожал ему.— С. К.), так и тех двух...». Значит, кроме Кюхельбекера были еще два арестанта, два свидетеля последней встречи лицейских друзей.

Можно определить также, сколько было жандармов. Обратимся к приведенному выше рапорту коменданта Кексгольмской крепости: «...Кюхельбекера, Поджио и Вадковского с нарочно присланным за ними фельдъегерем Новиковым и тремя жандармами <...> отправил». Следовательно, из Кексгольма в Шлиссельбург три арестанта были отправлены в сопровождении трех жандармов и фельдъегеря. Ситуация сходная: в Залазы прибыли тоже три арестанта. Значит, Пушкина и Кюхельбекера растаскивали три жандарма. Сошлемся еще на один документ, называется он «О порядке отправления государственных преступников...». Один из пунктов этого наставления гласит: «...иметь при каждом преступнике одного жандарма и при каждых четырех одного фельдъегеря».³³ Здесь «при каждых четырех» следует понимать как «не более». Если арестантов было менее четырех, фельдъегерь все равно посылался. А теперь вспомним еще одну фразу Пушкина из дневниковой записи: «...как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем». Это свидетельство замыкает круг поиска. При перевозке из крепости в крепость декабристов, как правило, везли каждого на отдельной тройке. Фельдъегерь имел отдельную от арестантов тройку. Следовательно, Пушкин видел, как к почтовой станции Залазы подъехали три тройки с арестантами и четвертая — фельдъегерская.

Итак, пушкинская запись, подкрепленная сведениями из других документов, позволила нам определить число участников и свидетелей встречи на станции Залазы. Это А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, фельдъегерь П. Г. Подгорный,³⁴ три жандарма и два арестанта, ехавшие вместе с Кюхельбекером. Естественно, возникает вопрос: кто они? Ответ на этот вопрос дает найденный документ. Попутно он, расширяя границы известного нам об этой встрече, подкрепляет сделанные выше выводы. Документ адресован министру юстиции: «Осужденных Верховным уголовным судом в каторжную работу государственных преступников Василия Дивова, Василия Норова и Вильгельма Кюхельбекера государь император высочайше повелел отправить вместо каторжной работы в крепостные арестанты, первых двух — в Бобруйск, а последнего — в Динабург. Сделав о исполнении сей высочайшей воли надлежащее распоряжение,

³³ ЦГИА, ф. 1286, оп. 4, 1826 г., д. 712, л. 3 об.

³⁴ Имя и отчество фельдъегеря Подгорного установил Л. А. Черейский (см.: *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение*. Л., 1975. С. 315).

имею честь сообщить об оной к сведению вашего сиятельства. Начальник Главного штаба барон Дибич. 14 октября 1827 года».³⁵

Теперь, когда нам стали известны имена свидетелей последней встречи Пушкина и Кюхельбекера, уточним дату их отправления из Шлиссельбурга в Динабург. Подгорный в своем рапорте пишет: «Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург...». Основываясь на свидетельстве фельдъегеря, следует учитывать, что для него путь в Динабург начинался из Петербурга, откуда он действительно убыл 12 октября. Если же учесть еще и стилистические способности Подгорного, то окажется, что он совсем не погрешил против истины. Дату отправления фельдъегеря «с государственными преступниками» из Шлиссельбурга уточняет рапорт коменданта крепости дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту Потапову от 13 октября 1827 г.: «Во исполнение предписания вашего превосходительства сего октября от 12, за № 196-м изъявленной высочайшей государя императора воли, содержащихся в Шлиссельбургской крепости государственных преступников Дивова, Норова и Вильгельма Кюхельбекера, для доставления вместо каторжной работы в крепостные арестанты первых в Бобруйск, а последнего в Динабург, фельдъегерю Подгорному сего числа (т. е. 13 октября. — С. К.) сделаны, о чем вашему превосходительству честь имею донести».³⁶

Итак, выявлен новый штрих в биографии А. С. Пушкина — свидетелями его последней встречи с лицейским другом В. К. Кюхельбекером были декабристы В. С. Норов и В. А. Дивов.

Василий Сергеевич Норов принадлежал к поколению декабристов, принявших участие в Отечественной войне 1812 г. Осужден он был по второму разряду. Находясь в Бобруйской крепости, В. С. Норов написал книгу «Записки о походах 1812 и 1818 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя». Брат декабриста Авраам Сергеевич (впоследствии министр народного просвещения) в 1834 г. подарил эту книгу (по известным причинам без имени автора). Можно предположить, что Пушкин видел книгу В. С. Норова и, возможно, даже имел в своей библиотеке, так как у него были тесные библиофильские связи с Авраамом Сергеевичем Норовым, с которым он был хорошо знаком с послелицейских лет и до конца своей жизни.³⁷ Л. А. Черейский предполагает знакомство Пушкина и с другими членами семейства Норовых. Более того, есть глухое упоминание об отдаленном родстве Пушкина и Норовых.³⁸ К сожалению, автор не дает ссылки на источник этого интересного сообщения. Предположение же Л. А. Черейского подтверждается. Недавно было опубликовано ранее неизвестное письмо брата В. С. Норова Александра, в котором он пишет А. И. Кошелеву о своей встрече и беседе с Пушкиным на концерте немецкого виолончелиста Б. Ромберга в Москве.³⁹

³⁵ ЦГИА, ф. 1405, оп. 534, д. 61, л. 2.

³⁶ ЦГАОР, ф. 98, оп. 1, д. 140, л. 9.

³⁷ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 279; Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974. С. 41; Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979 (по указателю).

³⁸ См.: Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. С. 64.

³⁹ См.: Эльзон М. Д. Две даты к биографии Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 135.

Контакты Пушкина с А. С. Норовым и другими членами этой семьи дают основание предполагать и его знакомство с В. С. Норовым.

В Бобруйске Норов находился до марта 1835 г., затем он — рядовой 6-го Черноморского батальона. На Кавказе Норов встречается с другими сосланными туда декабристами. В одном из писем с Кавказа он сообщал: «Признаюсь, что я шел в бой за дело, которое было мне совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами... Я всегда восторгался их героическим сопротивлением». ⁴⁰ От службы Норов уволен в январе 1838 г. Первое время он жил в имении отца с. Надеждино Дмитровского уезда Московской губернии. Отец декабриста — Сергей Александрович Норов. Л. А. Черейский называет С. А. Норова родственником Авраама Сергеевича Норова, что недостаточно конкретно. ⁴¹ Позднее В. С. Норов переселился в Ревель, где и умер 10 декабря 1853 г. ⁴²

Василий Абрамович Дивов, мичман Гвардейского морского экипажа, принадлежал к революционно настроенному декабристскому обществу, созданному в Гвардейском морском экипаже. ⁴³ На Сенатской площади мичман Дивов проявил мужество и хладнокровие. Арестованный на следующий день после восстания, первые показания он дал только в конце января 1826 г. ⁴⁴ Затем под влиянием священника Дивов дал откровенные показания, навредившие многим его товарищам. Отвечая на вопрос Следственной комиссии: «Откуда заимствовали вы свободный образ мысли?», Дивов написал: «От сочинений рукописных, оные были свободные стихотворения Пушкина и Рылеева». ⁴⁵ Интерес к поэзии у Дивова был устойчивый — В. С. Норов писал из Бобруйской крепости своей матери, чтобы она прислала Дивову «книги по русской поэзии». Сообщал ей Норов и о том, что жить Дивову трудно, так как родные забыли его, и просил послать Дивову «еще 300 рублей», якобы от его московских родственников. ⁴⁶ Знал о тяжелом материальном положении Дивова и Кюхельбекер. Рассчитывая, что Пушкин издаст его поэму «Зоровавель», он в письме к сестре от 22 июля 1832 г. просит гонорар за эту поэму распределить между его братом Михаилом и Дивовым. ⁴⁷

Осужденный по первому разряду, Дивов лишь в начале 1840 г. из одиночной камеры Бобруйской крепости был переведен в действующую армию на Кавказ. Но солдатская лямка была ему уже непосильна, так как сырость крепостных казематов основательно подорвала его здоровье. Товарищи-декабристы, находившиеся в то время на Кавказе, всячески старались помочь ему, но их усилия оказались тщетными, и 9 февраля 1842 г. Дивов умер. ⁴⁸

С. Н. Коржов

⁴⁰ Двидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970. С. 38.

⁴¹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 279.

⁴² ВД. Т. VIII. С. 365.

⁴³ См.: Шешин А. Б. Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 107, 111, 115 и след.

⁴⁴ ВД. Т. XIV. С. 293—297.

⁴⁵ Там же. С. 307.

⁴⁶ Русский архив. 1900. № 2. С. 30.

⁴⁷ Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы. Л., 1939. Т. 1. С. XIV.

⁴⁸ ВД. Т. XIII. С. 313.

Пожалование А. С. Пушкина камер-юнкером в конце 1833 г. — одно из самых драматических событий в биографии Пушкина последних лет — неоднократно привлекало внимание исследователей. Так, С. А. Рейсер, комментируя запись от 1 января 1834 г. в дневнике Пушкина, анализирует возрастной состав камер-юнкеров 1834 г. и выясняет при этом, было ли обидным для Пушкина это пожалование.¹

В этой связи мы напомним известное высказывание Пушкина «о трех царях» в письме к Н. Н. Пушкиной от 20 и 22 апреля 1834 г.: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут» (XV, 130). Откуда появилась в письме фраза о камер-паже?

Указ Николая I придворной конторе был подписан 31 декабря 1833 г. Вот его текст: «Служащих в Министерстве иностранных дел, коллежского асессора Николая Ремера и титулярного советника Александра Пушкина, всемиловнейше пожаловали мы в звание камер-юнкеров Двора нашего. Николай».²

Ироническая реплика Пушкина безусловно содержит указание на молодость камер-юнкера Ремера. Но, возможно, здесь есть и намек на указ от 25 декабря 1833 г. о возведении в камер-пажи «графа Иосифа Виельгорского по отличному успехам в науках».³ Сын одного из друзей Пушкина, П. М. Виельгорский (1817—1839), был возведен в камер-пажеское⁴ достоинство в 16-летнем возрасте, а в 1834 г. выпущен из пажеского корпуса прапорщиком лейб-гвардии Павловского полка и состоял при великом князе Александре Николаевиче.

Итак, предполагаем, что указ о Виельгорском мог послужить для Пушкина одной из причин иронического сопоставления своего камер-юнкерства со званием камер-пажа. Оба указа хранятся в фонде «Коллекция высочайших повелений по придворному ведомству» в собрании ЦГИА СССР.

А. А. Алексеев

ОБ ОДНОЙ ОШИБКЕ КОММЕНТАТОРОВ

В биографической литературе давно утвердилось сообщение П. А. Вяземского о каком-то катастрофическом проигрыше Пушкина, имевшем место в конце 1835 г. Вяземский рассказывает об этом в своих письмах

¹ Рейсер С. А. Три строки дневника Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 146—151.

² ЦГИА СССР, ф. 466, оп. 1, д. 303 (Наряды повелений по придворному чину), л. 38.

³ Там же, л. 37.

⁴ Звание камер-пажа жаловалось воспитанникам Пажеского корпуса, наиболее отличившимся в учении.

к А. И. Тургеневу, написанных в последних числах декабря 1835 г. и в начале января 1836 г. Первое из них было опубликовано в третьем томе Остафьевского архива в 1899 г., второе стало известно тридцать лет спустя.

29 декабря 1835 г. Вяземский сообщал Тургеневу: «Пушкины едут на несколько лет в деревню. Муж, сказывают, в пух проигрался».¹ Несколько дней спустя, в очередном письме к Тургеневу, Вяземский снова вернулся к этой теме и разъяснил: «Проигрыш Пушкина как-то не так значителен, как предполагали, но всё поедут они в деревню».² Это письмо, написанное в начале января 1836 г., опубликовала в 1931 г. В. С. Нечаева в сборнике «Памяти П. Н. Сакулина». Опираясь на сообщения Вяземского, она пришла к выводу, что в конце 1835 г. Пушкин решил покинуть Петербург и уехать с семьей в деревню.

Несколько лет спустя В. В. Вересаев в своей книге «Пушкин в жизни» сделал об этом проигрыше подборку из трех фрагментов.

Открывается эта подборка отрывком из так называемых «воспоминаний» А. П. Араповой — дочери Натальи Николаевны от второго брака, напечатанных в 1907—1908 гг. в газете «Новое время». Своему сочинению Арапова придала вид документального повествования, наполнив его ссылками на рассказы матери, тетки, прислуги. На самом деле все эти «воспоминания» являются ее собственным вымыслом; они должны были убедить читателя в правдоподобии сочиненных ею сцен из семейной жизни Пушкина.

В отрывке, избранном Вересаевым, Арапова сообщает читателям, что Пушкин в последние годы жизни проводил ночи «то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории» и, возвращаясь домой, «смеясь», посвящал жену «в свои любовные похождения».³

Далее следует цитата из уже известного нам письма Вяземского о том, что в декабре 1835 г. Пушкин «в пух проигрался».

Завершается этот сюжет рассказом А. О. Россета в изложении П. И. Бартенева: «По словам Арк.<адия> Ос.<иповича> Россет<а>, Пушкин, играя в банк, заложит, бывало, руки в карманы и припевает солдатскую песню с заменю слова солдат:

Пушкин бедный человек,
Ему негде взять,
Из-за этова безделья
Не домой ему идтить».⁴

Вересаевская подборка производит сильное и, скажем прямо, тягостное впечатление. Правда, рассказ о Пушкине Араповой развязностью и пошлостью самого тона пробуждает у современного читателя интуитивное недоверие. Зато следующая за ним цитата из письма Вяземского, по всей

¹ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 283.

² Нечаева В. Письма крестьян к Пушкину // Памяти П. Н. Сакулина. М., 1931. С. 161.

³ Новое время. 1907. № 11413.

⁴ Вересаев В. Пушкин в жизни. М., 1984. С. 417.

видимости, дает точную информацию о бесспорном факте. Документальный характер этого свидетельства придает дополнительную весомость и убедительность всей подборке в целом. И, наконец, бытовая сценка, описанная А. О. Россетом, в данном контексте служит лишним подтверждением того, что игра для Пушкина была будничным, постоянным времяпрепровождением. В целом страсть к игре рисуется здесь как некая характеристическая черта личности поэта, как величина постоянная: играл всегда, вплоть до последних дней... играл по крупной даже осенью 1835 г., получив правительственную ссуду, т. е. в тот момент, когда его материальные обстоятельства были ужасными...

Но так ли это было на самом деле? Попытаемся проверить, насколько все это соответствует действительности.

Если мы внимательно перечтем приведенный Вересаевым фрагмент из письма Вяземского, мы увидим, что в нем есть ряд необъяснимых странностей. Вызывает недоумение сама форма этого сообщения: «Муж, сказываю, в пух проигрался...». Почему Вяземский узнает о таком событии, грозящем перевернуть всю жизнь Пушкина, из городских слухов? Они ведь постоянно общаются и живут в 10 минутах ходьбы друг от друга. Почему Вяземский так необычно именует поэта: «Муж»? Никогда до тех пор в переписке Вяземского с Тургеневым А. С. Пушкин не был так поименован. И сама интонация этого сообщения не может не вызвать удивления.

Однако еще удивительнее следующее письмо, написанное в первых числах января, в котором Вяземский без всяких оговорок заявляет о том, что Пушкины уезжают на несколько лет в деревню. Ведь как раз в эти дни поэт ожидал ответа на свое ходатайство об издании «Современника». 31 декабря Пушкин отправил на имя графа Бенкендорфа письмо, в котором просил разрешения издать в будущем году «4 тома статей чисто литературных». Отсылая Бенкендорфу это письмо, предназначенное для царя, Пушкин предпринял шаг, от которого зависела вся его дальнейшая судьба. Ближайшие друзья и сподвижники поэта, конечно, знали о его ходатайстве и тоже с нетерпением ожидали, каков будет ответ царя. Как же все это согласовать с решением Пушкина ехать в деревню?

Естественно, что для выяснения этих противоречий мы прежде всего должны обратиться к первоисточнику — к полному тексту письма Вяземского от 29 декабря 1835 г. В этом большом и подробном письме Вяземский, как обычно, сообщал А. И. Тургеневу все последние новости — литературные, светские, семейные. Имя Александра Сергеевича Пушкина впервые появляется в нем вот в каком контексте: Вяземский рассказывает Тургеневу о том, что его парижские письма читались вслух на субботнем вечере у Жуковского в присутствии «Крылова, Пушкина, Одоевского, Плетнева, барона Розена etc., etc.». После чего, по словам Вяземского, все в один голос закричали: «Жаль, что нет журнала, куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего!».

Далее он пишет, что в декабре «трещал мороз от 25 до 30 градусов», и добавляет: «...а в Москве, сказывают, и более. А жена моя в самый этот ужас поехала к матушке в Москву! Сегодня ожидаю ее обратно и отгадай с кем? Заблось ли сердце сильнее? — С Авророй! Пуш-

кины едут на несколько лет в деревню. Муж, сказывают, в пух проигрался».⁵

Внимательное чтение письма Вяземского убеждает нас в том, что в этом абзаце речь идет не о поэте, а о каких-то Пушкиных, живших в Москве. О каких же? Ключом к ответу на этот вопрос служит имя красавицы Авроры Карловны Шерваль, которая была предметом поклонения всего пушкинского круга. Ее сестра Эмилия Карловна была замужем за графом Владимиром Алексеевичем Мусиным-Пушкиным и жила в Москве. К своей сестре Эмилии, при имени которой тотчас же вспоминаются лермонтовские строки «Графиня Эмилия — белее чем лилия...», и поехала погостить Аврора. О муже прелестной графини Эмилии и о его проигрыше и сообщал Вяземский Тургеневу, рассказывая о московских новостях.

После того как Вяземский упомянул в письме имя Авроры, ему уже не нужно было объяснять, кого из Пушкиных он имел в виду. И А. И. Тургенев, читая его письмо, конечно, сразу же понял, что на несколько лет в деревню собирается граф В. А. Мусин-Пушкин с женой.

В. И. Саитов, полвека спустя готовивший письмо Вяземского к публикации, уже не помнил об этих родственных связях и в своих комментариях дал к этому месту письма следующее объяснение: «Пушкины Александр Сергеевич и Наталья Николаевна». В. И. Саитов находился под гипнозом соответствующего представления о личности поэта, прочно сложившегося к тому времени, и ни на минуту не усомнился, что Вяземский пишет о катастрофе, постигшей за игорным столом Александра Пушкина.

Между тем, как уже было сказано, в письме речь шла о знаменитом проигрыше графа Мусина-Пушкина, о котором в конце 1835 г. шумела вся Москва и весь Петербург. В. А. Мусин-Пушкин, проигравший огромные суммы, оказался на грани разорения, и по Москве распространился слух, что он удаляется на несколько лет в деревню, чтобы поправить свои дела. Шли разговоры о нечистой игре, об участии шулеров. В связи с этим московский полицеймейстер назначил специальное расследование.

Эта история нашла отражение и в переписке Пушкина. Когда в Петербурге стало известно, что среди выигравших был Павел Воинович Нащокин, Пушкин очень встревожился. Он не сомневался в порядочности Нащокина, но опасался, что этот выигрыш бросит тень на репутацию его друга. В десятых числах января поэт писал Нащокину в Москву: «О тебе были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что истинно меня утешило, так это то, что все в один голос оправдывали тебя, и тебя одного...» (XVI, 73). В свою очередь П. В. Нащокин в эти же дни сообщал Пушкину о том, что полицеймейстер предписал ему не выезжать из города до окончания следствия.

Но вернемся к началу нашего разговора. Итак, нам удалось распутать недоразумение, касающееся одного частного биографического факта. Но даже это небольшое уточнение ведет нас к принципиально важным биографическим проблемам. Как видим, отдельные фактические неточности, наслаиваясь одна на другую, создают почву для возникновения

⁵ Остафьевский архив. Т. 3. С. 280—283.

биографических легенд, в которых Пушкин предстает как бы в кривом зеркале.

Что касается истории, о которой у нас шла речь, теперь очевидно, что подборка Вересаева о постоянной карточной игре и ночных кутежах поэта, вызывавшая у нас чувство гнетущего недоумения, основана на неточных и ошибочно истолкованных материалах. Естественно, возникает вопрос: почему этот эпизод, связанный с письмом Вяземского, до сих пор не был правильно прокомментирован? По-видимому, давно сложившийся стереотип очень сильно воздействует и на наше сегодняшнее представление о личности Пушкина. Мнение о «двух планах», противопоставлявшее Пушкина-поэта Пушкину-человеку, оказалось очень устойчивым; его влияние чувствуется и до сих пор. Вот почему в течение многих десятилетий никто не выразил сомнения в справедливости комментария Сантова. Легенды, подобные той, которая закрепилась благодаря подборке Вересаева, легко укладываются в рамки обывательского сознания. Такой Пушкин обывателю понятен и по плечу. Но эта обывательская версия оказывается очень далекой от истины.

Отношение Пушкина к карточной игре — и в его житейском поведении, и в художественном осмыслении темы — претерпело сложную эволюцию. Не имея возможности в краткой заметке всерьез касаться этой проблемы,⁶ остановимся лишь на фактической стороне дела.

Хорошо известно, что после женитьбы Пушкин решительно изменил свой прежний холостой образ жизни. Он совершил этот поворот по собственной воле. К этому его побуждала ответственность перед своим даром, его стремление привести свою жизнь «в соответствие с нравственным призванием русского поэта, как он его понимал».⁷ За эти годы поэт, как он сам говорил, почти «отстал» от карт. 15 января 1832 г. Пушкин писал М. О. Судпенко: «Надобно тебе сказать, что я женат около года и что вследствие сего образ жизни моей совершенно переменялся к неопisanному огорчению Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет; на беду мою я забастовал будучи в проигрыше...» (XV, 4). Пушкин, конечно, участвовал в обычной для того времени карточной игре в семейных домах, на вечерах у своих знакомых. Но что касается игры «по крупной», нам известен лишь один случай, когда поэт в эти годы снова оказался во власти игорных страстей. Это было летом 1834 г., когда Пушкин был вне себя от нанесенного ему оскорбления: он узнал, что его письмо к жене было распечатано на почте и передано на просмотр царю. Тогда поэт решил уйти в отставку. И вот в эти дни, когда он был в тяжелейшем состоянии духа, Пушкин снова начал играть.

В начале июня он записал в своем дневнике: «Вечер у Смирновых; играл, выиграл 1200 р.». Выигрыш был настолько значительным для него, что Пушкин отметил это в своем дневнике, куда он вообще очень редко записывал факты своей частной жизни. В один из таких вечеров двадцати-

⁶ О роли карточной игры в жизни людей этого поколения см.: Лорман Ю. М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Т. 7. С. 175 и след.

⁷ *Непомятый В. С.* Поэзия и правда. М., 1983. С. 127.

двухлетний Аркадий Россет мог наблюдать в доме своей сестры А. О. Смирновой сцену, которая надолго запомнилась ему: поэт, отойдя от карточного стола, ходит взад и вперед по комнате, заложив руки в карманы и напевая: «Пушкин — бедный человек...». В доме Смирновой он всегда чувствовал себя свободно и держался с полной непринужденностью.

А через две или три недели Пушкин написал жене: «Я перед тобой кругом виноват в отношении денежном. Были деньги... и проиграл их. Но что делать? Я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь. Все Тот (Николай I. — С. А.) виноват; но бог с ним; отпустил бы лишь меня во-своясп...» (XV, 168).

Это единственное известное нам свидетельство о каком-то значительном проигрыше Пушкина в последние годы жизни. Правда, в списке долгов, который составил поэт в 1835 или 1836 г., есть помета: «5000 — за карты», но эта цифра в точности совпадает с суммой карточного долга, который много лет мучил Пушкина. Он проиграл профессиональным игрокам еще до женитьбы, и в 1831 г. на остаток долга выписал вексель на 5000 рублей, по которому так и не смог расплатиться.

Об этой бытовой стороне пушкинской жизни не стоит стыдливо умалчивать. Без изучения этих мелких частных фактов невозможно создание научной биографии поэта.

С. Л. Абрамович

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПУШКИНСКИМ ТЕКСТАМ

1. Лицейская надпись Пушкина

В начале 1950-х годов при описании документальных материалов о Пушкине, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, был обнаружен список стихов:

Известно буди всем, кто только ходит к нам:
Ногами не топтать парчевого дивана,
Который получил мой праотец Фатам
В дар от персидского султана.

Стихи эти в 1951 г. были опубликованы Б. В. Томашевским со следующим комментарием: «Печатается по копии, сделанной одним из лицейстов, из собрания Пушкинского лицейского музея (дар Н. Фетисова) (ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 285).

Запись приведенного четверостишия находится на том же листке, на котором аккуратной рукой А. Д. Илличевского написано принадлежащее его перу „Послание к моему рисовальному учителю“ (т. е. Чирикову).

При первом же взгляде на запись можно определить, что писал ее не автор. Так, первый стих ошибочно разбит на два:

Известно буди всем,
Кто только ходит к нам...

Автор не мог бы сделать такой ошибки.

Имя „Фатам“ в третьем стихе показывает, откуда взяты эти стихи. Ясно, что приведенное четверостишие является цитатой из какого-то более крупного произведения, т. е. само по себе оно не имеет законченного смысла. Если бы это было стихотворное произведение, то переписчик, вероятно, не ограничился бы этими четырьмя стихами и для большей осмысленности текста переписал бы и соседние стихи. Следовательно, надо предположить, что эти стихи являлись частью какого-то прозаического произведения, где фигурировал Фатам. Такое произведение назвать не трудно», — писал Томашевский, имея в виду не дошедший до нас лицейский «роман» Пушкина «Фатам, или Разум человеческий».¹ И в другом месте так дополнительно обосновывал свой вывод: «Вряд ли в Лицее было два прозаических сочинения о Фатаме. Поэтому можно с некоторым вероятием допустить, что перед нами стихи из романа Пушкина. В восточных романах (вернее, стилизованных в «восточном вкусе») философского типа мы встречаем подобного рода четверостишия: ими обыкновенно формулируются или „оракулы“, или надписи к различным предметам. Такой надписью к дивану является и настоящее четверостишие».²

Как видно из приведенных слов Томашевского, при всей, казалось бы, основательности своего заключения ученый видел известную его гипотетичность. Во всяком случае в десяти томник, вышедший под его редакцией, стихотворение не вошло. И тем не менее вновь найденные стихи были введены в состав дополнений к большому академическому собранию сочинений — в виде четверостишия, с определением «отрывок из романа: „Фатам, или Разум человеческий“» и предположительной датировкой ноябрем—декабром 1815 г. (XVII, 15). Одновременно четверостишие вошло в корпус десяти томника, выпущенного Гослитиздатом, где оно получило аналогичное толкование.³ Однако такое понимание интересующей нас «надписи» не является единственно возможным. Томашевский сообщил, что список интересующих нас стихов находится на одном листке с автографом шуточного стихотворения Илличевского «Послание к моему рисовальному учителю», т. е. Чирикову.

«Сергей Гаврилович Чириков, учитель рисования и гувернер <...> за свой добрый нрав и обходительность пользовался любовью и доверием воспитанников. Он, как и его друг Иконников, сочувствовал литературным занятиям лицестов и сам пописывал стихи (хотя и плохие). В первое время лицеисты проводили свободное время у Чирикова: там составляли их литературный кружок. На квартире его, как известно, долго сохранялись на стене строки, набросанные рукою Пушкина». К. Я. Грот, чьи слова⁴ мы только что привели, к сожалению, не ссылается на источник своих сведений о строках, набросанных Пушкиным на стене в квартире Чирикова. Возможно, он опирался в этом случае на рассказ П. И. Барте-

¹ «Лицейское четверостишие». Публ. Б. В. Томашевского // Литературный архив. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 11.

² Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 37—38.

³ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 1. С. 348, 600 (примечания Т. Г. Цявловской).

⁴ Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811—1817). СПб., 1911. С. 76.

нева, основанный на показаниях «одного из позднейших лицейстов — г-на Унковского» и содержащий дополнительные сведения по интересующему нас вопросу. «Лицейсты любили его, — писал Бартенев о Чирикове. — У него бывали литературные собрания. В его гостиной, над диваном, долго сохранялось несколько шуточных стихов, написанных на стене Пушкиным». И ниже, в примечании: «В этих стихах говорилось о литературных собраниях, бывших у Чирикова. Сообщено <...> г-ном Унковским».⁵

О формах, в которых выражались «любовь и доверие воспитанников», можно отчасти судить по налету фамильярности в упоминавшемся выше «Послании к моему рисовальному учителю» Иллчевского или по покаянной дневниковой записи любимца гувернера С. Д. Комовского, который так описывает свое посещение Чирикова: «С самого моего прихода начал я с ним, как обыкновенно, сперва шутить, потом мешать ему рисовать, наконец более и более к нему приставая, несмотря на кроткие его увещания, несмотря на все его терпение, довел дело до того, что оно из шутки превратилось в серьезное».⁶ Вероятно, литературные собрания лицейстов тоже проходили в обстановке ребячьих шалостей и озорства, которая и вызвала к жизни стихи Пушкина, написанные на стене.

Думается, что опубликованное Б. В. Томашевским стихотворение «Известно буди всем...» и есть та самая надпись, набросанная Пушкиным над диваном в гостиной Чирикова. Упоминание же в ней Фатама — знак того, что появилась она в те (или почти в те) дни, когда писался «Фатам, или Разум человеческий».

Если взглянуть на стихи с такой точки зрения, то станет ясно, что не стоит искать в них иного содержания, кроме того буквального смысла, который отразил игровую атмосферу, их породившую.

Свое объяснение получает и «восточный элемент», справедливо уловленный в надписи Томашевским, но восходящий, оказывается, не к традициям «восточного» повествования, а к обстоятельствам, связанным с личностью хозяина «парчевого дивана». В известной «Записке» М. А. Корф привел куплеты о Чирикове, «сочиненные общим трудом» лицейстов первого выпуска. Куплеты, как и пушкинская надпись, писаны от лица Чирикова, и в первом же из них поется: «Перс я родом...». Стих этот сопровождается примечанием мемуариста: «Чириков уверял, что род его происходит из Персии, и точно, в физиономии своей он имел что-то восточное».⁷

Весьма важный аргумент в пользу нашего предположения о происхождении надписи к дивану приносит новое обращение к списку, по которому она печатается. Сличение списка с автографом письма Чирикова к С. Д. Комовскому от 6 сентября 1814 г.⁸ показывает, что надпись Пушкина переписал сам Чириков, может быть, перед ее уничтожением или собирая вместе то, что напоминало ему о первенцах Лицея.

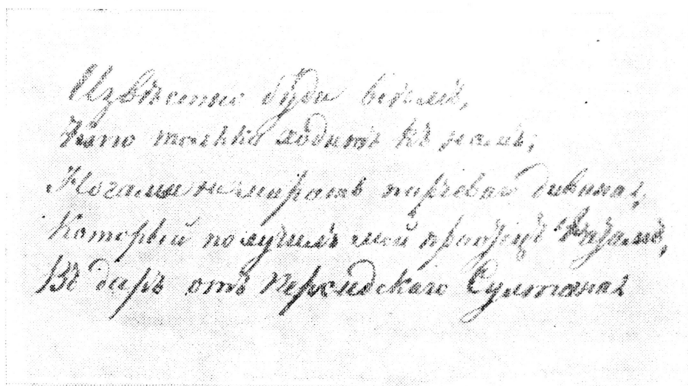
⁵ Бартенев П. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. М., 1854. Гл. 2. Отд. отд., с. 23.

⁶ Грот К. Я. Пушкинский лицей. С. 10.

⁷ Грот Я. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд. СПб., 1899. С. 233.

⁸ ПД, ф. 244, оп. 25, № 188.

Последний вопрос, которого следует коснуться в связи с пушкинской надписью, относится к области стиха. В том, что в списке, принадлежащем, как мы теперь знаем, руке Чирикова, надпись начинается двумя стихами трехстопного ямба, из которых первый стих холостой, Б. В. Томашевский усмотрел знак порчи текста, записанного не автором и по памяти. Чириков был поэтом (хотя и плохим), а графический рисунок пушкинского стихотворения долгое время был у него перед глазами. Думается, что, желая сохранить надпись, он перенес стихи на бумагу так, как они были написаны Пушкиным: в виде пятистишия, состоящего из двух трехстопных, двух шестистопных и одного четырехстопного ямба со схе-

Список стихотворения «Известно буди всем. . .». (ПД, ф. 244, оп. 25, № 285)-

мой ХаВаВ. Мотивы, по которым поэт отказался от записи стихов в виде правильного четверостишия с перекрестной рифмовкой (АbАb), неясны,⁹ и остается думать, что перед нами один из случаев, о которых Томашевский в другой связи писал: «В отдельных случаях (...) мы не можем с достаточной убедительностью сказать, по каким разделам происходит деление речи на основные метрические единицы — стихи».¹⁰ Согласно принятым нормам воспроизведения разностопных стихов, надпись к дивану следует печатать так:

Известно буди всем,
 Кто только ходит к нам:
 Ногами не топтать парчевого дивана,
 Который получил мой праотец Фатам
 В дар от персидского султана.

⁹ Можно лишь предположить, что поэт прибег к этому приему с целью усилить акцент на слове «всем», а также интонационно отделить «обращение», содержащееся в двух первых стихах, от «сообщения» — основной части надписи.

¹⁰ Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. II. С. 51.

2. Пушкин, Ж.-Ж. Руссо и Аврелий Виктор.

Первое свидетельство творческого интереса Пушкина к теме Клеопатры относится к октябрю 1824 г. И тут же, на полях первого черновика ранней редакции стихов о египетской царице, поэт оставил помету — «Aurelius-Victor» (III, 678). Позднее, в 1835 г., когда у Пушкина возник замысел включить стихотворную интерпретацию темы Клеопатры в прозаическую повесть из современной жизни, он не только назвал устами своих героев произведение, из которого почерпнут древний анекдот («De viris illustribus urbis Romae»; приписывалось Аврелию Виктору до конца XIX в.), но и привел его на языке подлинника. Более того, он сообщил о времени жизни Аврелия Виктора (IV в. н. э.), о том, что корпус его сочинений не установлен с достаточной определенностью, дал оценку стилю исторических его сочинений на фоне стиля таких латинских историков, как Тацит и Саллюстий. Пушкинисты, привыкшие находить у Пушкина редчайшие сведения, принадлежащие к самым различным областям знания, начиная с П. В. Анненкова видели в рассказе об Аврелии Викторе одно из многих проявлений разносторонней образованности поэта. Несомненно иначе отнеслись к нему знатоки культуры древнего Рима.

«Аврелий Виктор, — писал А. И. Малеин, — литературная величина далеко не из первостепенных (...) был всегда известен только записным филологам, и знакомство с ним Пушкина делает ему большую честь».¹¹ Что сведения о Викторе, приведенные в повести «Мы проводили вечер на даче...», весьма специальные и не входят в круг обычной светской образованности, прекрасно сознавал и сам Пушкин. Имя это впервые звучит в таком контексте: «Надобно знать, что в числе латинских историков есть некто Аврелий Виктор, о котором, вероятно, вы никогда не слыхивали» (VIII, 421). Когда же среди гостей княгини Д. находится человек, познания которого явно не укладываются в общее правило, его словам предпослана исполненная иронии авторская характеристика. «Вершневу, — читаем здесь о неожиданном знатоке Аврелия Виктора, — один из тех людей одаренных убийственной памятью, которые всё знают и всё читали, и которых стоит только тронуть пальцем, чтоб из них полилась их всемирная ученость» (черновой вариант — VIII, 990).

И тем не менее, сопоставив время работы Пушкина над первой редакцией стихотворения «Клеопатра» с интересом поэта к Шекспиру и римским историкам в пору создания «Бориса Годунова», еще М. М. Покровский, а вслед за ним А. И. Малеин и И. Д. Амусин заключили, что Пушкин «читал Аврелия Виктора в связи с Тацитом», т. е. в контексте исторических изучений, связанных с кругом интересов, в центре которых была работа над исторической трагедией.¹² Покровский обратил внимание

¹¹ Малеин А. И. Пушкин, Аврелий Виктор и Тацит // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 11. По наблюдению автора, в повести Пушкина предвосхищены некоторые оценки и параллели, к которым европейская наука пришла лишь к началу XX столетия.

¹² См.: Покровский М. Пушкин и римские историки // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 485; Малеин А. Пушкин, Аврелий Виктор и Тацит. С. 12; Амусин И. Д. Пушкин и Тацит // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 162.

и на то, что в библиотеке села Тригорского, которой, как известно, пользовался ссыльный Пушкин, даже и в 1902 г., когда ее описал Б. Л. Модзалевский, сохранялись некоторые книги по римской истории.¹³ Однако ни Покровский, ни другие филологи-античники не учитывали возможности того, что автор стихотворения «Клеопатра» (1824) мог еще не располагать всеми теми сведениями, которые отразились в повести «Мы проводили вечер на даче...» (1835).

Возвращаясь к вопросу, как и когда Аврелий Виктор и книга «О знаменитых мужах города Рима» могли попасть в поле зрения Пушкина, Д. П. Якубович, соединивший знание античных литератур со знаниями профессионального пушкиниста, писал: «Быть может, с именем Аврелия Виктора Пушкина познакомил еще в Лицее Кошанский <...> Быть может, Пушкин натолкнулся на „Знаменитых мужей“ с именем Аврелия Виктора в Михайловском, пользуясь библиотекой Тригорского, где Осипова имела ряд книг греческих и латинских историков <...> в русских переводах. На русский язык, впрочем, Аврелий Виктор вообще не был переведен, и Пушкин мог иметь дело, кроме оригинала, разве только с французским переводом.

Всего вероятнее, как это предполагалось, что нечастое имя Аврелия Виктора всплыло перед Пушкиным в связи с его новыми историческими интересами и занятиями, в частности с его вниманием к Тациту».¹⁴

Размышляя о вероятных путях знакомства Пушкина с Аврелием Виктором, Д. П. Якубович упустил одну возможность — возможность существования литературного посредника. Между тем роль такого посредника могла сыграть несомненно известная Пушкину книга Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании». Прежде чем охарактеризовать тему Клеопатры и тот смысловой контекст, в который включается она у Руссо, напомним об одной особенности пушкинской трактовки этой темы.

Уже для стихотворных интерпретаций древнего анекдота (1824, 1828) характерно восприятие его Пушкиным сквозь призму психологического опыта XIX в. Клеопатра обретает под пером Пушкина сходство с разочарованным героем байронической поэмы.¹⁵ Позднейшие по времени обращения Пушкина к теме Клеопатры основаны на более сложном сопряжении показания Аврелия Виктора с современностью. Анекдот говорит, что «Клеопатра торговала своею красотой» и что «многие купили ее ночи ценою своей жизни» (VIII, 421). В повести Пушкина «Мы проводили вечер на даче...» в светском разговоре возникает вопрос, возможно ли повторение этого «совершенно древнего» анекдота в нынешнее время (VIII, 424). Один из центральных персонажей повести, Алексей Иванович, рисуя портрет героя времени — человека разочарованного, жизнь которого «отравлена унынием, пустыми желаниями» и который является, судя по всему, его психологическим двойником, не видит ничего невозможного в том, что и ныне найдутся люди, способные принять условие Клео-

¹³ Покровский М. Пушкин и римские историки. С. 485.

¹⁴ Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Т. 6. С. 151.

¹⁵ См.: Петрунина Н. Н. «Египетские ночи» и русская повесть 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 23.

патры: «Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастья купить?» (VIII, 424). «Одна мысль о таком зверстве должна уничтожить самую безумную страсть», — возражает собеседница Алексея Ивановича, для которой в отличие от него вопрос, если можно так сказать, имеет интерес чисто теоретический и которая подходит к событию анекдота с современными психологическими и нравственными критериями. Своего рода итогом этого спора звучит анекдот в пересказе Чарского — героя «Египетских ночей». «Я имел в виду, — говорит Чарский импровизатору, — показание Аврелия Виктора, который пишет, будто бы Клеопатра назначила смерть ценою своей любви, и что нашлись обожатели, которых таковое условие не испугало и не отвратило» (VIII, 273—274). Тема, определенная подобным образом, требует от импровизатора такой интерпретации, при которой смысловым центром стало бы выступление на сцену искателей, и таких мотивировок их решимости, которые имели бы вес в глазах современных слушателей.

Смысловой контекст, облакающий у Пушкина тему Клеопатры, мы затронули не случайно. Свидетельство Аврелия Виктора и оценка его человеком, нравственность и психология которого сформированы другой, позднейшей эпохой, соединены уже в педагогическом романе Руссо.

В книге IV «Эмиля», посвященной задачам воспитания мальчика в пору, когда он переживает, по словам Руссо, эпоху второго рождения, вступает в возраст любви, читаем: «Il n'est point vrai que le penchant au mal soit indomptable, et qu'on ne soit pas maître de le vaincre avant d'avoir pris l'habitude d'y succomber. Aurélius Victor dit que plusieurs hommes transportés d'amour achetèrent volontairement de leur vie une nuit de Cléopâtre; et ce sacrifice n'est pas impossible à l'ivresse de la passion. Mais supposons que l'homme le plus furieux, et qui commande le moins à ses sens vit l'appareil du supplice, sûr d'y périr dans les tourments un quart d'heure après; non-seulement cet homme, dès cet instant, deviendrait supérieur aux tentations, il lui en coûterait même peu de leur résister: bientôt l'image affreuse dont elles seraient accompagnées le distrairait d'elles».¹⁶

Когда Пушкин познакомился с «Эмилем» Руссо?

Беглое упоминание имени Руссо рядом с именем Карамзина в «Горючке» (1815) при отсутствии других свидетельств интереса юного поэта к произведениям Руссо послужило Томашевскому основанием для вывода, что «в лицейское время он был для Пушкина главой чувствительного направления, сентиментальным прозаиком. По-видимому, по-настоящему к чтению сочинений Руссо Пушкин приступил только в 1820-х гг.»¹⁷

¹⁶ Oeuvres complètes de J. J. Rousseau. Avec des notes historiques et des éclaircissemens / Par V. D. Musset-Pathay. Paris, 1823. P. 142—143. Перевод: Неправда, будто склонность к злу неодолима и будто человек не волен превозмочь ее, пока еще не сделал привычки ей поддаваться. Аврелий Виктор говорит, что несколько человек, увлеченных любовью, охотно купили ценою своей жизни одну ночь Клеопатры, и жертва эта не невозможна в опьянении страстью. Но допустим, что человек, наиболее нестойкий и наименее владеющий своими чувствами, видит орудие казни и уверен, что будет им растерзан четверть часа спустя; такой человек не только с этого самого мгновения стал бы выше искушений, но ему даже немногого стоило бы им противиться: скоро сопровождающая эти искушения ужасная картина отвлекла бы его от них (франц.).

¹⁷ Томашевский В. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 132.

В настоящее время можно назвать источник, показывающий, что в последние годы пребывания в Лицее товарищи Пушкина читали Руссо, и как раз «Эмиля».

Дело в том, что в старшее лицейское трехлетие Пушкин и его товарищи по школьной скамье достигли того возраста, который переживает воспитанник Руссо в четвертой и пятой книгах «Эмиля», и сочинение женевакого гражданина обрело в их глазах особую притягательную силу. В дневнике лицейского друга Пушкина И. В. Малиновского, который начал летом 1816 г. и именно по велению чувства первой любви, читаем: «Пусть оуждают старики влюбчивость, пусть запрещают молодому человеку предаваться оной; взгляните в Руссо — и увидите, как он описывает это состояние — состояние чистейшего удовольствия. „Вот счастливейшая минута в жизни твоей“, — говорит он своему воспитаннику, — а эта минута есть восторг любви, чистейшей, непорочной любви!»¹⁸ Дневник Малиновского вызывает в памяти черновую строфу пушкинского стихотворения «19 октября» 1825 г., обращенную к тому же Малиновскому и напоминающую о времени, когда Пушкин, Малиновский и поэт «впервой все трое полюбили» (II, 972) и искали друг в друге наперсника. Разумеется, и «Эмиль» Руссо не миновал в те дни ни одного из трех друзей.

Были или не были замечены Пушкиным в лицейские годы упоминание Руссо об Аврелии Викторе и так интересовавший его впоследствии анекдот, но в творчестве его тема Клеопатры, как мы уже говорили, отозвалась впервые в октябре 1824 г., через три месяца после того, как ссыльный поэт приехал в Михайловское. В начале 1820-х годов Пушкин пережил полосу интереса к сочинениям Руссо, в основе которого, как показал Б. В. Томашевский, «лежат декабристские настроения и байронизм Пушкина (для него неразделимые)».¹⁹ В творчестве и переписке Пушкина 1822—1825 гг. Томашевский проследил целый ряд упоминаний имени Руссо, цитат из его произведений, руссоистских идей и настроений. Предположение наше, что рассказанный Аврелием Виктором анекдот о Клеопатре стал известен Пушкину через посредство «Эмиля» Руссо, на этом фоне представляется особенно правдоподобным.

Упорные возвращения Пушкина к теме Клеопатры говорят о том, что древний анекдот глубоко затронул его творческое сознание. Естественно думать поэтому, что первая редакция стихотворения «Клеопатра» была создана вскоре после того, как поэту стало известно показание Аврелия Виктора; другими словами, что сообщение латинского историка оказалось в поле его зрения уже в Михайловском. Это возвращает нас к библиотеке села Тригорского, но на этот раз не к трудам римских историков, а к сочинениям Руссо.

К 1902 г., когда библиотеку увидел и описал Б. Л. Модзалевский, в ней оставался лишь один, второй том издания «Collection complète des oeuvres de J. J. Rousseau» (Genève, 1782),²⁰ включающий «Общественный

¹⁸ ПД, ф. 244, оп. 25, № 305, л. 12 об. (запись событий «с 8 до 14 июля» 1816 г.). Малиновский здесь не цитирует Руссо, а передает суть фрагмента пятой книги «Эмиля».

¹⁹ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. С. 132 и след.

²⁰ Модзалевский Б. Л. Каталог библиотек села Тригорского // Пушкин и его современники. СПб., 1903. Вып. 1. С. 27 (№ 73).

договор» и «Соображения об образе правления в Польше». Можно полагать, что при жизни П. А. Осиповой издание оставалось полным. Пушкин же в первые месяцы пребывания в Михайловском мог заглянуть в «Эмилия» и привлеченный социально-критическими идеями автора, памятными по южным спорам, и по ассоциации с лицейскими чтениями, о которых вспомнилось в работе над третьей главой «Онегина», когда для любимой пушкинской героини «пора пришла, она влюбилась» (VI, 54). «Новая Элоиза» входит в круг чтения Татьяны, а от одного «деревенского» романа Руссо нетрудно было перейти мыслью к другому.

Издание Руссо, бывшее в библиотеке Тригорского, содержало лишь тот текст, который цитирован выше, с глухой отсылкой к Аврелию Виктору. Уточняющее примечание, в котором названы книга «De viris illustribus» и даже та глава, где приведен анекдот о Клеопатре, появилось лишь в комментированных изданиях конца 1810-х годов;²¹ в женевском издании 1782 г. его еще нет. Примечательно в связи с этим, что текст «Клеопатры» 1824 и даже 1828 гг. не содержит ни одной фактической или исторической детали, которая уведила бы за пределы версии древнего анекдота, созданной автором «Эмилия».

Руссо обходит молчанием акцентированную латинским историком «похотливость» Клеопатры, не вводя взамен другой мотивировки ее действий. Он лишь признает, что в опьянении страстью человек способен отдать жизнь за ночь любви, и дает воспитаннику совет, как вернуть себе власть над собственными чувствами. У Пушкина вызов Клеопатры, романтически приподнятой над толпой «обожателей», — это и жест недоверия к чувствам искателей, и высшая жертва божеству. В отличие от Руссо в стихах Пушкина лишь одного из претендентов влечет к царице «страстей неопытная сила» (III, 131). Другие же — и стоик, и эпикуреец — принимают вызов Клеопатры во имя верности себе, своим жизненным принципам. В итоге мы видим в «Эмилие» «пример», напоминающий об «ужасных нравах древности» (VIII, 424), и назидание в духе психологии и этики эпохи Просвещения. У Пушкина же и клятва Клеопатры с ее жреческим пафосом, и культурно-психологическая дифференциация претендентов служат целям не назидания, а пластически-образного воссоздания эстетически совершенного и этически ужасного времени.

Помету Пушкина «Aurélius-Victor» на черновом автографе «Клеопатры» 1824 г. можно истолковать как знак того, что Пушкина заинтересовал недоступный ему в Михайловском текст римского историка, к которому он предполагал вернуться впоследствии. Непосредственное же знакомство поэта с показанием Аврелия Виктора получило отражение лишь в прозе и стихах 1835 г. Анекдоту возвращены в повести «Мы проводили вечер на даче...» сила и энергия, присущие ему в латинском оригинале, а представленная в нем картина древних нравов стала у Пушкина орудием анализа общества современного.

Н. Н. Петрунина

²¹ Одно из этих изданий, в котором издавна известен Пушкину «Эмилия» остался неразрезанным, сохранилось в составе библиотеки поэта (см.: *Модзалевский Б.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 325—326 (№ 1332).

Стихотворение Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836) во второй части представляет собой весьма близкое переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...». Пушкин лишь в одном месте существенно отстывает от первоисточника, вводя отсутствующий в последнем образ: «Владыко дней моих! Дух праздности унылой, Любоначалия, змеи сокрытой сей...». В. П. Старк в статье «Стихотворение „Отцы пустынноики и жены непорочны...“ и цикл Пушкина 1836 г.»¹ дает следующую оценку этому образу: «Основное внимание пушкинского стихотворения обращено на борьбу с любоначалем, этому греху дано расширительное определение: „змеи сокрытой сей“. Образ „змеи сокрытой“ в сиринской молитве отсутствует, однако, введенный Пушкиным, именно он придает стихотворению восточную красочность, сочность, которых лишен перевод (...). Пушкин выделяет этот грех как важнейший — грех стремления к мирской власти, желания повелевать и в то же время грех преклонения перед властями. Так ставится Пушкиным проблема, которая является основной, сквозной для всего цикла 1836 г.»²

К этим наблюдениям должно быть добавлено следующее: в этой строке («Любоначалия, змеи сокрытой сей») Пушкин воспользовался готовой формулой из оды Андре Шенье (1762—1794) «Игра в мяч» («Le Jeu de raquette»). Ода Шенье, впервые опубликованная отдельной брошюрой в начале 1791 г., затем вошла в первое собрание сочинений поэта, изданное в 1819 г. А. де Латушем. Ода воспекает Великую французскую революцию, в частности один из моментов, предшествовавших ее началу. Вскоре после созыва Генеральных штатов (5 мая 1789 г.), начавших заседания в Версале, депутаты третьего сословия поклялись в Зале для игры в мяч не расходиться до тех пор, пока не будет выработана конституция. Вскоре затем последовали штурм и падение Бастилии и утверждение «Декларации прав человека и гражданина», о чем с восторгом говорится в оде. Вместе с тем в этой оде, начиная примерно с середины, звучат сомнения в целесообразности дальнейшего углубления революции и призыв к народу успокоиться. В XV строфе говорится об опасной жажде власти:

Tout mortel dans son coeur cache, même à ses yeux,
L'ambition, serpent insidieux...

(«Всякий смертный в сердце скрывает, даже от своих глаз || Властолюбие, коварного змия»). Слово «ambition», которое имеет также значение «честолюбие», в данном случае выступает именно в значении «властолюбие» или (в более архаизированном виде) «любоначалие». Слово мужского рода «serpent» значит и «змей» («змей»), и «змея». Сначала Пушкин повторяет

¹ Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X. С. 193—203.

² Там же. С. 199.

формулу Шенье слово в слово: «Любопачалия, змеи коварной сей» (III, 1033), но затем изменяет эпитет «коварной» на «сокрытой», опираясь на текст Шенье, у которого всякий смертный «змия (или змею) властолюбия» скрывает. Так Пушкин спрессовывает и углубляет несколько растянутый у Шенье образ, сообщая ему лаконизм и особую силу. Человек скрывает «змею властолюбия» прежде всего от самого себя и этим питает ее, потому она так и страшна.

Займствование из А. Шенье в стихотворении Пушкина 1836 г. — еще одно свидетельство постоянного, до конца дней, интереса его к творчеству французского поэта, оказавшего существенное влияние на становление пушкинской поэтики. Это займствование свидетельствует также о внимательном, неоднократном прочтении гражданственной оды Шенье.

Соседство Ефрема Сирина и Андре Шенье кажется неожиданным. Можно предположить, что для Пушкина поэзия была едина, и такие разные авторы, как христианский писатель, подвижник IV в., и поэт философского XVIII века, чуждый христианской религии, обладали для него равными, чисто поэтическими правами.

Вероятно также, что они объединились в его сознании как узники (оба подверглись тюремному заключению): на возможность употребления здесь слова «падший» в значении «узник» указал С. А. Фомичев³ («И падшего крепит неведомою силой» — III, 421).

Вместе с тем в образе Шенье есть и особенность, которая, очевидно, поразила Пушкина, — это его точная связь с библейским преданием. Ведь в книге Бытия змий искушал Еву возможностью стать как боги («... и вы будете, как боги...» — Бытие, 3, 5). Именно поэтому порок властолюбия называется в оде «коварным змием». Связь образа с ветхозаветным преданием подтверждается следующим, сменяющим его образом, также относящимся к «ambition»:

... L'ambition, serpent insidieux,
Arbre impur que déguise une brillante écorce.

(«... Властолюбие, коварного змия, || Тлетворное дерево, покрытое блестящей корой»). Райское дерево, сулившее власть и всеведение, которыми обладал один бог, было «приятно для глаз и вожделенно» (Бытие, 3, 6).

В следующих строках этой строфы говорится, с явным намеком на библейский «плод от дерева», о сладостном вкусе (буквально: мякоти) абсолютной власти:

L'empire, l'absolu pouvoir
Ont pour la vertu même une mielleuse amorce.

(«Господство, неограниченная власть || Сладостная приманка даже для добродетели»). Ветхозаветная подоплека образа Шенье, несколько (если не сказать вовсе) посторонняя содержанию его оды, скорее просто украшающая образ, придающая стилю высоту, показалась, видимо, Пушкинцу орга-

³ Фомичев С. А. Последний лирический цикл Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 62—63.

ничной для его стихотворного переложения. И, быть может, «любоначалие» равнозначно в этом переложении не столько «стремлению к мирской власти», как пишет В. П. Старк, сколько желанию стяжать полноту божественной власти, стать богом, Творцом с большой буквы. То, что Пушкин, воспользовавшись формулой Шенье, действительно выделяет, как верно замечает В. П. Старк, грех любоначалия среди всех прочих, свидетельствует и о субъективном осмыслении канонических христианских представлений, выраженных в молитве Ефрема Сирина, где основные грехи и добродетели просто перечисляются: они или нежелательны, или вожделенны в равной степени. Об отходе от традиционных христианских представлений говорит и эпитет «печальные», характеризующий дни Великого поста («Во дни печальные Великого поста»). Великий пост, по христианским представлениям, не только время скорби, но и время духовной радости, дарующее возможность принести покаяние и получить прощение, время, осмысляемое в неразрывном единстве с воскресением. Таким образом, желание углубить, субъективно осмыслить первоисточник при посредстве художественной формулы Шенье неразрывно связывалось у Пушкина с частичной деканонизацией религиозных представлений.

Отметим также другие, не отмечавшиеся прежде заимствования Пушкина из стихотворений Шенье.

Неоконченный пушкинский отрывок «О боги мирные полей, дубров и гор» (1824) представляет собой довольно близкий перевод нескольких строк из элегии Шенье «*Quand la feuille en festons a couronné les bois*» («Элегия X, кавалеру де Ланжу»), что видно из их сравнения.

У Пушкина:

О боги мирные полей, дубров и гор,
Мой Аполлон ваш любит разговор,
Меж вами я нашел и Музу молодую,
Подругу дней моих, невинную, простую,
Но чем-то милую — не правда ли, друзья?
И своенравная волшебница моя,
Как тихий ветерок, иль пчелка золотая,
Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая

(II, 316)

У Шенье:

Bois, écho, frais zéphyr, dieux champêtres et doux,
Le génie et les vers se plaisent parmi vous.
J'ai choisi parmi vous ma Muse jeune et chère;
Et, bien qu'entre ses sœurs elle soit la dernière,
Elle plaît. Mes amis, vos yeux en sont témoins.
Et puis une plus belle eût voulu plus de soins;
Délicate et craintive, un rien la décourage,
Un rien sait l'animer. Curieuse et volage,
Elle va parcourant tous les objets flatteurs
Sans se fixer jamais, non plus que sur les fleurs
Les zéphyr vagabonds, doux rivaux des abeilles,
Ou le baiser ravi sur des lèvres vermeilles.⁴

⁴ Œuvres complètes d'André Chénier. Paris, 1819. P. 99—100.

Даем подстрочный перевод:

Рощи, эхо, свежие зефиры, кроткие полевые боги,
Гению и поэзии нравится быть среди вас.
Я выбрал среди вас мою Музу, юную и милую;
И, хотя среди своих сестер она последняя,
Она нравится. Друзья мои, вы тому свидетели.
И к тому же более красивая потребовала бы больше забот;
Хрупкую и робкую, ее огорчает пустяк,
Пустяк может ее оживить. Любопытная и непостоянная,
Она обегает все милые предметы,
Никогда не останавливаясь (задерживаясь) долее, чем
на цветах
Блуждающие зефиры, нежные соперники пчел,
Или поцелуй, сорванный с алых губ.

Необычный образ из стихотворения Пушкина «Из Пиндемонти»:
«...себе лишь самому Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» — имеет свой источник в элегии Шенье «O jours de mon printemps, jours couronnés de rose» («О дни
моей весны, дни, увенчанные розами»):

Qui ne sait être pauvre est né pour l'esclavage.
Qu'il serve donc les grands, les flatte, les menage,
Qu'il plie en approchant de ses superbes fronts
Sa tête à la prière et son âme aux affronts.⁵

Подстрочный перевод:

Кто не умеет быть бедным, рожден для рабства.
Пусть же он служит знатым, льстит им, угождает,
Пусть, приближаясь к этим надменным лбам,
Преклоняет голову для мольбы, а душу для оскорблений.

2

В 1827 г. Пушкин перевел стихотворение А. Шенье «Près des bords où Venise est reine de la mer» («Близ мест, где Венеция — царица моря»). Это стихотворение было записано Пушкиным в принадлежавшем ему первом сборнике произведений французского поэта (вышедшем в 1819 г.) с пометой по-французски: «Vers inédits d'André Chénier»⁶ (такая же помета, но по-русски: «Неизданные стихи Андрея Шенье» — сопровождает пушкинский перевод («Близ мест, где царствует Венеция златая») в рукописи (III, 600)). Б. В. Томашевский прокомментировал перевод Пушкина в III томе академического десятитомника Пушкина следующим образом: «Перевод стихотворения Андре Шенье, опубликованного в 1827 г.»⁷ Почему же стихи Шенье названы у Пушкина неизданными? Это определение кажется однозначным, и в 1935 г. М. А. Цявловский отметил: «Стихи Шенье были списаны Пушкиным до их публикации с какого-то рукопис-

⁵ Ibid. P. 112—113.

⁶ Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 192.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М., 1957. Т. III. С. 484.

ного текста».⁸ Однако Пушкин записал стихотворение, уже опубликованное.

Стихотворение Шенье «Près des bords où Venise...» было впервые опубликовано в 1826 г. в журнале «Mercure du XIX siècle»,⁹ затем перепечатано в книге «Oeuvres posthumes d'André Chénier» (книга вышла в начале 1827 г.).¹⁰ Публикация стихотворения Шенье открывала очередной номер журнала под заголовком: «Vers inédits d'André Chénier», — так оно было выделено на фоне стихотворений, вошедших в сборник 1819 г.¹¹ Главным редактором журнала «Mercure du XIX siècle» был Анри де Латуш, опубликовавший первое собрание сочинений Шенье. При печатании стихотворения он внес в него ряд исправлений, так что, сравнивая перевод Пушкина с оригиналом, необходимо учитывать это: в позднейших изданиях Шенье (начиная с издания 1874 г. и далее) текст этого стихотворения, публиковавшийся на основании сохранившейся рукописи, несколько отличается от журнального варианта.

Еженедельный журнал «Mercure du XIX siècle» вышел в Париже 19 августа 1826 г. 22 августа в Москве состоялась коронация Николая I, торжества по этому поводу сопровождались большим наплывом иностранных гостей. Журнал, вышедший 6 августа по старому, русскому стилю, был, вероятно, в это время привезен кем-то из иностранцев в Москву. В начале сентября 1826 г. (когда коронационные празднества еще продолжались) в Москву прибыл Пушкин. В это же время там находился приятель Пушкина поэт В. И. Туманский, по возвращении в Одессу также переведший это стихотворение Шенье.¹² Пушкин же, по-видимому, вернувшись в Михайловское, вписал французский текст в свой сборник Шенье. В его записи имеются некоторые отличия от текста, опубликованного в журнале; возможно, он записывал по памяти или переписывал с рукописного списка. Так, в одном случае вместо инверсии, как в оригинале («D'un aviron léger» — «Веслом легким»), у Пушкина имеет место прямой порядок слов («D'un léger aviron» — «Легким веслом»), слова «dieu» («бог») и «aquilons» («аквилоны») написаны с прописной буквы, а слово «échos» («эхо, отзвуки»), стоящее в оригинале во множественном

⁸ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты // Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 504.

⁹ *Mercure du XIX siècle*. Paris, 1826. T. XIV, N 175. P. 241. На это впервые обратил внимание исследователь творчества Шенье Л. Бек де Фукур в кн.: *Becc de Fouquieres L. Lettres critiques sur la vie, les oeuvres, les manuscrits d'André Chénier*. Paris, 1881. P. 41.

¹⁰ *Oeuvres posthumes d'André Chénier/Revue, corrigées et mises en ordre par D.-Ch. Robert*. Paris, 1826. P. 257—258.

¹¹ Характерно, что и в книге 1826 г. это стихотворение Шенье, единственное новое по сравнению со сборником 1819 г., в примечании издателя Ш. Робера названо «неизданным фрагментом» («Fragment inédit»): «Этот неизданный фрагмент, — писал издатель, — <...> предоставлен нам в момент печатания этого листа г. А. де Латушем, главным редактором журнала „Mercure du XIX siècle“» (*Oeuvres posthumes d'André Chénier*. P. 258).

¹² А не до отъезда в Москву, как пишет С. Н. Браиловский. В подзаголовке перевода Туманского «Гондольер и поэт» стоит: «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье» (*Туманский В. И. Стихотворения и письма*. СПб., 1912. С. 166; Примеч., с. 366).

числе, записано в единственном числе («écho»). Наконец, имеется целый ряд отличий в пунктуации: из них особенно интересны три тире, которых вообще нет в оригинале; думается, что эти тире, стоящие в местах пауз, являются свидетельством того, что Пушкин записывал по памяти (об этом, как уже отмечалось в пушкинистике,¹³ говорит также то, что вместо пятой строки он начал писать девятую и, заметив ошибку, зачеркнул написанное).

У Шенье эти стихи, которые являются в свою очередь вольным переводом совета итальянского поэта XVIII в. Дж. Б. Ф. Дзаппи «*Il gondolier, sebben la notte imbruna*», должны были предварять одну из его буколик. Поэтому в них герой любит повторять «сельские песни» («*Les rustiques chansons que j'aime à répéter*» — «...песни, которые я люблю повторять»). У Латуша эта строка поправлена и романтизирована: «*Et les vers inconnus que j'aime à méditer*» («И неизвестные стихи, которые я люблю тайно обдумывать»). Строку в таком ее виде близко перевел Пушкин: «И тайные стихи обдумывать люблю». У Шенье гондольер любит песни вообще («*Il aime les chansons*»); при издании текст был поправлен: «*Il aime ses chansons*» («Он любит свои песни»); Пушкин же поставил акцент на приятелятельном местоимении: «Он любит петь *свою*». Близко к Латушу перевел он и вторую половину этой строки, также поправленную при издании (вместо «*Il aime les chansons. Il chante. Sans désir...*» — у Латуша: «*Il aime ses chansons, il chante sans désir*» — «...поет он для забавы»).

Существенные поправки внесены и в ряд других строк. Так, у Шенье:

*Il chante, et cheminant sur le liquide abyme,
Sait égayer ainsi sa route maritime.*

(«Он поет и, плывя по зыбкой бездне, || Умеет усладить таким образом свой морской путь»).

У Латуша:

*Il chante et plein du dieu qui doucement l'anime,
Sait égayer du moins sa route sur l'abyme.*

(«Он поет и, полный бога, который его тихо (сладостно) вдохновляет, || Умеет хотя бы усладить свой путь над бездной»). В таком виде эти две строки имеют более романтическую окраску по сравнению с их объективным, перифрастическим стилем у Шенье. Пушкин сохранил образность опубликованного текста, заменив бога на музу («И тихой музы полн...»).

Романтическую окраску несут и другие поправки. Девятая строка в подлиннике Шенье не окончена: «*Comme lui je me plais à chanter...*» («Как он, я люблю петь...»). У Латуша она завершена: «*Comme lui sans échos je me plais à chanter*» («Как он, без отзвуков, я люблю петь»). Пушкин, написав слово «écho» в единственном числе, точно переводит эту строку: «Как он, без отзвука утешно я пою».

В последних строках у Шенье (у Пушкина в переводе последние строки переставлены местами) сказано, что «сельские песни» услаждают

¹³ *Сандомирская В. Б.* Переводы и переложения Пушкина из Андре Шенье // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 104.

жизненный путь героя — «горестный путь, часто сопровождаемый корабле крушениями»: «Route amère et souvent de naufrages suivie». «Парус», который так жестоко преследуют аквилоны, — образ, внесенный в текст Латушем:

Adoucissent pour moi la route de la vie
Où de tant d'aquilons ma voile est poursuivie.

(«Услаждают мой жизненный путь, || На котором мой парус преследуется столькими аквилонами»).

Как видно, поправки текста бережно сохранены Пушкиным в переводе, что говорит о его особой чувствительности к романтическим нотам стихотворения. Романтические тенденции стихотворения, которые хорошо почувствовал и усилил Латуш, у Пушкина уже полностью обнажены: у него прямо говорится об одиночестве гребца и самого поэта. Этот имплицитно содержащийся в источнике перевода мотив одиночества Пушкин делает эксплицитным: «Один, ночной гребец...» (у Шенье: «le gondolier postigue», буквально: «ночной гондольер»), «...мой парус одинокий» (в опубликованном тексте просто «та voile» — «мой парус»).¹⁴

Отметим, что помимо В. И. Туманского это стихотворение Шенье перевел также И. И. Козлов (его перевод напевными амфибрахиями «Над темным заливом, вдоль звучных зыбей» появился в «Невском альманахе» на 1828 г. вместе с пушкинским).¹⁵ Интересный вариант предложил П. А. Плетнев, в стихотворении которого «Рыболов» (1827), явно вдохновленном стихотворением Шенье, гондольер заменен волжским рыболовом.¹⁶ От всех этих переводов перевод Пушкина отличается строгой, высокой точностью.

3

Знал ли Пушкин действительно не опубликованные при его жизни произведения Шенье и как далеко простирались его сведения об этом поэте до выхода в свет первого собрания сочинений последнего — этот вопрос был вновь поднят в связи с публикацией пушкинских штудий Анны Ахматовой.¹⁷

Единственным свидетельством самого Пушкина о его знакомстве с творчеством французского поэта остается начатая и не завершенная им заметка об Андре Шенье (1825). Интересно, что в черновых вариантах этой заметки приводятся сведения о творчестве Шенье, показывающие, что Пушкин был хорошо знаком не только с отзывом Шатобриана и приведенными в примечаниях ко второму тому «Гения христианства» (1802) тремя стихотворениями Шенье, но и с журнальными публикациями неко-

¹⁴ Французский исследователь Д. Стремухов высказал предположение, что лермонтовский «парус одинокой» — образ, пришедший именно из этого перевода Пушкина (*Strémoukhoff D. André Chénier en Russie // Revue de littérature comparée. 1957. T. 31, N 4. P. 540*).

¹⁵ Текст см.: Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 125—126, 455.

¹⁶ См.: Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972. Т. 1. С. 346—347.

¹⁷ Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой (по материалам архива П. Лукницкого) // Вопросы литературы. 1978. № 1. С. 185—228.

торых стихотворений этого поэта до 1819 г.: «Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, два или три отрывка [в древнем элегическом роде, Ода Младой Узницы] и общее сожаление об утрате всего прочего» (II, 953). «Два или три отрывка» — это стихотворения Шенье, приведенные Шатобрианом. А выражение «в древнем элегическом роде» говорит о том, что Пушкину, вероятно, еще до 1819 г. не раз попадалась публиковавшаяся во французских журналах «*Décade philosophique*», «*Almanach des muses*» и др. «элегия в древнем вкусе» («*Élégie dans le goût ancien*») «Юная Тарентинка».¹⁸ Ода «Молодая узница» была первым опубликованным стихотворением Шенье после его смерти и часто перепечатывалась во французских журналах 10-х годов XIX в. Возможно, что Пушкин был знаком и с другими публикациями стихотворений Шенье.¹⁹ Характерно, что Пушкин говорит в своей заметке о «славе» Шенье еще до 1819 г.: «Долго славу его составляло...».

Как известно, после издания сборника Шенье этот поэт стал у Пушкина одним из любимых. Наиболее сильное увлечение им Пушкин пережил в период южной ссылки.

Ахматова обратила внимание на признаки знакомства Пушкина с произведениями Шенье, не вошедшими в сборник 1819 г. и опубликованными уже после смерти Пушкина: она указала на подобие образов из монолога Пимена и эпилога неоконченной поэмы Шенье «Гермес», на сходство стихотворения «Арнон» и стихотворения Шенье «Дриант», а также на близость последней строки из стихотворения «Напрасно я бегу к шонским высотам» и строки из фрагмента «Гермеса».²⁰

Следует также отметить, что строки из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» «Подъялась вновь усталая секира || И жертву новую зовет» переключаются со строками из написанных в тюрьме и не издававшихся при жизни Пушкина ямбов Шенье «*On vit; on vit infâme...*» («Живешь, живешь бесчестным...»); «*Quelle sera la proie || Que la hache appelle aujourd'hui?*» («Кто будет жертвой, которую ныне зовет топор?»).²¹

Укажем также на то, что имеется определенное сходство строк из все того же эпилога к поэме «Гермес» и заключительных строк первой главы «Евгения Онегина», в которых Пушкин говорит:

Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

(VI, 30)

¹⁸ В журнале «*Décade philosophique*» (1802) это стихотворение было опубликовано в статье бывшего соучника Шенье литератора П. Женгене и предварялось прочувствованными словами о «несчастном» Андре Шенье: *Décade philosophique, littéraire et politique... Paris, an X [1802]. P. 231—232.*

¹⁹ На них указывается в книге: *Poésies d'André Chénier / Edition critique par L. Becq de Fouquières. Paris, 1872. P. LXXV—LXXX.*

²⁰ Ранние пушкинские штудии Анны Ахматовой. С. 190—192.

²¹ *Oeuvres poétiques de André Chénier. Paris, 1889. T. 2. P. 299.* В данном случае, однако, может иметь место простое совпадение: первоначальный вариант этих строк был: «Подъялась вновь усталая секира. / В темнице он. Толпа его зовет» (II, 938).

Шенье в эпилоге также обращается к своей поэме, называя ее своим «детисцем» («O mon fils, mon Hermès...»), которое он, «отец», снаряжает в путь, так как «надо идти» («il faut partir»), и беспокоится о судьбе его во Франции:

Dans la France, pour toi, que faut-il que j'espère?
Jadis, enfant chéri, dans la maison d'un père
Qui te regardait naître et grandir sous ses yeux...²²

(«Какой доли ждать мне для тебя во Франции? || Когда-то, дорогое дитя, в доме отца, || На глазах которого ты родился и возрастал...» и т. д.). В конце эпилога, после того как возникает образ мудреца, при свете лампы проникающего в смысл строк найденной им пыльной рукописи (образ, впоследствии подхваченный, по мнению Ахматовой, в монологе Ппмена), Шенье пишет:

Il (мудрец. — *Е. Г.*) verra si du moins tes feuilles innocentes
Méritaient ces rumeurs, ces tempêtes, ces cris
Qui vont sur toi sans doute, éclater dans Paris.²³

(«Он увидит хотя бы, заслуживали ли твои невинные листы || Тот ропот (шум), те бури, те крики, || Которые, без сомнения, обрушатся на тебя в Париже).

Представляется вероятным, что с некоторыми не вошедшими в сборник 1819 г. произведениями Шенье, в частности с эпилогом «Гермеса», мог познакомить Пушкина В. И. Туманский, в августе 1823 г. приехавший в Одессу, как раз когда Пушкин писал первую главу «Евгения Онегина» (законченную 22 октября 1823 г.).²⁴ В 1821 г. Туманский возвратился из Франции, где провел около двух лет.

Туманский приехал в Париж в 1819 г., непосредственно после выхода в августе этого года первого сборника Шенье, — события, вызвавшего большой резонанс в парижской литературной среде и возбудившего особенно сильный интерес к личности и творчеству поэта. В Париже Туманский слушал лекции в Коллеж де Франс. Лекции по истории и морали в это время читал там П.-Ф. Дону, у которого находились рукописи Шенье после смерти (в 1811 г.) его брата Мари-Жозефа (Дону был близким другом и душеприказчиком последнего). В 1819 г. Дону расстался с рукописями, передав их одному из оставшихся в живых братьев Шенье (часть попала к Латушу, занимавшемуся подготовкой издания), но в свое время по достоинству оценил их. Он не делал из них тайны: в 1814 г. рукописи Шенье читал поэт Ш. Шендолле, призвавший Дону как можно скорее опубликовать наследие Шенье,²⁵ а в 1816 г. Дону ознакомил с ними

²² Oeuvres poétiques de André Chénier. T. 2. P. 104.

²³ Ibid.

²⁴ На основании наблюдений Ахматовой В. С. Непомнящий делает следующий вывод о возможном времени знакомства Пушкина с неизданным Шенье: «... ранние занятия Ахматовой Пушкиным <...> побуждают выдвинуть гипотезу о знакомстве Пушкина с неизданным Шенье — по крайней мере с первой половины 20-х годов» (Ранние пушкинские штудии Аппы Ахматовой. С. 223).

²⁵ См.: Poésies d'André Chénier... par L. Becq de Fouquières. P. LXXIX.

литератора Л. Файоля, который опубликовал отрывки из поэмы «Нищий».²⁶ Дону сам начал подготовку издания, а затем привлек к этой работе Латуша.

Туманский, приехавший в Париж с сенатором князем П. П. Щербатовым, был, по всей видимости, введен в самые крупные литературные салоны города, которые посещали Дону, автор опубликованного в 1819 г. «Опыта о гарантиях личности», получившего широкую известность, и Латуш, приобретший известность как журналист и издатель Шенье. К сожалению, никаких сведений о жизни Туманского в Париже в 1819—1820 гг. не сохранилось.

Весной 1821 г. Туманский встретился в Париже с Кюхельбекером. Имена некоторых парижских знакомых Кюхельбекера, а значит в это время и Туманского, известны.²⁷ Кюхельбекер в ту пору готовился читать в Париже лекции о русской литературе и вращался в том кругу либерально настроенной интеллигенции, к которому принадлежали Дону и Латуш. Кюхельбекер выступал с лекциями в зале Атене Рояль, где также читали лекции Дону и П.-Л. Редерер, лично знавший Шенье в пору революции. Кюхельбекер и Туманский общались с такими представителями французской интеллигенции, как Б. Констан, ученый Лапгле, драматург В. Ж. Э. Жуи,²⁸ журналист Жюльен, т. е. с теми, кто сотрудничал в либеральных парижских изданиях «*Minerve littéraire*», «*Revue encyclopédique*» и др. Среди сотрудников этих изданий был в то время и Латуш.

Латуш при подготовке издания читал все рукописи Шенье (причем не один: их читал с ним поэт Ж. Лефевр-Демье,²⁹ а также, вероятно, близкий друг и соавтор Латуша — поэт Э. Дешан). Часть рукописей Латуш оставил у себя, другую вернул родственникам Шенье. Все, что хранилось у Латуша, позднее бесследно пропало, кроме тех рукописей, которые он раздал друзьям. Некоторые манускрипты получили от Латуша Э. Дешан, Ш. Нодье, Ш. Сент-Бев.³⁰ Л. Бек де Фукийер нашел впоследствии в одной из частных коллекций автограф прозаического наброска к поэме «Гермес».³¹ Интересующие нас фрагменты «Гермеса» остались у родственников Шенье, однако Латуш и после 1819 г. имел доступ к рукописям (так, в 1826 г. он опубликовал стихотворение «*Près des bords où Venise...*», а в 1829—1830 гг. еще ряд стихотворений Шенье из архива, хранившегося у его родственников); к тому же он мог снять копии в ту пору, когда все рукописи находились у него.

²⁶ См.: *Mélanges littéraires composés de morceaux inédits de Caylus...* d'André Chénier. Paris, 1816.

²⁷ См.: *Тынянов Ю. Н.* Французские отношения Кюхельбекера // *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 308 и след.

²⁸ Жуи оценил талант Шенье еще до 1819 г. Его салон был в бытность во Франции Туманского средоточием ведущих литературных сил страны. См.: *Biographie universelle ancienne et moderne*. Paris, 1858. Т. 21. P. 269.

²⁹ *Becq de Fouquières*. Documents nouveaux sur André Chénier et examen critique de la nouvelle édition de ses oeuvres. Paris, 1875. P. 135.

³⁰ *Ibid.* P. 145.

³¹ *Becq de Fouquières*. Lettres critiques... P. 96.

Туманский был большим почитателем Шенье, увлекался его поэзией (об этом свидетельствуют пять ее переводов, сделанных в 1826—1832 гг.,³² стихи, написанные под влиянием Шенье, например «Картина Жиродета», 1820, «Музы», 1822) и, по свидетельству одного из писем, не расставался с его сборником.³³ Он, конечно, не мог упустить возможность ознакомиться с неизданными произведениями Шенье, если таковая была ему предоставлена в кругу его парижских знакомств. Если Туманский узнал какие-либо неизданные произведения Шенье, то, приехав в 1823 г. в Одессу, мог сообщить их Пушкину. Известно, что они были в Одессе большими приятелями и виделись почти ежедневно. Если в это время Пушкин услышал эпилог «Гермеса», то не случайно именно строки о будущем нового творения вызвали в первую очередь его отклик: ведь он сам заканчивал первую главу новой поэмы, о судьбе которой много думал.

Е. П. Гречаная

ИЗ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК

1. Первая программа записок (к истолкованию плана)

Начало Первой программы записок, которую Пушкин набросал предположительно в 1830—1832 гг., в академическом Полном собрании сочинений поэта публикуется так: «Семья моего отца — его воспитание — французы-учителя. — [Мг.] Вонт. (?) секретарь¹ Mr. Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства. — Бабушка и ее мать — их бедность. — Ив.<ан> Абр.<амович>. — Свадьба отца. — Смерть Екатерины. — Рож.<дение> Ольги. — От.<ец> выходит в отставку, едет в Москву. — Рождение мое» (XII, 307).

Первоначально фразу «Бабушка и ее (в оригинале скорее «ея») мать — их бедность» Пушкин не написал. После «Отец и дядя в гвардии. Их ли-

³² «Гондольер и поэт», «Отрывок», «Приглашение», «Отроковице» и пять заключительных строк стихотворения «Болезнь». Строки из стихотворения «Имя милое России» («Имя милое России Часто на моих устах») являются буквальным переводом (с заменой Франции на Россию) строк из элегии Шенье «*Sans parents, sans amis et sans concitoyens: «Le doux nom de la France est souvent sur ma bouche» («Милое имя Франции часто на моих устах»)*. См.: Туманский В. И. Стихотворения и письма... С. 166, 167, 195, 196, 130—131.

³³ В 1838 г. Туманский, исполнявший должность секретаря посольства в Константинополе, писал министру просвещения С. С. Уварову: «При последнем возвращении моем из-за границы в Россию Одесский цензурный комитет удержал находившуюся при мне книгу — *Poésies d'André Chénier*. Сверх того, в Одесском же комитете хранятся <...> несколько томов Байрона. Первая из этих книг драгоценна для меня как неразлучный спутник мой в продолжение 18 лет, и наполнена собственными заметками» (см.: Оксман Ю. Г. Борьба с Байроном в александровскую и николаевскую эпоху // Начала. Пг., 1922. Кн. 2. С. 262).

¹ Вонт. — вероятнее франц. *Vong*; «секретарь» — чтение весьма сомнительное.

тературные знакомства» пометил сразу «Свадьба отца». Но, очевидно, спохватился, что, говоря подробно об отце и его семье, забыл сказать о матери и ее родных, и, зачеркнув слова «Свадьба отца», вписал эту фразу о бабушке и матери, их бедности. Дальше добавил «Иван Абрамович» и уже потом написал «Свадьба отца».

Фраза «Бабушка и ее мать — их бедность» вызвала многочисленные пространные комментарии и далеко идущие выводы, относящиеся не столько к бабушке поэта Марии Алексеевны Ганнибал, урожденной Пушкиной, сколько к ее матери, Сарре Юрьевне Пушкиной, урожденной Ржевской.²

Однако представляется более чем вероятным, что здесь у Пушкина имеет место описка, какие, как известно, встречаются иногда в его черновых рукописях (данная же рукопись сугубо черновая, наскоро сделанный набросок), и смысл фразы иной. Должно было быть не «Бабушка и ее мать», а «Бабушка и моя мать». Это совершенно отчетливо явствует из всего контекста. Сначала речь идет о семье отца и о нем самом. Дальше, естественно, переход к семье матери и к ней самой. Затем весьма замечательное упоминание Ивана Абрамовича Ганнибала — здесь он упоминается несомненно в связи с тем, что сыграл важную роль в судьбе племянницы, защищая ее интересы в имущественной тяжбе Марии Алексеевны с Осипом Абрамовичем, избавил ее от бедности, устроил ее свадьбу с Сергеем Львовичем Пушкиным.

Пушкин знал о своих предках Ржевских, слыша от Марии Алексеевны рассказ о том, как к ее деду Юрию Алексеевичу запросто ездил царь Петр I; с этой характерной старобоярской фамилией мы встречаемся в романе «Арап Петра Великого». Но в данном контексте упоминание прабабки С. Ю. Ржевской лишено всякой логики.

Что касается слов «их бедность», то слова эти естественно характеризуют крайне стесненное материальное положение Марии Алексеевны и Надежды Осиповны после того, как их оставил Осип Абрамович Ганнибал. «Я нахожусь и с дочерью безо всякого пропитания», «... не токмо, чтоб дать дочери моей приличное благородной особе воспитание, но и необходимого к своему содержанию лишена», — так писала Мария Алексеевна, обращаясь за помощью к императрице.³ О бедности же Сарры Юрьевны говорить не приходится — тамбовские Пушкины были люди вполне состоятельные. Как убедительно свидетельствуют документы, наследники Алексея Федоровича Пушкина — его вдова и сыновья — владели в Тамбовской губернии, по крайней мере частично, селами Покровским, Богоявленским («Бутырки тож»), Стеншино с деревней Горницы, Тынково с деревнями Фофонка и Дубово и др. В названных селах и деревнях числилось 334 двора, 2797 душ мужского и женского пола.⁴

² Из последних работ см., например: *Телегова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 27; *Куприянова Н. И.* К сему: Александр Пушкин. Горький, 1982.

³ См.: Из семейного прошлого предков Пушкина / Публикация П. И. Люблинского // Литературный архив. М., 1936. Т. 1. С. 204.

⁴ ЦГАДА, ф. 1355, № 1622, оп. 1 (Липецкий уезд), л. 11—11 об., 15—15 об.

Об отношениях Марии Алексеевны с матерью мы ничего не знаем. Неизвестно, жили ли они вместе, когда Мария Алексеевна осталась одна с дочерью. В ее многочисленных прошениях в разные инстанции любовно упоминается об отце, который скорострительно скончался, якобы потрясенный ее бедственным положением, часто фигурирует брат Михаил Алексеевич, но ни разу не упоминается мать. Трудно сказать, на чем основывался Л. Б. Модзалевский, когда, комментируя эту фразу, писал, что «М. А. Ганнибал жила со своей дочерью Надеждой Осиповной Ганнибал <...> в Липецке у своей матери Сарры Юрьевны Пушкиной, рожд. Ржевской».⁵ Документальных данных для этого нет никаких.

Мария Алексеевна с дочерью в 1777—1779 гг. жила в тамбовских имениях своих родных — вероятнее всего у братьев Михаила и Юрия, с которыми поддерживала добрые отношения (у Юрия крестила сына и потом постоянно заботилась о своем крестнике; Михаил принимал самое деятельное участие на стороне сестры в ее тяжбе с О. А. Ганнибалом). Но точнее сказать, когда, сколько времени и у кого она жила, невозможно.

Таким образом, в осмысленные начальной части Первой программы записок следует внести коррективы.

2. Отрывок дневниковой записи 19 ноября 1824 г.

П. В. Анненков в «Материалах для биографии Пушкина» впервые опубликовал, как он выражается, «уделевший клочок его записок 1824 года, теперь не существующих»: «1824 года, Ноября 19-го, Михайловское. Вышед из лица я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это нравилось недолго. Я любил и доныне люблю шум и толпу». На обороте тоже отрывочная запись: «...попросил водки. Подали водку. Налил рюмку себе, велел он ее и мне поднести; я не поморщился — и тем казалось чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда...».⁶

Со времен Анненкова второй отрывок толкуется как прямое продолжение первого и относится к 1817 г., когда Пушкин впервые попал в псковскую деревню и посетил своего двоюродного деда — «старого арапа» Петра Абрамовича Ганнибала в его имении Петровском. Несомненно следуя за Анненковым, о чем свидетельствует, в частности, упоминание об угощении водкой, Л. Н. Павлицев в своих «Воспоминаниях» также относит все к 1817 г. При этом он допускает ряд существенных ошибок: по его утверждению, Петр Абрамович скончался уже в 1822 г., в возрасте более девяноста лет, в чине генерал-аншефа от артиллерии.⁷

Однако сохранившийся «клочок» — это лишь незначительная, наспах

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. VIII. С. 526 (комментарий).

⁶ Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873. С. 39—40. Пушкинский текст воспроизведен здесь не совсем точно.

⁷ Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева. М., 1890. С. 29.

оборванная верхняя часть полулиста писчей бумаги большого формата, на каких писал Пушкин в 1824 г. в Михайловском.⁸

Следовательно, между первым и вторым отрывками, а также, вероятно, после второго существовало еще значительное количество текста. Каково же было его содержание?

Думается, закономерно предположить, что речь здесь шла не только о первом посещении юным поэтом Петровского в июле 1817 г. — это было лишь начало, приятное воспоминание, — а о посещении следующем, осенью 1824 г. Уже заключительная фраза первого отрывка как бы завершает воспоминания и ведет от прошлого к настоящему, когда, насильно оторванный от «шума и толпы», Пушкин оказался в деревне «ссылочным невольником».

В конце октября—начале ноября поэт почти наверняка побывал у «старого арапа», ибо только из его рассказов, а может быть и из хранившейся у него копии немецкой биографии прадеда — «арапа Петра Великого» Пушкин почерпнул те сведения, которые использовал при составлении примечания к первой главе «Евгения Онегина».

Перед нами не мемуары, а дневниковая запись, вызванная конкретным событием. — посещением двоюродного деда по весьма важному поводу, и сделана она, вероятно, несколько дней спустя после этого посещения, когда последнее примечание к «Онегину» уже было написано и отправлено в Петербург, скорее всего с кем-нибудь из членов семьи, одновременно с рисунком — проектом иллюстрации к первой главе романа. В середине ноября, как известно, вся семья Пушкиных — сначала Лев, затем Ольга и наконец родители — покинула Михайловское. Сергей Львович и Надежда Осиповна уехали 18 ноября, на следующий день, 19-го, Пушкин сделал свою запись.

Не странно ли, действительно, что, делая дневниковую запись через несколько дней после важного для него события, Пушкин целиком посвящает ее не этому событию, а воспоминаниям семиплетней давности?

Не раз высказывалось недоумение, почему Пушкин никогда не упоминал о своем общении с П. А. Ганнибалом в годы ссылки. Думается, запись 19 ноября 1824 г. и была таким упоминанием.

Надо сказать, что и приведенный Л. Н. Павлицевым рассказ Ольги Сергеевны, посетившей двоюродного деда вместе с братом, также с полным основанием может быть отнесен не к 1817 г., а к 1824 г., когда «старому арапу» перевалило порядочно за восемьдесят лет. Там речь идет о почти полной потере Петром Абрамовичем памяти — он не мог даже вспомнить имя своего единственного сына Вениамина Петровича, который незадолго перед тем заезжал к нему, и называл его «прекрасным молодым офицером», «недавно женившимся в Казани»,⁹ тогда как Вениамин Петрович был уже далеко не молод и имел взрослую дочь. В Петровское к отцу он часто заезжал с 1823 г., когда служил в Пскове заседателем Палаты гражданского суда; позже он стал владельцем Петровского.

⁸ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 165.

⁹ Воспоминания об А. С. Пушкине Л. Павлицева. С. 29.

Не прояснен вопрос, где происходила встреча Пушкина с П. А. Ганнибалом осенью 1824 г.

По сообщению научной сотрудницы Пушкинского заповедника Г. Ф. Симакиной, В. П. Ганнибал «отсудил Петровское у отца» и Петр Абрамович переехал в другое свое имение — сельцо Сафронтьево Новоржевского уезда, о чем свидетельствуют найденные ею в филиале Государственного архива Псковской области документы. Сами документы в сообщении не приведены и не названы.¹⁰

Тяжелое дело между П. А. и В. П. Ганнибалами по селу Петровскому в фондах Псковской палаты гражданского суда и Опочецкого уездного суда, хранящихся в Филиале Государственного архива Псковской области (г. Великие Луки), не значится. Да и трудно себе представить, на каком основании сын мог отсудить у отца его имение, а не получить его как законный наследник. Это не вяжется и с тем, что мы знаем о характере Вениамина Петровича. Из имеющихся документов Псковской палаты гражданского суда скорее всего можно заключить, что Петр Абрамович выделил сыну какую-то часть имения, как это было принято. В сентябре 1824 г. «коллежский секретарь Вениамин Петров Ганнибал» занял из Псковского приказа общественного призрения 1050 рублей под залог принадлежащих ему «в сельце Петровском Опочецкого уезда 7 мужского пола душ».¹¹ Примечательно, что в июле того же 1824 г. Вениамин Петрович выполнял поручения отца по его делам с Государственным заемным банком.¹²

Не указана в сообщении Г. Ф. Симакиной точная дата переезда Петра Абрамовича из Петровского в Сафронтьево.¹³

Как нам представляется, переезд мог произойти в конце 1824—начале 1825 г., по зимнему пути, и в ноябре 1824 г. Пушкин с сестрой посещали П. А. Ганнибала еще в Петровском. В клировых ведомостях и исповедных росписях по Новоржевскому уезду имеется запись о том, что в сельце Сафронтьево прихода Троицкой церкви Пятницкого погоста «жительствоет помещик генерал Петр Абрамов Ганнибал с фамилиею <...> племянница его вдова Анна Неелова 54-х лет и воспитанница Любовь Иванова 14-ти лет».¹⁴ Запись эта относится к 1825 г. За 1824 г. подобной записи нет.

Н. Я. Эйдельман в книге «Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта» утверждает, что в Сафронтьеве «Петр Абрамович прожил с 1823 по 1826 год». При этом он ссылается на Г. Ф. Си-

¹⁰ Газ. «Пушкинский край». 1976. 20 августа. С. 3. Со ссылкой на «метрическую церковную книгу» Г. Ф. Симакина указала дату и место смерти П. А. Ганнибала: он скончался 8 июня 1826 г. в с. Сафронтьево от старости и похоронен на Пятницком погосте возле Троицкой церкви, в 3 верстах от села.

¹¹ Филиал Гос. архива Псковской области (г. Великие Луки), ф. 55, оп. 2, д. 5 (1824), л. 355.

¹² Там же, л. 364.

¹³ Не ясно также, был ли этот переезд на постоянное проживание или временное, как могло быть и раньше (село Сафронтьево принадлежало П. А. Ганнибалу с 1800-х годов).

¹⁴ Филиал Гос. архива Псковской области (г. Великие Луки), ф. 39, оп. 1, д. 2702; оп. 7, д. 74, л. 174 об., 175.

макину, в сообщении которой подобного утверждения нет. По-видимому, здесь просто имеет место досадная неточность.¹⁵

Хорошо известны слова Пушкина в его письме к П. А. Осиповой от 11 августа 1825 г.: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку — старого арапа, который, как я полагаю, ни сегодня-завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда». Г. Ф. Симакина, проявляя необходимую осторожность, справедливо замечает: «Неизвестно, бывал ли Пушкин в Сафронтьеве или получил каким-либо другим способом биографию своего прадеда А. П. Ганнибала на немецком языке и другие документы». Н. Я. Эйдельман безоговорочно утверждает, что поэт «ездил к деду далеко — в другую деревню Сафронтьеве, близ Новоржева». Фактических оснований для такого определенного утверждения нет. Однако, судя по словам Пушкина: «рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку», можно предположить, что он действительно ездил в Сафронтьеве, да и найти другие способы для получения интересовавших его документов, о существовании которых знал, ему было бы не легко. К тому же поездка за 60 верст (Сафронтьеве находилось не «близ Новоржева», до которого считалось только 30 верст) вовсе не представляла особую сложность.

Но все это было уже в конце лета 1825 г., т. е. спустя почти год после предыдущей встречи Пушкина с П. А. Ганнибалом. А эта предыдущая встреча, по всем данным, состоялась еще в Петровском, и именно о ней мог рассказать Пушкин в дневниковой записи 19 ноября 1824 г., начинающейся воспоминаниями о первом посещении «псковской деревни своей матери» в 1817 г.

Как объяснить, что сохранился только начальный «клочок» этой дневниковой записи, а остальная часть большого листа, по-видимому, была уничтожена Пушкиным вместе с другими записками после 14 декабря 1825 г., — случайность ли это или были на то какие-то причины, — определить невозможно. Во всяком случае традиционное толкование этого примечательного «клочка» не может считаться бесспорным и заслуживает дополнительного осмысления.

А. М. Гордин

ТАТЬЯНА В КАБИНЕТЕ ОНЕГИНА

Восприятие прославленного литературного произведения подвержено влиянию психологических aberrаций. Механизм их довольно прост: выпадают детали, не согласующиеся с уже сложившимся «объектом» вещи. Так возникают «факты-невидимки» — описания, штрихи, временные пометы, которые упорно не фиксируются, не видятся в тексте, живущем у всех на глазах. Но остается особого рода след — инерция искажений в интерпретациях достаточно высокого уровня.

¹⁵ См.: *Эйдельман Н. Я.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 34.

Вот, например, как излагается в статье В. Г. Белинского одно из известнейших мест романа «Евгений Онегин»: «Посещение Татьяною опустелого дома Онегина (в седьмой главе) и чувства, пробужденные в ней этим оставленным жилищем («...») принадлежит к лучшим местам поэмы и драгоценнейшим сокровищам русской поэзии. Татьяна не раз повторила это посещение». Далее следует выписка из романа и вывод из нее: «Итак, в Татьяне, наконец, совершился акт сознания; ум ее проснулся».¹

Запомним: событийная основа внутреннего переворота, по Белинскому, — посещение, которое Татьяна «не раз повторила».

Д. И. Писарев, отвергнув трактовку Белинского, сохранил и утвердил факты, на которые она опирается. Татьяна, по его словам, «посещает неоднократно кабинет уехавшего идеала и читает с большим вниманием его книги».²

Так определилось представление о едва ли не научном подходе героини к онегинской библиотеке. В одной из современных работ сказано: «Татьяна, пытаясь лучше понять Онегина, изучает его пометы на полях любимых книг».³ Даже в изложении авторитетнейшего знатока пушкинских текстов последовательность действий героини характерно смещается: «Зайдя во время прогулки в опустелый дом Онегина, — пишет С. М. Бонди, — Татьяна видит в его кабинете книги, которые он читал, и сразу набрасывается на них».⁴

Таких оговорок немного. Но в общей массе работ, посвященных «Евгению Онегину», происходит показательное «отвлечение» от деталей пушкинского эпизода; стирается четкий его рисунок, а вместе с ним и временной срок, указанный автором.

Все это — достаточная причина, чтобы вновь обратиться к страницам, рисующим Татьяну в кабинете Онегина. Цель работы — привлечь внимание к тем сторонам личности героини, которые обычно остаются в тени, а также к некоторым принципам построения характера героя.

В пушкинском романе читают много и часто. Но отмеченный нами эпизод отличается от остальных существенной чертой — обозначенным временным интервалом. Все другие даются вне единично-разовых временных координат: либо как процесс, более или менее длительный («полосы» чтения в жизни Онегина), либо как действие типовое, повторяющееся.

Так, мы узнаем, что Евгений в деревне по утрам «свой кофе выпивал, плохой журнал перебирал». Ленский среди других занятий «иногда читает Оле правоучительный роман». Татьяна, полюбив, с новой страстью погружается в мир своих заветных книг:

Теперь с каким она вниманьем
Читает сладостный роман.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 497.

² Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 347.

³ Соловей Н. Я. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1981. С. 37.

⁴ Бонди С. Роман в стихах («Евгений Онегин» А. С. Пушкина) // Вершины. М., 1978. С. 232.

С каким живым очарованием
Пьет обольстительный обман!

(VI, 55)

Эпизод, выделенный нами, также первоначально развивается по той же схеме. Перед тем как пуститься в обратный путь после первого своего вечернего прихода, Татьяна

просит позволения
Пустынный замок навещать,
Чтоб книжки здесь одной читать.

(VI, 147)

Налицо — явная многократность. Предполагается ряд посещений, осуществится, однако, лишь одно. Явившись вновь «уж утром рано», героиня проводит день за чтением:

Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут ее давно...

(VI, 149)

Тогда же в ее доме без нее принято решение: «В Москву, на ярманку невест!».

Итак, только один раз момент чтения в романе помещен в жесткий до неправдоподобия интервал (не больше дня). Сам факт такой выделенности требует осмысления. Возможны разные его аспекты: сфера изображаемого быта или специфика поэтического повествования, генезис замысла или идейно-художественный смысл окончательного текста. Разумеется, не исключено и пересечение плоскостей, но ради простоты рассмотрим их сначала поочередно.

С абсолютной легкостью изымается из нашего перечня сфера быта. Ее вообще не стоило бы рассматривать, если бы не открывающиеся на этом пути любопытные повороты. Ясно, что Татьяна не повторяет своих посещений не из-за бедности онегинской библиотеки или недостатка времени. В первый свой приход она видит в кабинете «грудку книг», а до отъезда из деревни — остаток лета и осень. Решение об отъезде не является, таким образом, для нее прямой преградой. Смысл его приуроченности к дню чтения — в другом.

«Быт? — иронизирует по поводу интерпретаций «Евгения Онегина» Марина Цветаева. — Нужно же, чтобы люди были как-нибудь одеты».⁵

Слова эти — будто формула собственно цветаевского восприятия мира. Но если отвлечься от их эпатирующей резкости, обнаружится точное ощущение движущих сил пушкинской романной действительности. При энциклопедической широте картин и емкости деталей бытовой фон в «Евгении Онегине» определяет судьбы только тех, кто принадлежит ему целиком, — персонажей второго плана. По отношению к главным героям быт как сюжетная пружина срабатывает лишь в те паузы, когда

⁵ Цветаева М. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 345.

сущностное наполнение того или иного жизненного этапа оказывается исчерпанным.

Известие о болезни дяди застаёт Евгения в минуту душевного распутия. В доме Лариных герой появляется не раньше, чем Татьяне пришла пора полюбить. Ссора приятелей взрывает идиллию, возможности которой вполне выявлены. К Онегину же, вновь встретившему Татьяну, легко применить знаменитые строки: «Душе настало пробужденье: И вот опять явилась ты...» (III, 406).

Осуществляется принципиальная смежность событий двух рядов — внутреннего и внешнего. Причем первый ряд не столько определяется вторым, сколько соседствует с ним или даже его вызывает. Приуроченность эпизода чтения и решения Лариной об отъезде — прямой пример такой смежности. Отъезд совершается не для того, чтобы помешать Татьяне вернуться в «пустынный замок», а потому, что возвращаться туда ей уже незачем.

Роман в стихах, как известно, в методах повествования много свободнее реалистической прозы. «Стихи, — пишет Е. А. Маймин, — в большей степени, нежели проза, позволяют уклоняться от привычного и традиционного, потому что сами являются таким уклонением». Отсюда возможность «опускать некоторые обязательные для прозаического произведения связи и мотивировки».⁶ Словом, эпизод чтения может быть воспринят в этом ключе — как своего рода поэтическая редукция, уместная в системе, построенной на «принципе противоречий».⁷

Трактовка эта вполне допустима, если помнить, что она даёт только часть решения задачи. Проясняются средства, с помощью которых поэт сказал то, что хотел сказать. Но не смысл сказанного.

Столь же частные, хотя и очень значительные результаты даёт обращение к генезису замысла. Как известно, существовал сюжетный вариант, по которому Татьяна среди книг Онегина должна была увидеть его альбом — «искренний журнал, в котором сердце изливало» (VI, 430). Текст этого «тайного дневника» Пушкиным был закончен, перебелен, но остался за пределами произведения. Причина, как полагает Н. Я. Соловей, в том, что знакомство и с дневником и с книгами дало бы Татьяне полное представление об ее избраннике. «Но в этом случае нарушился бы один из основных принципов сюжетного развития в романе, основанный на взаимном непонимании главными героями друг друга и на преодолении этого непонимания только при их последней встрече».⁸

Построение это во многом произвольно. Но по ходу его исследователь обращает внимание на факты, которые, на наш взгляд, подсказывают совсем другие выводы.

В черновой рукописи седьмой главы смежные строфы — XXI и XXIа — содержат показательный смысловой пропуск. Первая кончается сообщением:

⁶ Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М., 1981. С. 158.

⁷ См. об этом: Летман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Тарту, 1975. С. 8—9.

⁸ Соловей Н. Я. Из истории работы А. С. Пушкина над сюжетом «Евгения Онегина» (Альбом Онегина) // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 112.

... — чтенью предалася
Татьяна жадною душой —
И ей открылся мир иной.

(VI, 429)

Вторая начинается описанием альбома («В сафьяне (?) по краям окон- ван...») — вне всякой связи с предшествующим повествованием. Попытка связать мотивы отразилась в незавершенных вариантах — к строфе XXI:

а. Потом взялась она за книги
Но тут ее остановил
б. Потом взялась она за книги
Но тут Татьяна

(VI, 429)

к строфе XXIа:

Но Тани привлекли вниманье
Пять шесть исписанных страниц
И вдруг

(VI, 430)

Нужное не «выговаривалось». В беловой рукописи Пушкин внес в XXI строфу следующие исправления:

Потом за книги принялася,
Хотя ей было не до книг,
И вдруг открылся между их
Альбом — и чтенью предалася
Татьяна жадною душой,
И ей открылся мир иной.

(VI, 613)

Необходимое сюжетное звено было найдено, но за счет явного насилия над стилем: слово «открылся» на пространстве пяти строк повторилось так, что второе его значение дисгармонизирует с первым. Поэтому или в силу пных оснований автор вернулся — при некоторых разночтениях — к прежнему тексту XXI строфы. Альбом в состав главы включен не был.

Этот экскурс в творческую историю романа оставляет странное ощущение: всеильный поэт не сладил с «заколдованным местом». Дневник Онегина был готов, но автор не сумел увидеть над ним свою «милую Татьяну». Причина, думается, очень проста. Хотя в бытовом плане чтение бумаг отсутствующего — факт вполне вероятный (а находка рукописи — мотив, освященный давней традицией), высокой героине поступок такого рода как-то не с руки. В нем не только мало чести, — в нем нет заслуг. Книжки Онегина в этом случае лишь предваряют появление альбома. Срок пребывания Татьяны в «молчаливом кабинете» в сущности безразличен.

Не то — в окончательном тексте. Указание на временной интервал здесь — отметка уровня происходящего, знак величайшего напряжения всех душевных сил героини. Мы «заражаемся» ее состоянием; поэтому так волнует эпизод, начисто лишенный внешней динамики. Совершается извечное, почти сказочное действие — поиск возлюбленного, разгадывание тайны ушедшего по оставленным им следам, вехам, «зарубкам». Открытие

и проникновение, заставляющее забыть о бегущих часах, раздвигающее их, выводящее из времени.

Пушкин не случайно не назвал тех «двух-трех романов», которые должна была читать Татьяна. Суждение о «москвиче в гарольдовом плаще» в принципе шире такой основы, как и всего жизненного опыта «уездной барышни». Сливая свой голос с миром ее сознания, автор неуловимо возвышает до максимума степень возможностей своей любимой героини. Замечено, что на этом этапе он впервые наделяет ее правом интеллектуального суда над героем века.⁹ Но не менее важно и то, что интеллектуальность не заслоняет в ней женской природы, сливается с даром интуиции.

Высокий женский идеал, по Пушкину, равно далек и от «бессмысленной» красоты Ольги Лариной, и от духовного уродства «семинариста в желтой шали». Мужская и женская жизненные роли предполагают разные типы поведения, разную его психологическую окраску.

Не нам гадать о греческом Эребе,
Для женщин воск что для мужчины медь.
Нам только в битвах выпадает жребий,
А им дано, гадая, умереть,¹⁰ —

писал поэт нового времени.

«Простая дева», гадающая о суженом, и барышня, разгадывающая Онегина «с французской книжкою в руках», — две ипостаси одного лица. Внерациональное зерно личности во втором случае, разумеется, не столь заметно, но и здесь оно определяет начала и концы: причину обращения к оставленным книгам и аспект их восприятия. На протяжении всего происходящего Татьяна целиком сосредоточена на мыслях о своем избраннике. У нее нет побуждений, свободных от интереса к Онегину. Нет и заранее обдуманных намерений. Неожиданно для себя оказывается она в онегинских местах. Видит с холма дом, рощу, сад. На «пустынный двор» входит «сдва дыша». В комнатах ее потрясают еще живые следы присутствия Евгения, очаровывает убранство «модной кельи». Мысль о чтении здесь рождается прежде всего из невозможности оставить все это сразу. Отсюда и тот «запас» многократности, который содержит ее просьба («навестать», «читать»).

И во второй приход, уже рано утром, Татьяна долго не может взяться за книги («Сперва ей было не до них», — специально отмечает автор). «Странный» их выбор привлекает ее внимание как отпечаток личности уехавшего владельца. Даже когда она целиком погружается в чтение, «мир иной» открывается ей в раме онегинских значков и пометок. До какой-то поры чувства героини — эхо чувств героя. Но в финале вместо абсолютного слияния — резкий слом. Понимание (или то, что Татьяна считает таковым) оказывается равнозначным отторжению — в прямом и переносном смысле.

⁹ См.: *Лотман Ю. М.* К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1960. Т. III. С. 160.

¹⁰ *Мандельштам О.* Стихотворения. Л., 1973. С. 112.

Этот психологический парадокс при всей своей неожиданности глубоко оправдан.¹¹ В пушкинском представлении высокая женская душа вместе со способностью к страстной сосредоточенности, к самоотдаче обладает и коренной устойчивостью, верностью собственным глубинным основам. Она отбрасывает от себя или, скорее, сама отстраняется от всего, что ощущает враждебным этим основам. В уходе Татьяны от мира онегинских книг — прообраз ее отстранения от Онегина на новом этапе их отношений.

С сюжетной развязкой романа первым связал эпизод чтения Белинский. «Посещения дома Онегина и чтение его книг, — писал он, — приготовили Татьяну к перерождению из деревенской девочки в светскую даму». ¹² Само это перерождение, по мысли критика, — процесс двойственный: здесь и безусловный рост личности, и падение ее — отказ от священнейших прав ради «идола» светского мнения. Соответственно двойственен и акт сознания, пережитый в кабинете Онегина: Татьяна «поняла наконец, что есть для человека интересы, есть страдания и скорби, кроме интереса страданий и скорби любви». Но «это откровение произвело на нее тяжелое, безотрадное и бесплодное впечатление; оно испугало ее, ужаснуло и заставило смотреть на страсти как на гибель жизни, убедило ее в необходимости покориться действительности как она есть и если жить жизнью сердца, то про себя, в глубине своей души, в тиши уединения, во мраке ночи, посвященной тоске и рыданиям». ¹³

Думается, именно здесь — точка расхождения, пункт, с которого начинается «уклонение» критика от авторской оценки поведения героев. Суть этого расхождения в том, что сфера переживаний Татьяны Белинским заметно расширена и рационализована в духе его позднего просветительства, в согласии с общим пафосом эпохи. Эта рационалистичность в некоторых современных работах подхвачена и доведена до последнего предела — до представления о некоей «программе», которую Татьяна, почерпнув из онегинских книг, возвращает адресату в своей последней «отповеди». ¹⁴

Но пушкинская героиня при внешней сдержанности эмоциональна и непосредственна. Она не строит программ жизни, как и не ходит в дом своего избранника «неоднократно» — будто в публичную библиотеку. После мига озарения, пережитого в «молчаливом кабинете», Татьяна горестно замирает, отдаваясь несущему ее жизненному потоку, — позиция, вызвавшая яростные насмешки Писарева, но для Пушкина, с его «доверенностью к действительности», вовсе не предосудительная.

¹¹ В литературоведческих работах этот слом трактуется зачастую поверхностно. Г. П. Макогоненко, например, вообще не замечает его, расматривая эпизод чтения как момент полного единения душ героев (см.: *Медведева И.* «Горе от ума» Грибоедова. *Макогоненко Г.* «Евгений Онегин» Пушкина. М., 1971. С. 174). Иногда говорится об «ошибке» Татьяны (см.: *Долинина Н.* Прочитаем «Онегина» вместе. Л., 1971. С. 129; *Бонди С.* Роман в стихах («Евгений Онегин» Пушкина) // *Вершины.* М., 1978. С. 233).

¹² *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 498.

¹³ Там же. С. 497—498.

¹⁴ См.: *Никишов Ю. М.* Онегин и Татьяна // *Филологические науки.* 1972. № 3. С. 20—23.

Вправе ли мы, однако, называть озарением мысль, которую нельзя принять за истину, «открытие», отказывающее Онегину в подлинности?

Вопрос этот соприкасается с общей темой, широко обсуждающейся в пушкинистике последних десятилетий, — с проблемой структуры характера пушкинского героя. Замечена его противоречивость, особая «изменчивость», при которой, как писала И. М. Семенко, «каждое новое решение не отменяет предыдущее, а углубляет его, добавляя к изображаемому новую грань».¹⁵

Конкретный «механизм» такого построения до сих пор остается неизученным. По-видимому, необходимое его условие — изначальная неопределенность,¹⁶ господство общего над индивидуальным при первом знакомстве с героем.¹⁷ Но не ясна внутренняя логика, по которой это «полное пространство» оборачивается содержательной полнотой. Не ясны и принципы, обеспечивающие единство, намечающие границы личности, тяготеющей к бесконечному расширению.¹⁸

Эпизод чтения может быть рассмотрен и в связи с этой проблемой. Но для этого следует поставить его в ряд художественно близких моментов — в общую цепь воображаемых встреч Татьяны с ее избранником.

Онегин существует в романе как бы в двух планах: в бытовой реальности и в сознании романтически настроенной героини. В первом он — петербургский денди (или «неисправленный чудака» — типичное лицо своего времени и круга, вернее же, по удачному выражению В. О. Ключевского, «типичное исключение»). Не то — в воображении «мечтательницы милой». Каждая из «заочных» ее встреч с Евгением (письмо, сон, чтение его книг) открывает новый «срез» его личности — неожиданный до невероятности, но в сущности глубоко оправданный. В образах, свойственных романтическому мироощущению, автор представляет варианты онегинской «субстанции» в предельных ее выражениях. Так ограничивается внебытовое пространство личности героя. С одной стороны, это адресат письма, собрат «бесподобного Грандисона». Принято думать, что к реальному Онегину он не имеет ни малейшего отношения. В письме, однако, не случайно сказано: «Но мне порукой ваша честь...». Джентльменство Онегина не подлежит сомнению (хотя порой оно толкает его к ложным решениям); «души прямое благородство» — неотъемлемое качество его натуры.

На другом ее пределе — лик демона-разбойника. Обнаруживается связь с силами зла, способность к разрушению. Образы противопоставлены и сведены как две стороны одной медали. Сведены традицией мифологического сознания, которому глубоко причастна героиня.¹⁹ И даже прямым

¹⁵ Семенко И. Эволюция Онегина: (К спорам о пушкинском романе) // Русская литература. 1960. № 2. С. 122.

¹⁶ См.: Гурвич И. А. Явление неопределенности в романе Пушкина «Евгений Онегин» // Проблемы литературоведения и преподавания литературы. Ташкент, 1977. С. 40—45; Гархов А. Судьба Евгения Онегина // Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1980. С. 27.

¹⁷ См.: Непомнящий В. Поэзия и судьба. М., 1983. С. 259—260.

¹⁸ См. об этом подробнее в моей статье «О некоторых особенностях литературного характера в пушкинском повествовании» (Болдинские чтения. Горький, 1985).

¹⁹ Литературное бытие антитетической пары «джентльмен—разбойник» рассматривает Ю. М. Лотман в статье «Повесть о капитане Копейкине

сходством силуэтов. Сказочный разбойник сна — фигура крупная. Он поставлен над своей бесовской свитой, наделен грозной серьезностью. И в письме, и в фантазмагории сна Евгений — защитник Татьяны, суженый, посланный небом или адом, но единственный и желанный.

Третий облик — «москвич в гарольдовом плаще» — отделен от обоих предшествующих резче, чем они сами друг от друга. Он тоже «угада», добыт своего рода наитием, тоже являет «срез» духовных потенций личности «сына века», но на этот раз в точке минимума. Усомнившись в душевной подлинности Онегина, автор подвел его к черте, за которой герой может обернуться антигероем. Впоследствии Лермонтов дал такому антигерою отдельное существование. Печорин утверждает свою истинность в постоянном отталкивании от пародирующего его Грушницкого. У Пушкина Онегин «спасен» иначе — внезапно открывающейся в нем способностью к трагедии. Как пролог к этому открытию звучит прямая авторская защита героя от нападков светской черни. По смыслу упреки недоброжелателей Онегина близки раздумьям Татьяны над романами о «современном человеке». Но налицо важнейшее различие: Татьяна спрашивает, голос светской толпы категорически обвиняет. Автор участвует в вопросах, но отвергает безапелляционный приговор.

Все сказанное позволяет определить место эпизода чтения в иерархии авторских оценок Онегина. Он несет в себе фермент сомнения — элемент настолько необходимый в системе русского романа, что без него не обойдется ни одно из последующих повествований о герое времени (вплоть до Рудина и Базарова).

Итак, три фантастические «проекции» образа героя намечают общий спектр онегинского психологического комплекса. Реализм, не пренебрегающий мелочами быта, дополняется в «Онегине» возвышающейся над ним сверхреальностью поэтического синтеза.

И. Л. Альми

«ВЕЧЕР У КАНТЕМИРА» К. Н. БАТЮШКОВА И «АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО» ПУШКИНА

Творческие контакты Пушкина с наследием К. Н. Батюшкова — тема отнюдь не новая в отечественном литературоведении.¹ Еще В. Г. Белинский неоднократно рассматривал процесс своеобразного влияния на молодого Пушкина «артистической природы Батюшкова», чьи стихи, по наблюдению критика, оставались для выпускника Лицея «преимущественным образцом».² Однако проблему эту — особенно если речь идет о прозе —

(реконструкция замысла и идейно-композиционная функция)» (Труды по знаковым системам. Тарту, 1979. Т. 11. С. 29, 43). Мифологический пласт сознания Татьяны исследует В. М. Маркович в статье «О мифологическом подтексте сна Татьяны» (Болдинские чтения. Горький, 1981).

¹ См.: История русской литературы XIX века: (Библиографический указатель под ред. К. Д. Муратовой). М.; Л., 1962. С. 144, № 2806—2846.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7. С. 231, 280.

вряд ли можно считать исчерпанной. В. Г. Белинский не анализировал прозаических произведений близкого предшественника Пушкина; в одной из статей он ограничился общей оценкой его прозы — «сладостной, гармонической».³ Перечисляя «лучшие» произведения К. Н. Батюшкова, критик назвал вторым по художественным достоинствам «Вечер у Кантемира».

Пожалуй, в одном только В. Г. Белинский оказался неточен: поэзия К. Н. Батюшкова не отошла в прошлое. В наше время происходит новое, весьма серьезное и глубокое осмысление ее массовым читателем; появились и фундаментальные исследования о К. Н. Батюшкове, об отношении Пушкина к его творчеству.⁴

Сказанное имеет непосредственное отношение и к нашей работе: в ней рассматривается своеобразие творческих контактов «французских» глав «Арапа Петра Великого» с «Вечером у Кантемира». Объектом подобного исследования названные произведения еще не были, хотя основания для этого, по нашим наблюдениям, имеются.

Творческие индивидуальности Батюшкова и Пушкина складывались в литературной среде «арзамасского братства». Когда 6 января 1817 г. на семнадцатом заседании «Арзамаса» было прочитано сочинение Батюшкова «Вечер у Кантемира», то его персонажи — Монтескье и Кантемир — были оценены слушателями «как живые и достойные члены Арзамаса». Большой похвалы у арзамасцев не было.⁵

Трудно, конечно, предположить, чтобы Пушкин в годы ссылки в Михайловское, в пору работы над «Арапом Петра Великого», оставался на уровне оценок и воззрений «арзамасской» молодости, однако несомненно как его глубокий интерес к петровским реформам, так и признание значения прозы К. Н. Батюшкова.⁶

Исследователи по-разному видят характер воздействия прозы Батюшкова на прозу молодого Пушкина. В одних работах показано, что мысли и образы старшего собрата «действительно переходили в прозу Пуш-

³ Там же. Т. 5. С. 274.

⁴ См.: Фридман Н. В. 1) Проза Батюшкова. М., 1965; 2) Поэзия Батюшкова. М., 1971; Булгаков Н. Н. К. Н. Батюшков и развитие в русской литературе первой четверти XIX в. реализма и народности // Проблемы реализма в русской литературе XIX—XX веков. Днепропетровск, 1970; Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974; Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 94 и след.; Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 433—492; Брыгин Никита. Времен стремительная связь. Одесса, 1977; Кожин В. В. Книга об истории русской поэзии XIX века. М., 1978; Грезнев В. А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 32—48; Эйдлин Л. З. Читая старых поэтов... // Иностранная литература. 1980. № 8. С. 202—208.

⁵ См.: Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. С. 95.

⁶ Вспомним, что «старинную повесть» «Предслава и Добрыня», сочиненную К. Н. Батюшковым в 1810 г., Пушкин не только включил в «Северные цветы на 1832 год», но открыл ею завершающий том этого альманаха, а в кратком предисловии помимо других достоинств подчеркивал «прекрасный гармонический слог» произведения.

клина». ⁷ В других утверждается, что проза Батюшкова была чужда таланту Пушкина «как жанровая и стилистическая система», что она была неприемлема своей «очень сильной стихией правоучительности». ⁸ Все же более справедливым представляется нам другой аспект наблюдений: проза Батюшкова «в своих изолированных от контекста частях могла поражать его (Пушкина. — Д. Б.) верностью концепций, значительностью образов». ⁹ Эти наблюдения несомненно ближе к цитированному мнению В. Г. Белинского.

Сопоставление начальных глав «Арапа Петра Великого» и «Вечера у Кантемира» осложнено тем еще, что названные произведения различны по жанру: в одном случае перед нами исторический роман, составляющий один из узловых моментов пушкинского творчества, в другом — драматизированная философская беседа, имеющая аналогии и в русской и в западноевропейской литературе. ¹⁰ Различен и временной фактор: события, описанные в романе Пушкина, происходят значительно раньше, чем в произведении Батюшкова, хотя оно было создано за десятилетие до «Арапа Петра Великого» — в 1816—1817 гг.

Представляя в романной форме биографию прадеда Ибрагима Ганнибалы, какой она складывалась из семейных легенд и преданий, Пушкин, конечно, учитывал художественные открытия других авторов, особенно тех, кто хотя бы отдаленно касался проблем, аналогичных затронутому в «Арапе Петра Великого». ¹¹ Работа над романом требовала от него выхода за пределы собственного опыта: предстояло соотнести художественный домысел с движением исторического времени, с поступками и решениями государственных деятелей Петербурга и Парижа. Пушкин с интересом отнесся к достижениям европейских романистов. Д. П. Якубовичем зафиксированы моменты соприкосновения сходных эпизодов «Арапа Петра Великого» (в основном его «петербургских» глав) и таких романов Вальтера Скотта, как «Квентин Дорвард», «Пират», ¹² рисовавших, по наблюдениям Пушкина, взаимоотношения монархов и подданных в прошедшие времена «без холопского пристрастия к королям и героям» (XII, 195).

⁷ К такому выводу пришел Н. В. Фридман, рассматривая статью К. Н. Батюшкова «О характере Ломоносова» и «Вольтер» и «Путешествие в Арзрум» Пушкина; затем он отметил, что в духе батюшковской «Прогулки в Академию художеств» Пушкиным частично дан образ Петра во вступлении к «Медному всаднику». См.: *Фридман Н. В. Проза Батюшкова*. С. 158, 164.

⁸ *Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты»*. С. 467.

⁹ Там же.

¹⁰ Еще В. Г. Белинский указывал на неоправданно восторженную оценку К. Н. Батюшковым сочинения М. Н. Муравьева «Разговоры в царстве мертвых». См.: *Лесохица Э. И.* В библиотеке декабриста Никиты Муравьева // Книга. Исследования и материалы. М., 1969. Сб. XVIII. С. 214, 217 и след.

¹¹ См., например: *Левкович Я. Л.* «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловича // *Временник Пушкинской комиссии*. 1967—1968. Л., 1970. С. 89—92.

¹² Исследование было выполнено в самом конце 1920-х годов и подготовлено к печати в начале 1930-х годов. Публикация осуществлена Л. С. Сидяковым. См.: *Пушкин. Исследования и материалы*. Л., 1979. Т. IX. С. 261—293.

Рассмотрению «Арапа Петра Великого», его образной структуры в контексте европейского романа того времени посвящено исследование Анны Ахматовой. Ею были прослежены моменты соприкосновения и отталкивания одного из героев «парижских» глав «Арапа Петра Великого» — молодого Мервила и заглавного персонажа романа «Адольф» Бенжамена Констана.¹³

Творческая связь прозаического сочинения Пушкина с вершинными достижениями тогдашней западноевропейской литературы, а также упоминания в начальных главах «Арапа» таких парижских знаменитостей, как Аруэт, Монтескье, Фонтенель, отнюдь не означают, что, рассказывая об Ибрагиме, Пушкин-прозаик ориентировался на читателя — поклонника иностранной словесности. По словам П. В. Анненкова, он говорил друзьям: «Бог даст, мы напишем исторический роман, на который и чужие полюбуются».¹⁴

Начало работы над романом, как показывают исследования последних лет, близко ко времени нового прочтения в Михайловском «Опытов» К. Н. Батюшкова.¹⁵ Это произведение оказало немалое воздействие на выработку суждений о Монтескье русских прогрессивных писателей и мыслителей первой четверти XIX в.». Имя Монтескье пользовалось в России «в это время широкой популярностью», а «Вечер...» долго был любимым чтением, особенно в кругу декабристов.¹⁶

Как для К. Н. Батюшкова и его положительного героя, российского посла, так и для Пушкина и героя «Арапа Петра Великого» Ибрагима петровская Россия — страна еще не раскрытых возможностей. Об этом ведет беседу в Париже Кантемир с Монтескье и его другом аббатом В. Известно, что французский просветитель пристально изучал русскую историю, экономическую политику русского царя, причем подлинные сведения об этой стране, по замыслу Батюшкова, он получал от посла России — Ангиоха Кантемира. Последний раскрыл своим собеседникам высший смысл деятельности Петра I: молодой царь развил в русских людях «все способности душевные; он вылечил их от болезни невежества; и русские под руководством великого человека доказали в короткое время, что таланты свойственны всему человечеству».¹⁷ Устами своего героя Батюшков спорит с теорией Монтескье о решающем влиянии климата как «первого из властей»¹⁸ на характер людей, на обычаи и нравы, наконец, на формы государственного устройства.

¹³ Ахматова Анна. «Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 103, 105, 110. В содержательной монографии Л. И. Вольперт «Пушкин и психологическая традиция во французской литературе» (Таллин, 1980) характеру отношений великого русского поэта к Б. Констану посвящена целая глава (с. 102—124).

¹⁴ Анненков П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. СПб., 1873. С. 191.

¹⁵ См.: Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина. во второй части «Опытов» Батюшкова. С. 30.

¹⁶ См.: Алексеев М. П. Монтескье и Кантемир // Вестник ЛГУ, 1955. № 6. Серия общественных наук. Вып. 2. С. 56—57.

¹⁷ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 43.

¹⁸ Подробно об этом см.: Баскин М. П. Монтескье. М., 1965. С. 76 и след.

Воссоздавая эпизоды спора Кантемира и Монтескье о роли Петра I в судьбах России, Батюшков вводит в речь французского философа цитаты из его «Духа законов». Этого требовали и идейная направленность произведения, и избранный жанр — драматизированная философская беседа. Пушкин же, касаясь аналогичных проблем, опровергает скептические утверждения Монтескье с помощью иных художественных средств, изображая конкретные обстоятельства судьбы Ибрагима, манеру его поведения в Париже и Петербурге, правдиво показывая его душевные движения, порой весьма противоречивые. Ни автор, ни его герой не ведут открытого спора с Монтескье, хотя Пушкин полностью солидарен с мнением Батюшкова, что «таланты свойственны всему человечеству». Из эпизодов романа читатель постигает, что суровый климат не препятствовал Ибрагиму проявлять большие способности, которые в петровской России раскрывались полнее, чем при дворе герцога Орлеанского. Небезынтересно, что последний, уговаривая молодого африканца остаться в Париже, опирается на теорию Монтескье: «...ваше долговременное пребывание во Франции сделало вас равно чуждым климату и образу жизни полудикой России» (VIII, 8). Несостоятельность рассуждения как философа, так и герцога о невозможности просвещения в России опровергалась обстоятельствами судьбы Ганнибала, глубиной его духовных запросов, картинами жизни молодой русской столицы.

В романе Пушкина Монтескье указан среди знаменитостей, с которыми Ибрагим встречался на званых ужинах. На этой художественной детали — встречах с Монтескье, как бы воссоздающей образ жизни Ганнибала в Париже (что вряд ли имело место в действительности), необходимо остановиться подробнее. Перед нами пример реализации Пушкиным одного из самых важных для него нравственно-этических требований к человеку и государству: «И в просвещении стать с веком наравне» (II, 187). Ибрагим предстает как духовно близкий автору герой.¹⁹ Здесь виден и давний романтический интерес к исключительной личности, и требование «мыслей и мыслей», предъявляемое Пушкиным к современной прозе.

Общение с Монтескье, Фонтенелем, молодым Аруэтом (будущим Вольтером) — вот, по Пушкину, одно из условий, которое помогло Ганнибалу стать одним из тех просвещенных людей, которые были столь «необходимы государству преобразованному» (VIII, 3). Примечательно, что в черновых вариантах сказано, будто Ибрагим «не раз» присутствовал на ужинах с выдающимися умами Европы, где оживленно дебатировались проблемы, волновавшие французское общество. Так, по замыслу Пушкина, Ибрагим впитывал в себя идеи века.²⁰

Не случайно и другое лицо, с которым имел возможность общаться в Париже молодой Ганнибал, — это автор «Разговоров о множестве миров». С выходом названной книги Бернар ле Бовье де Фонтенель быстро

¹⁹ Подробно см.: Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974. С. 125.

²⁰ Подобным путем, кстати, шло духовное созревание многих молодых философов эпохи Просвещения. См., к примеру, биографию одного из ранних французских материалистов Э. Б. де Кондильяка (Богуславский В. М. Этьенн Бонно де Кондильяк. М., 1984. С. 11, 12 и др.).

и прочно завоевал славу замечательного популяризатора новых научных взглядов. «Просвещенный ум, — утверждал он, — состоит из умов всех предшествующих веков». Фонтенель был для своего времени ученым-универсалистом в широкой сфере философии природы: в астрономии, математике, физике, механике.²¹ Хотя Пушкин весьма скромно упоминает о встречах Ганнибала с такой личностью, однако бесследно они не могли пройти для героя романа — молодого инженера и артиллериста, исполненного «желания усовершенствовать свои познания» (VIII, 3).

Любопытно, что в незачеркнутом варианте второй главы, рисующей встречу Ибрагима с «приближенными к государю», воссоздан еще один штрих, имеющий прямое отношение к имени знаменитого ученого: «Ше-ремсетев», Брюс расспрашивал(и) его о Фонтенеле» (VIII, 525).

Если обратиться к тексту философской беседы «Вечера у Кантемира», которую вели в российском посольстве в Париже Кантемир, Монтескье и аббат В., то и в ней часто звучит имя одного из зачинателей французского Просвещения — семидесятилетнего Фонтенеля. Каждое упоминание о нем окружено у Батюшкова яркими эпитетами: «книга бессмертного Фонтенеля», «язык остроумного Фонтенеля и глубокомысленного Монтескье», «тонкие выражения и обороты первого щеголя языка французского» и т. п.²²

Таким образом, не исключено, что выбор лиц, с которыми Ибрагим «присутствовал на ужинах», восходит к рассказу «Вечер у Кантемира».

Житель Африки, пользующийся благосклонностью российского царя, не мог не быть интересен знаменитому французскому мыслителю. Известно, что Монтескье, оказавшись в молодости современником войны Франции за «испанское наследство» (1701—1714), собрал о ней сведения и несколько позже осудил эту войну в ряде произведений.²³ Ибрагим Ганнибал не только участвовал во франко-испанской войне как капитан артиллерии, но «был ранен в голову», и в дни встреч с Монтескье, как сообщает Пушкин, еще «вместо парика носил повязку» (VIII, 5). Рассказы такого очевидца могли быть любопытны знаменитому философу. С другой стороны, будучи активным защитником интересов исконных жителей Африки, Монтескье опять-таки не мог не обратить внимания на Ибрагима.

Упоминая в романе об их встречах, Пушкин давал основание считать, что не только Антиох Кантемир, но и «крестник Петра» мог быть для прославленного философа источником сведений о русском царе.²⁴

Пушкина, можно сказать, в одинаковой мере занимали и подлинная

²¹ См.: *Сорокин Ю. С.* У истоков литературного языка нового типа: О переводе «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля // *Литературный язык XVIII века: Проблема стилистики.* Л., 1982.

²² *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. С. 38, 47. Можно предположить, что факт необычайной популярности Фонтенеля среди просвещенных европейцев мог быть подсказан как Батюшкову, так и Пушкину анекдотами на эту тему из иностранных журналов, напечатанными Н. М. Карамзиным в февральской книжке «Московского журнала» за 1791 г.

²³ См.: *История зарубежной литературы XVIII века.* М., 1967. С. 229 (глава написана Ю. И. Божором).

²⁴ Кстати, сходное суждение высказал и А. Н. Веселовский в своем курсе лекций «Влияние Востока на литературу Европы в XVIII и XIX вв.», читанных в Лазаревском институте (М., 1910).

судьба прадеда Ганнибала, и художественный образ, созданный в его воображении на основе семейных легенд и преданий. И в том, и в другом случае перед ним возникала проблема становления человеческой личности, осознания ею своей цели в жизни, причастности к передовым идеям века. Сказанное проясняет интерес Пушкина к французскому периоду жизни героя, к пребыванию его в центре умственного движения того времени.

Батюшков писал о столице Франции, повидав этот город и побывав в местах, связанных с именами выведенных им лиц. Он воссоздавал драматизированную философскую беседу как ученый-историк, тщательно изучив при этом целый ряд источников. Автор «Арапа Петра Великого» также не мог пройти мимо этих обстоятельств в «парижских» главах своего романа. Однако если в центр «Вечера у Кантемира» — художественного произведения, восходящего к литературному жанру «воображаемых разговоров», столь популярному в XVIII в., — поставлены политические и философские проблемы, то внимание Пушкина привлечено к духовному миру героя, к его формированию, к превратностям судьбы. В историческом романе шире и разностороннее прослежен характер общения молодого африканца с «большим светом». Герой постепенно становится проникательнее в понимании людей, их поступков и поведения, их общественной значимости. Ганнибал начинает задумываться над «вечными» вопросами бытия, над особенностями европейской политики, дает оценку ее деятелям. Встречи со знаменитыми мыслителями в непринужденной обстановке — и это несомненно учитывалось Пушкиным — способствовали формированию высокой нравственности Ибрагима. Он постигал важность и значимость государственных интересов, их превосходство над личными, пробовал оценивать поступки человека с точки зрения соответствия их пользе государства. Сказанное нетрудно обнаружить в раздумьях и деятельности Ибрагима, но уже в Петербурге, вблизи «могучего и грозного преобразователя России» (VIII, 11).

Рассматривая характер и объем реминисценций из «Вечера у Кантемира» в «Арапе Петра Великого», важно отметить, что герой Батюшкова возражает Монтескье абстрактно. «Я осмелюсь спорить с великим творцом книги о существе законов и с вами, любезный аббат. Россия пробудилась от глубокого сна, подобно баснословному Эпимениду». Беседа в кабинете посла ведется в отвлеченно-теоретическом плане. «...положим, — продолжает Монтескье, — что правительство «России» образует военных людей, довольно искусных, несколько мореходцев, небольшое число артиллеристов, инженеров и проч. Но скажите, может ли правительство вдохнуть вкус к изящному, к наукам отвлеченным, умозрительным? Какая сила изменит климат? Кто может вам даровать новое небо, новый воздух, новую землю?»²⁵ Пушкин не задает подобных вопросов, но само содержание романа «Арап Петра Великого» дает положительный ответ на них. К примеру, третья глава романа, рисующая столичную ассамблею, служила достойным ответом на риторические вопросы французского просветителя: «... ассамблея была дело должностное, и государь строго требовал присутствия своих приближенных» (VIII, 15). В судьбе Ибрагима, как по-

²⁵ Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 40, 41.

казывал Пушкин, зримо воплотились идеи социального прогресса, которые осуществлял в России Петр I.

Если Батюшков, воссоздавая беседу Кантемира и Монтескье, ориентировался на «Дух законов», приводил оттуда отдельные суждения, то Пушкин, по нашим наблюдениям, имел в виду другое сочинение Монтескье — «Персидские письма»,²⁶ хотя и не упоминает о них. То, что это произведение находилось в сфере внимания Пушкина в процессе работы над «Арапом Петра Великого», отметил в своем дневнике 16 сентября 1827 г., после встречи с поэтом в Михайловском, Алексей Вульф, которому были показаны «первые две главы романа в прозе»: «В молдавской красной шапочке и халате увидел я его за рабочим столом, на коем были разбросаны все принадлежности уборного столика поклонника моды; дружно также на нем лежали «сочинения» Montesquieu». ²⁷ В библиотеке Пушкина действительно сохранились «Персидские письма» Монтескье («Letters Persanes»),²⁸ причем из 900 страниц книги Пушкиным были разрезаны 715.

В пору работы над «Арапом Петра Великого» указанный роман Монтескье вероятнее всего интересовал Пушкина как произведение, в котором Париж и его нравы были показаны глазами жителей Востока, хотя и условного. Французский просветитель сопоставлял в «Письмах» духовные запросы путешественников из Азии и ограниченность жителей центра европейского мира. Poleмическая направленность произведения отчетливо сознавалась Пушкиным и его единомышленниками.²⁹ Для русского автора не прошла бесследно галерея изысканно одетых светских шалопаев, сатирически изображенных в «Персидских письмах». Их черты, поведение могли быть приняты во внимание при изображении Корсакова или Мервиля,³⁰ но не молодого негра, хотя тот оказывался непререкаемым участником светской жизни. Ибрагим «не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления и предавался общему вихрю со всею пылкостью своих лет и своей породы» (VIII, 4). Духовная близость пушкинского героя к деятелям французского Просвещения ощутима, например, в его равнодушии к религиозным вопросам.³¹ В процессе приобщения к передовым идеям века Ганнибал, как показывал Пушкин, расстается с чертами национальной и расовой ограниченности.

²⁶ Еще в XVIII в. «Персидские письма» были полностью переведены на русский язык. См.: Алексеев М. П. Монтескье и Кантемир. С. 63. В расказе К. Н. Батюшкова над переводом «Писем» трудится сам Кантемир, чему приятно удивляется их автор — Монтескье. К сожалению, этот перевод был утерян.

²⁷ Вульф А. Н. Дневники. М., 1929. С. 135—136.

²⁸ См.: Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 293, № 1187.

²⁹ А. А. Дельвиг писал о «Персидских письмах», что «Монтескье хотел представить в них картину (...) понятий своих современников, хотел сказать несколько полезных истин, которых без маскарадного платья не пропустили бы в тогдашнее общество, и достиг своей цели» (Литературная газета. 1830. 28 августа. № 48. С. 97).

³⁰ Подробно см.: Белкин Д. И. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Персидские письма» Монтескье // Ученые записки Горьковского гос. ун-та им. Лобачевского. Горький, 1973. Вып. 160. С. 122—130.

³¹ Георг Леец отмечает почти суровую религиозность А. П. Ганнибала и членов его семьи. См. его биографическое исследование: Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал. Таллин, 1980.

Рассказ о жизни Ганнибала в Париже по времени совпадает с пребыванием там персидских Рики и Узбека, персонажей из романа Монтескье. Оба автора симпатизируют ориентальным героям, каждый по-своему отстаивая идеи эпохи Просвещения. Однако гуманизм Пушкина и Монтескье реализовался в разных творческих плоскостях. Французский писатель критикует феодальный строй и его порядки, уродующие человеческое общество. Пушкина же увлек образ положительного героя, выходца из далекой Африки; он изображает такие обстоятельства, когда Ибрагим проявляет высокие нравственные качества. Именно здесь Пушкин оказывается особенно близок к положительной программе деятельности Петра I, которая была изложена Батюшковым в «Вечере у Кантемира».

В беседе с аббатом В. и Монтескье Кантемир отмечал, что «с успехами людскости и просвещения Север беспрестанно изменяется, и <...> прирастает к просвещенной Европе». ³² Это происходило, как подчеркивал Батюшков, не в результате изменения климата в России, а потому, что «Петр Великий, преобразуя Россию, старался преобразовать и нравы». Батюшковский Кантемир соглашается с гостями-французами, что «новые обычаи, новые платья, новый род жизни, новый язык не могли еще изменить древних людей». «Иные бояра, надевая парик и новое платье, оставались с прежними предрассудками», а «другие, отложив бороду и длинный кафтан праотеческий, с платьем европейским надевали все пороки, все слабости ваших соотечественников» (т. е. французов). ³³

Нетрудно вспомнить, что приведенные мысли и замечания конкретизированы у Пушкина в галерее запоминающихся образов Ржевских, князя Лыкова, Корсакова и др. Налицо художественный прием, аналогичный тому, что отмечен исследователями по отношению Пушкина к отдельным сюжетам стихов Батюшкова, т. е. замена «картинности» «действием». ³⁴ Разумеется, у героев Пушкина связь со своей эпохой была более органична, более сложна, более убедительна, однако здесь нельзя не повторить одно давнишнее наблюдение: «Батюшков послужил исходным пунктом для целой полосы в многостороннем творчестве Пушкина». ³⁵

Влияние «Вечера у Кантемира» на «Арапа Петра Великого» было по своему характеру проблемно-тематическим.

Допуская, что некоторые из отмеченных совпадений могли быть чисто случайными, нельзя не признать, что содержание драматизированной философской беседы оставалось в сознании и памяти Пушкина с послепейцевских лет и что поэт, обратившись к эпохе Петра I, которую он стремился раскрыть через полуфантастическую судьбу своего прадеда, не мог пройти мимо творения Батюшкова, весьма близкого ему по своей идейной направленности.

Рассматривая «Вечер у Кантемира» в качестве одного из литературных источников «Арапа Петра Великого», автор, конечно же, не упускает

³² Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 44.

³³ Там же. С. 49.

³⁴ Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова. С. 26.

³⁵ Морозов П. А. С. Пушкин и Батюшков // Пушкин. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907. Т. 1. С. 150.

из виду, что творческих импульсов, побудивших Пушкина взяться за разработку биографии Ганнибала, как сюжетной основы исторического романа, а также мотивов, из-за которых это произведение осталось незавершенным, было значительно больше, чем это известно пока исследователям.

Д. И. Белкин

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»

В седьмой главе (строфа XLV) упоминается некий Финмуш:

У Пелагеи Николаевны
Все тот же друг мосьё Финмуш
И тот же шпиц, и тот же муж.

(VI, 158)

Французская фамилия «друга» (его титулование «мосьё») требует обращения за разъяснениями к франко-русскому словарю. Однако ни этого, ни близкого ему слова не обнаруживается. Предположение о том, что фамилия является составной, т. е. состоит из «фин» и «муш», позволяет выявить фразеологизм «fine mouche», означающий «тонкая бестия». Следовательно, фамилия «друга» содержит нравственную характеристику.

М. Д. Эльзон

КОГДА ВПЕРВЫЕ БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО СТИХОТВОРЕНИЕ «Я ЗДЕСЬ, ИНЕЗИЛЬЯ. . .»?

В 1909 г. Б. Л. Модзалевский опубликовал текст автографа стихотворения Пушкина «Я здесь, Инезилья. . .» (1830). В комментарии к нему исследователь, в частности, писал, что стихотворение «было напечатано впервые в 1834 году с нотами М. И. Глинки», и сделал к этим словам примечание, которое в контексте должно восприниматься как аргумент: «В своих „Записках“ <. . .> М. И. Глинка говорит, что музыка к этому стихотворению была написана им в зиму 1834—1835 гг.; есть также издание 1844 г. (Москва) — см.: В. Межов, Puschkiniana <. . .> См. также у В. Корганова, Пушкин в музыке».¹

Последующие комментаторы стихотворения тоже называют датой его первой публикации 1834 г. В справочнике «Пушкин в печати» в списке

¹ Модзалевский Б. Л. Автографы стихотворений Пушкина «Я здесь, Инезилья» и «Рифма» // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 12. С. 5—6. Известно также, что Глинка относил романс к 1834 г. (см.: Глинка М. Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 10. С. XX).

публикаций этого года читаем: «Я здесь, Инезилья. — Музыка М. И. Глинки».² Других библиографических сведений об издании составители не приводят.

В большом академическом издании стихотворение прокомментировано Т. Г. Зенгер: «Напечатано Пушкиным в качестве текста при издании романса Глинки в ноябре—декабре 1834 г. <...> Печатается по изданию романса Глинки 1834 г.» (III, 1216). В новейшем комментарии также говорится об «отдельном издании (СПб., 1834) в качестве текста романса М. И. Глинки (при жизни Пушкина стихотворение больше не публиковалось)».³

Обратимся к источникам, на которые ссылался Б. Л. Модзалевский. В составленной В. И. Межовым пушкиниане указаний на издания романса до 1844 г. не встречаем. Первое упоминание буквально таково: «„Я здесь, Инезилья“. Романс. Слова А. С. Пушкина. Музыка М. И. Глинки. В магазине „Одеон“, у П. Ленгольда. Москва, 1844».⁴ В Корганов тоже связывает появление романса с 1844 г.⁵ Таким образом, издание 1834 г. пушкинистам-библиографам прошлого столетия было неизвестно.⁶

Неизвестно оно и нам. На титульном листе самого раннего издания, какое удалось обнаружить в библиотеках Москвы и Ленинграда, читаем следующее: «„Я здесь, Инезилья“. Романс. Слова А. Пушкина. Музыка М. Глинки. СПб. Собственность Музыкального депо под фирмою Одеон. В Москве у П. Ленгольда». Надо полагать, что это и есть издание, отмеченное В. И. Межовым, который подредактировал его выходные данные. На титульном листе названы и Петербург и Москва, библиограф же указывает лишь Москву. Вслед за ним «московским» назовет это издание и Б. Л. Модзалевский.

Год издания, как и дата цензурного разрешения, здесь не указан. Это и могло ввести в заблуждение Т. Г. Зенгер, очевидно, пользовавшуюся именно этим изданием при комментировании стихотворения: текст в издании романса и в большом академическом издании в основном совпадает, если не считать расхождений в пунктуации, неизбежных при перепечатке текста из нотного издания.

Заметим, что в Публичную библиотеку, получающую «обязательные экземпляры отечественных произведений печати с 1811 г.»⁷ упомянутое издание поступило в 1844 г. — этот факт подтверждает точность указания

² Пушкин в печати: 1814—1837. М., 1938. С. 118.

³ Фомичев С. А. О принципах академического издания сочинений А. С. Пушкина // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. 1982. Т. 41, № 3. С. 235.

⁴ Puschkiniana / Сост. В. И. Межов. СПб., 1886. С. 268.

⁵ См.: Корганов В. А. С. Пушкин в музыке. Тифлис, 1899. С. 39.

⁶ О нем не знал и П. А. Ефремов, считавший стихотворение «не явившимся в печати при жизни поэта и впервые данным „Материалами“ г. Анненкова» (Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 2. С. 438). Последнее утверждение, впрочем, было ошибочным (см. ниже).

⁷ Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 137.

В. И. Межова на этот год как на дату самой первой публикации романа.⁸

Вопроса о дате публикации касается и комментатор романа Н. Н. Загорный: «Роман Глинки был впервые опубликован фирмой „Одеон“. Позднее переиздан Ф. Стелловским с тех же досок и под тем же номером (№ 327*, б. д.). Первое издание романа явилось и первой публикацией стихотворения А. С. Пушкина, при жизни поэта так и не появившегося в печати отдельно от музыки Глинки».⁹

На первом известном нам издании романа стоит этот же номер — 327, но без звездочки, означающей перепечатку с той же доски. Н. Н. Загорный не называет года издания романа, ибо его и нет на титульном листе, но в последней фразе практически признает, что это произошло при жизни Пушкина. Впрочем, Н. Н. Загорный противоречит себе: выше он пишет, что «издательство „Одеон“ начало свою деятельность лишь в конце 1830-х годов».¹⁰ Как же могло это издательство выпустить роман при жизни поэта, тем более, добавим, в 1834 г.? Концы с концами в этом комментарии не сведены. Нам же важно, что музыковед признает издание № 327 первым изданием романа.¹¹

Задержимся на номере типографской доски, с которой отпечатан роман. Под этим номером — 327* (б. д.) — роман был переиздан Стелловским. Под следующим номером — 328* (б. д.) — Стелловский переиздал, как замечает Н. Н. Загорный, «по-видимому, с тех же досок».¹² Роман Глинки «К ней», написанный в 1843 г. и впервые опубликованный, также без даты, фирмой «Одеон». Соседство номеров досок говорит о том, что первые публикации романов «Одеоном» состоялись почти одновременно, непосредственно одна за другой.¹³ Это могло произойти не раньше 1843 г., и очень вероятно, что в 1844 г.

В 1841 г. в «Отечественных записках» (т. XVII, № 8, отд. VI) появляется рецензия В. Г. Белинского на три последних тома «посмертного» собрания сочинений Пушкина. Критик замечает, что стихотворение «Я здесь, Инезилья...» в издании пропущено, между тем эта «песня» «известна публике, хотя и никогда не была напечатана»,¹⁴ и приводит текст стихотворения. Можно возразить, что Белинский едва ли следил за нотной литературой и мог не знать издания романа. Но утверждение критика звучит довольно уверенно и заставляет подозревать точное знание дежа. Обратимся к обстоятельствам, окружающим появление этой рецензии.

⁸ На титульном листе экземпляра ГПБ (нотный отдел, шифр М $\frac{235-4}{3825}$) рукой дореволюционного библиографа, с использованием старой орфографии, карандашом сделаны надписи: «Первое издание» и «1844».

⁹ *Глинка М.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. XX.

¹⁰ Там же. С. X.

¹¹ Еще прежде В. А. Киселев указал, что первое издание романа появилось в издательстве «Одеон» без даты. См.: *Киселев В. А.* Список произведений М. И. Глинки // *Ливанова Т., Протопопов Вл.* Глинка: Творческий путь. М., 1955. Т. 2. С. 364.

¹² *Глинка М.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. XXVIII.

¹³ Так, изданные в 1840 г. «Песня Ильиничны» и «Сон Рахили» Глинки имели номера 150 и 151, различные транскрипции «Сомнения» — номера 209, 210 и 210б.

¹⁴ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 267.

Белинский сообщает в ней, что «Отечественные записки» готовят публикацию целого ряда не вошедших в собрание сочинений Пушкина — «литературных статей» и «малоизвестных стихотворений». Редакция журнала вела большую работу по подготовке этой — так и не состоявшейся — публикации. В 1938 г. Н. И. Мордовченко сообщил в печати о хранящейся в Пушкинском Доме тетради под заглавием «Выписка сочинений Пушкина, в полном собрании не помещенных». В ней, как указывал Н. И. Мордовченко, «неизвестным нам почерком переписан ряд стихотворений Пушкина, не вошедших в первое посмертное издание его сочинений: „Нет, нет, не должен я, не смею, не могу“, „Признание“ (<...>), „Романс Лауры“ («Я здесь, Инезилья...»). — А. К.) и т. д.»¹⁵ Эти три стихотворения Белинский приводит в своей рецензии. В тетради есть ниже стихотворения Пушкина, переписанные и рукой самого Белинского.

Н. И. Мордовченко резонно предположил, что тетрадь велась в редакции «Отечественных записок» и что «Белинский сам или при помощи своих сотрудников проделал большую работу по пересмотру многих старых журналов и альманахов с целью обнаружения в них произведений Пушкина».¹⁶

В связанной с «Отечественными записками» истории стихотворения присутствует еще одно, неизвестное нам лицо, переписавшее его текст в тетрадь и, следовательно, хорошо знавшее стихотворение и, возможно, его историю. Трудно сказать, имели ли какое-то отношение к этому сбору материала издатели собрания сочинений поэта.¹⁷ Редакция «Отечественных записок», вероятно, действовала самостоятельно. Но нельзя сбрасывать со счетов личные контакты критика с писателями пушкинского круга. Белинский приезжает в Петербург осенью 1839 г., вскоре знакомится с Жуковским, Плетневым, Одоевским. Заполнение тетради датируется этим же временем, началом 1840-х годов.¹⁸ Белинский мог получить какие-то подсказки из уст пушкинских товарищей. Во всяком случае прекрасный знаток музыки, друг Пушкина и Глинки Одоевский, дома у которого Белинский бывал и с которым, конечно, говоря о поэте, наверняка знал о судьбе стихотворения. Никаких реплик по поводу ошибки (если бы это была ошибка) Белинского, насколько нам известно, не последовало — ни со стороны композитора, ни со стороны других осведомленных лиц. Кстати, Н. И. Мордовченко не подверг слова критика сомнению и вслед за ним назвал «Романс Лауры» «вовсе не напечатанным до 1841 г.»¹⁹

Итак, оснований не доверять словам Белинского, как и документированных сведений о публикации стихотворения до 1841 г., нет. «Точность»

¹⁵ В. Г. Белинский в работе над текстами Пушкина / Публ. Н. И. Мордовченко // Литературный архив. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 297.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Известно, однако, что впоследствии тетрадь попала к П. А. Вяземскому, оставившему в ней свои заметки, а от него — к Анненкову (см.: В. Г. Белинский в работе над текстами Пушкина. С. 298).

¹⁸ См.: В. Г. Белинский в работе над текстами Пушкина. С. 298.

¹⁹ Там же. С. 297. Любопытно, что в примечании к рецензии в Полном собрании сочинений Белинского датой первой публикации назван 1835 г. (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 814).

в датировке Т. Г. Зенгер («ноябрь—декабрь 1834 г.») мнимая: она основана на механическом соединении свидетельства композитора о том, что романс написан зимой 1834/35 г.,²⁰ и произвольной датировки публикации романса 1834 г. у Б. Л. Модзалевского. Указание Глинки на время создания романса не означает, что он был немедленно издан (именно это допущение и послужило основанием для датировки Б. Л. Модзалевского). Многие романсы композитора («Не пой, красавица...», «Забуду ль я...», «Венецианская ночь» и др.) появились в печати спустя несколько лет после их написания, будучи широко известны.

Таким образом, публикацию стихотворения «Я здесь, Инезилья...» следует датировать 1841 г. (цензурное разрешение 17-го тома «Отечественных записок» — 30 июня 1841 г.).

Уточнение даты публикации позволяет объяснить одно связанное с историей текста стихотворения недоразумение.

В большом академическом издании вслед за первым изданием романса двенадцатый стих читается так: «Мечом уложу». Несоответствие этого стиха упоминанию о шпаге героя отмечал еще Б. Л. Модзалевский.²¹ В последнее время С. А. Фомичев восстановил на основании автографа пушкинский текст: «Тотчас уложу». «Текст для <...> издания, — замечает при этом исследователь, — был, вероятно, переписан композитором с автографа не вполне исправно».²²

Как работал композитор с поэтическим текстом? В своих «Записках» Глинка рассказывает о работе над оперой «Иван Сусанин», либретто которой писал Е. Ф. Розен, весной 1835 г. (вскоре после создания романса «Я здесь, Инезилья...»): «Розен был на это молодец; закажешь, бывало, столько-то стихов такого-то размера <...>, ему все равно — придешь через день, уж и готово».²³ Здесь же Глинка упоминает о споре с Розеном из-за строк, показавшихся ему, композитору, «не совсем ловкими». П. Рыбакова, автор статьи «Глинка и Кукольник»,²⁴ показала, что Глинка видел и в Кукольнике «текстовика», диктовал ему свою творческую волю при работе над романсами. Такое «соавторство» было идеальным для композитора. Конечно, со стихами лучших поэтов так работать было нельзя, но даже

²⁰ См.: *Глинка Михаил*. Литературное наследие. Л.; М., 1952. Т. 1. С. 155. А. А. Орлова считает, что романс написан не позднее весны 1834 г., ибо уже 15 июня в «Молве» (№ 24) упоминается как известный «Испанский романс» композитора (см.: *Летопись жизни и творчества М. И. Глинки*. Л.: Музыка, 1978. Ч. 1. С. 75). Но как в таком случае к Глинке попали стихи Пушкина, если по возвращении из-за границы в апреле 1834 г. он до июньской поездки в Москву жил в деревне и не встречался с поэтом (Там же. С. 75)? Романс не мог быть написан и до отъезда за границу: Глинка уехал в мае 1830 г. (Там же. С. 53—54), когда пушкинского стихотворения еще не существовало (беловой автограф его датируется 9 октября 1830 г.). Может быть, упоминаемый «Молвой» «Испанский романс» — какое-то другое произведение?

²¹ См.: *Модзалевский Б. Л.* Автографы стихотворений Пушкина «Я здесь, Инезилья» и «Рифма». С. 3.

²² *Фомичев С. А.* О принципах академического издания сочинений А. С. Пушкина. С. 237.

²³ *Глинка Михаил*. Литературное наследие. Т. 1. С. 158.

²⁴ См.: *Рыбакова П.* Глинка и Кукольник // *Советская музыка*. 1957. № 2. С. 61—64.

Жуковский перерабатывал свои стихи специально для Глинки.²⁵ Что касается романсов на стихи Пушкина, то в них композитор, не посягая, как в случае с Жуковским или Кукольниковом, на ритмику, обычно заменял одно или несколько слов («Не пой, красавица...», «Признание», «Заздравный кубок», «Адель», «Мери»).

Глинка ощущал стихотворение «Я здесь, Инезилья...» иначе, чем его автор. Напряженно-сдержанная интонация Пушкина сменяется у него «стремительно-ярким ритмом («ритм отваги») и внезапными дерзкими контрастами гармонии».²⁶ Герой Глинки любит свою силу и отвагой, в то время как пушкинский герой сосредоточен на внутреннем переживании. Герою романса скорее пристали традиционные условно рыцарские атрибуты. В мажорном «Рыцарском романсе» Глинки на стихи Кукольника (1840), по своему музыкальному языку близком романсу «Я здесь, Инезилья...», есть слова: «Клянуся сердцем и мечом: Иль на щите, иль со щитом».²⁷

Показательны в этом отношении и другие романсы Глинки на стихи Кукольника. «Стажсы» (1837) по своей ситуации напоминают романс «Я здесь, Инезилья...»: «Вот место тайного свиданья. Я здесь, красавица, давно! Гляжу, исполнен ожиданья, На разноцветное окно <...> Одно язвительное слово, Еще удар, еще удар, И я отищен!».²⁸ Тема мести изменившейся любовнице и сопернику звучит и в «Фантазии» (1840): «Я, как тень, проникну в дом, Ложе их открою, Усыплю их вечным сном, Смертью успокою».²⁹ Хотя меч здесь прямо не назван, но общий эмоциональный настрой сходен с тем, что был в пушкинском романсе Глинки. А сама тема меча позже будет заметно расширена по сравнению с пушкинским текстом в либретто оперы «Руслан и Людмила» — возможно, тоже не без воздействия композитора.

Герою «рыцарского» типа, предстоящему в этих романсах Глинки, меч просто необходим — необходим уже в силу мажорного характера музыки. Но даже у героя «Сомнения» (1838) — лирического шедевра Глинки — «оружия ищет рука». Напомним, что тексты романсов создавались при непосредственном участии Глинки, под его руководством, и тема «оружия», в частности «меча», скорее всего восходит к композитору. Легко допустить, что и в более раннем романсе «Я здесь, Инезилья...» Глинке «понадобился» меч, тем более что слово «мечом» при исполнении романса звучит гораздо эффектнее, чем «тотчас». Глинка оказался, по-видимому, не «неисправным переписчиком», а соавтором поэта.

Известно, что Пушкин болезненно относился к неточностям в изданиях своих произведений, искажавшим их смысл (см., например, письмо к А. А. Бестужеву от 12 января 1824 г. о стихотворении «Нереида»). Не поддается никакому объяснению, как он мог бы допустить или по крайней мере оставить без внимания публикацию стихотворения «Я здесь, Инезилья...» в таком виде. Но одно дело публикация, а бытование ро-

²⁵ См.: Там же. С. 62.

²⁶ Шлифштейн С. Глинка и Пушкин. М.; Л., 1950. С. 43.

²⁷ Глинка М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 79.

²⁸ Там же. С. 9—10.

²⁹ Там же. С. 65—66.

манса — совсем другое: здесь бороться с вариантом Глинки было невозможно. Однако в списках бытовал и другой вариант: «Тотчас уложу».³⁰ Он-то и восходит к пушкинскому автографу. Вмешаться же в дело издания романа поэт не мог: его уже не было в живых.

А. В. Кулагин

ЗАПИСКИ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

В названии этой статьи содержится некоторая невольная неточность. Речь в ней пойдет о путевых заметках княгини Натальи Петровны Голицыной (урожд. Чернышовой, 1741—1837), носящих название «Suite des remarques et anecdotes arrivées pendant ma vie ainsi que ceux qui me sont arrivées en voyage, commencée le 14 Juin année 1783» («Продолжение заметок и случаев из моей жизни и моих путешествий, начато 14 июня 1783 года»; ГБЛ, ф. 64 (Вязёмы), 113.1).¹ Именно об этой княгине Голицыной говорится в пушкинском «Дневнике»: «При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Н. катальей П. «етровной» и, кажется, не сердятся» (XII, 324). О ней же идет речь в воспоминаниях П. В. Нащокина: «Старуха графиня — это Наталья Петровна Голицына, мать Дмитрия Владимировича, московского генерал-губернатора, действительно жившая в Париже в том роде, как описал Пушкин».² Все это, казалось бы, в самом деле дает основания считать Н. П. Голицыну своего рода «прототипом» старой графини — «пиковой дамы». Однако одна из целей статьи состоит именно в том, чтобы показать, что сходство Натальи Петровны Голицыной и пушкинской «Vénus moscovite» («Московской Венеры») во многих отношениях проблематично.

Начнем с хронологии. Реальные сроки пребывания Голицыной во Франции до сих пор не были объектом внимания пушкинистов. И биографы княгини,³ и те, кто писал о ней в связи с пушкинским «Дневником» и повестью «Пиковая дама»,⁴ ограничивались общей констатацией

³⁰ Там же. С. 162.

¹ Название указывает на преемственность этой большой красной тетради (картон, обтянутый кожей, с золотым тиснением) по отношению к предыдущей, озаглавленной «Remarques sur les événements de ma vie» («Заметки о событиях моей жизни») и посвященной жизни княгини до 1783 г.

² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 195.

³ См.: Трубинов А. Княгиня Голицына в Марьино и Городне // Старые годы. 1910. Июль—сентябрь. С. 157—158; Шереметев П. С. Вязёмы. Пг., 1916. С. 102, 123. Оба автора верно указывают дату отъезда Голицыной из Франции, но не называют дату ее приезда туда.

⁴ См.: Пушкин А. С. Дневник. 1833—1835 / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Пг., 1923. С. 132; Пушкин А. С. Дневник (1833—1835) / Под ред. В. Ф. Саводника. М.; Пг., 1923. С. 365—366; Лернер Н. О. Оригинал «Пиковой дамы» // Столица и усадьба. 1916. № 25. С. 11; Рабкина Н. А. Исторический прототип «пиковой дамы» // Вопросы истории. 1968. № 1. С. 214. О Голицыной как бесспорном прототипе старой графини см. также: Раков Ю. Дом пиковой дамы // Белые ночи: Очерки. Зарисовки. Документы.

того факта, что Голицына много лет прожила за границей и выехала из Франции накануне Французской революции. Утверждение это, восходящее к воспоминаниям Елизаветы Петровны Яньковой,⁵ неверно: из путевых заметок яветствует, что Наталья Петровна покинула Францию лишь 27 августа 1790 г.⁶ и была, между прочим, свидетельницей некоторых очень значительных революционных событий (таких, как открытие Генеральных штатов или праздник Федерации 1790 г.). Еще более существенна дата приезда княгини в Париж — 13 сентября 1784 г. (л. 63). Из этого следует, что время и обстоятельства жизни в Париже княгини Натальи Петровны и пушкинской старой графини различны. Старая графиня жила в Париже в 70-е годы XVIII столетия (см.: VIII, 231, 245) и была в ту пору красавицей, кружившей голову парижанам, причем замужней дамой. Наталья Петровна Голицына была в Париже дважды: в первый раз — двадцатилетней девушкой, в течение трех лет (1760—1763), когда ее отец граф Петр Григорьевич Чернышев был русским посланником в столице Франции; во второй раз — в 1784—1790 гг., замужней дамой сорока с лишним лет, матерью почти взрослых детей. Легко заметить, что обстоятельства обоих ее посещений Парижа не совпадают с биографией старой графини.

Хронология пребывания в Париже очень важна и для решения вопроса о том, была ли княгиня на самом деле знакома с графом Сен-Жерменом. Вообще в самом факте общения с этим загадочным лицом русской путешественницы не было ничего невероятного,⁷ однако если Наталья Петровна приехала во Францию в 1784 г., то на вопрос этот нужно безусловно ответить отрицательно, поскольку в 1784 г. Сен-Жермена не только не было в столице Франции, но и вообще уже не было в живых (он умер в Шлезвиге в феврале 1784 г.). Не могла Наталья Петровна видаться с ним и во время своего первого пребывания в Париже, поскольку в декабре 1759 г. граф Сен-Жермен из-за политических интриг покинул Францию. Существует, правда, свидетельство Казановы о том, что спустя полгода после того как Сен-Жермен был якобы «изгнан» Людовиком XV из Франции (а на самом деле, если верить Казанове, отправлен в Англию

Воспоминания. Л., 1971. С. 160—165; *Рейсер С. А.* Пушкин в салоне Фикельмон (1829—1837) // *Временник Пушкинской комиссии.* 1977. Л., 1980. С. 42.

⁵ См.: *Благово Д.* Рассказы бабушки. СПб., 1885. С. 112.

⁶ ГБЛ, ф. 64 (Вязёмы), 113.1, л. 122. В дальнейшем ссылки на эту рукопись даются в тексте, с указанием в скобках листа. Неверно (1792 г.) датировано возвращение Голицыной в Россию из Франции и в обзоре вязёмского архива, см.: *Шлихтер Б. А., Майкова К. А.* Архив имения «Вязёмы» // *Записки Отдела рукописей ГБЛ.* 1955. Вып. 17. С. 20.

⁷ См., например, письмо Д. И. Фонвизина графу П. И. Папину от 20 (31) марта 1778 г.: «Что ж надлежит до другого чудотворца, Сен-Жермена, я расстался с ним дружески, и на предложение его, коим сулил мне золотые горы, отвечив благодарностию, сказав ему, что если он имеет толь полезные для России проекты, то может отнестися с ними к находящемуся в Дрездене нашему поверенному в делах» (*Фонвизин Д. И.* Избранное. М., 1983. С. 293). Известно, что с Сен-Жерменом был знаком и адресат послания «К вельможе» Н. Б. Юсупов (см.: *Вязёмский П. А.* Записные книжки. М., 1963. С. 171 (запись от 15 июня 1830 г)).

в качестве королевского шпиона), он снова появился в Париже «инкогнито».⁸ Однако даже если это правда (а Казанова далеко не всегда был точен в датах), психологически совершенно непредставимо, чтобы в этот короткий период знаменитый авантюрист открывал карточные тайны двадцатилетней русской девице.

Следующий вопрос — отношение реальной княгини Голицыной к карточной игре. У Пушкина указаны вполне конкретные обстоятельства игры: «В то время дамы играли в фараон <...> В тот же самый вечер бабушка явилась в Версале, au jeu de la Reine» (VIII, 228, 229). У Натальи Петровны в путевых заметках немало замечаний и наблюдений, касающихся карточной игры. Однако речь идет о других городах и других играх. Первое упоминание о Версале в путевых заметках связано не с картами, а с политикой — королевским заседанием 8 мая 1788 г., на котором княгиня присутствовала (л. 72). С королевской же фамилией Наталья Петровна общалась в Фонтенбло в те периоды, когда двор переезжал туда из Версаля (а именно в октябре—ноябре 1785 г. и в октябре—ноябре 1786 г.). Что касается «jeu de la Reine», то Голицына так описывает времяпрепровождение двора в Фонтенбло: «Кавалеры, и французы, и иностранцы, а также дамы-француженки присутствуют по воскресеньям и пятницам на levé du Roi, после чего отправляются засвидетельствовать свое почтение королевской фамилии, а вечером присутствуют на jeu de la Reine, где играют в ланскнехт и куда открыт доступ каждому <...> что же касается дам-иностранок, то, поскольку этикет не позволяет им быть официально представленными, они имеют удовольствие видеть королевскую фамилию на вечерах у графини Дианы де Полиньяк и у графини д'Оссен» (л. 65 об.). Отсюда вытекают два следствия: во-первых, что на «jeu de la Reine» Наталья Петровна как иностранка не допускалась;⁹ во-вторых, что во времена Натальи Петровны при дворе был популярен не фараон (как у Пушкина), а ланскнехт.

Есть в путевых заметках и другие упоминания карт и карточной игры. Описывая светскую жизнь на водах в Спа, где она побывала в августе 1788 г., Наталья Петровна пишет: «В полдень наступает время азартных игр, и люди переходят от стола к столу, испытывая свою судьбу; здесь играют в бириби, фараон, красное и черное и крепс до половины третьего <...> для заядлых игроков есть специальное заведение, в котором игра начинается в пять часов вечера и которое называют адом, но женщины туда не ходят, поскольку общество там смешанное и низкое.

⁸ См.: *Casanova de Seingalt J. Mémoires*. Paris, 1970. Vol. 2. P. 853—856. О взаимоотношениях Казановы и Сен-Жермена, а также современную точку зрения на происхождение и судьбу Сен-Жермена см.: Там же. Т. 2. С. 1156—1157.

⁹ Впрочем, дамы, не представленные королю и королеве, имели доступ на «хоры» зала, где происходила игра, и даже могли просить тех, кто играл, делать за них ставки (см.: *Boiteau d'Ambly P. Les cartes à jouer et la cartomancie*. Paris, 1854. P. 260). Однако в записках Н. П. Голицыной описание этого — по-видимому, очень живописного — зрелища отсутствует, хотя вообще все случаи общения с королем и особенно королевой подробно зафиксированы. Таким образом, вероятнее всего, что на игре во дворце Голицына все-таки не побывала.

Во время моего пребывания в Спа графиня де Бальби и некоторые другие дамы из высшего общества бывали там, и это вызывало множество пересудов» (л. 78 об.—79). Здесь любопытна смесь неодобрения и одновременно интереса по отношению к игре (между прочим с упоминаемой в цитируемом отрывке графиней Анной-Жакобе де Бальби (1758—1842) Голицына была довольно коротко знакома — см. л. 89 об.). Эта двойственность еще очевиднее в той части путевых заметок, где речь идет о Лондоне (княгиня была в Англии с июня 1789 г. по февраль 1790 г.). Голицына пишет: «В других местах банкOMET, у которого играют в фараон, не может быть принят в приличном обществе, а здесь банк держат люди самого высокого происхождения» (л. 113); отмечает она также, что в Лондоне на игру можно приходиться в незнакомый дом, не будучи представленным хозяевам (л. 113 об.). Таким образом, определенный интерес к картам у княгини Голицыной безусловно был, но, с другой стороны, если судить по путевым заметкам, ничего в точности подобного тому, что описано Пушкиным, с Натальей Петровной во Франции не происходило.

Еще более важно расхождение путевых заметок и повести Пушкина в том, что касается атмосферы сверхъестественного, чудесного. Пушкинская «пиковая дама» получила в Париже некие таинственные, магические познания. Позволяют ли путевые заметки Голицыной сказать, что с ней произошло или хотя бы могло произойти что-либо подобное? О возможности знакомства княгини с Сен-Жерменом речь уже шла (если, конечно, разговор о таком таинственном персонаже, как Сен-Жермен, вообще допускает какие бы то ни было окончательные выводы). Но гораздо важнее то, что вся атмосфера заметок княгини Голицыной крайне далека от чего бы то ни было мистического. П. М. Бипилли писал: «„Оккультная“ сторона „Пиковой дамы“ воспринималась современниками Пушкина, должно быть, острее, чем сейчас, ибо для них были явственнее соответствующие намеки, рассеянные в повести: упоминания о Сен-Жермене. Казанове, „Месмеровом магнетизме“, „скрытом гальванизме“».¹⁰ Хотя М. П. Алексеев и показал, что упоминание гальванизма в данном случае строго научно и не содержит в себе ничего мистического,¹¹ мысль Бипилли в общем справедлива. Подобная атмосфера напряженного ожидания чудес была в самом деле крайне характерна для предреволюционного Парижа, и многие мемуаристы остро это ощущали. В качестве примера можно привести хотя бы мемуары баронессы Оберкирх,¹² которая, как и Голицына, тоже была иностранкой, принятой в высшем парижском свете и жившей в Париже в 1780-е годы. Оберкирх с неподдельным интересом на протяжении целой главы описывает различные пророчества, опыты с животным магнетизмом и проч., хотя и старательно подчеркивает при этом, что не верит во все эти новшества. В заметках же Натальи Петровны нет и следа чего-нибудь подобного; она — трезвый реалист, сфера ее интересов — быт и, как ни странно это может показаться на первый взгляд, политика.

¹⁰ Slavia. Praha, 1932. Roč. 11, seč. 1. S. 560.

¹¹ Алексеев М. П. Пушкин. Л., 1972. С. 95—99.

¹² Mémoires de la baronne d'Oberkirch. Paris, 1853. Vol. 1—2.

Голицына ощущает себя неким политическим летописцем, историком. У нее не единожды повторяется формулировка: «Я полагала своим долгом описать это поподробнее» — применительно к историческим событиям, происходившим у нее на глазах. Движимая своего рода историческим любопытством, княгиня присутствует на открытии Генеральных штатов 4—5 мая 1789 г., на празднике Федерации 14 июля 1790 г. и фиксирует все увиденное и услышанное. Свой долг летописца она видит и в том, чтобы подробно описывать — с чужих слов — те события, которые произошли во Франции в ее отсутствие, в те несколько месяцев, что она провела в Лондоне. Причем не раз она даже дает, выражаясь современным языком, ссылки на литературу вопроса: так, она не перечисляет речей, произнесенных на открытии Генеральных штатов, «поскольку все они есть» в ее библиотеке (л. 90 об.).

Наталья Петровна не только фиксирует события. Нередко она выказывает себя проникновенным наблюдателем. Вот, например, весьма скептическое описание Королевского заседания 8 мая 1788 г.: «Затем хранитель печати прочел статью королевского указа <...> затем он по обычаю приблизился к королю, дабы молучить от него приказания, и король повелел ему собрать голоса, после чего хранитель печати г-н де Ламуаньон обошел всю залу, начиная с братьев короля, принцев крови, герцогов и пэров, причем он раскланивался с каждым из них так, словно желал узнать их мнение, меж тем на самом деле все это была одна только видимость, поскольку он ни у кого ничего не спрашивал и никто ему ничего не отвечал; затем он сообщил королю, что все присутствующие согласны с этой статьей указа <...> и по поводу каждой новой статьи указа вся церемония начиналась снова» (л. 73). Или другое замечание, еще более неожиданное под пером княгини Голицыной, чья пылкая любовь к дореволюционной, королевской Франции была общеизвестна и даже служила своего рода «эмблемой» ее петербургского салона в 90-е годы XVIII в. и в начале XIX в.:¹³ «Вообще во всем, что делается во Франции, много условностей; кажется, что всякий волен говорить свободно, на самом же деле нигде не творится столько несправедливостей <...> парламент выражает иногда королю свое неодобрение, но всегда кончает тем, что соглашается со всеми его указами; свобода здесь — только видимость, только слова, а на деле все вершится весьма деспотично» (л. 69).

На фоне этих скептических замечаний особенно ясно видно, что о событиях Французской революции княгиня рассказывает не только с вполне естественным для нее неодобрением, но и с явным интересом. Парижане, всем городом принимающие участие в земляных работах на Марсовом поле, а затем отправляющиеся туда принимать присягу, — это, с точки зрения княгини Голицыной, не просто взбунтовавшаяся чернь (хотя этот аспект безусловно тоже присутствует в заметках). Княгиня не одобряет революционных мероприятий, но скрепя сердце признает за ними определенное величие. В результате мы неожиданно получаем возможность поставить ее в ряд русских аристократов, более или менее сочувственно относившихся к Французской революции, — ряд, начинающийся воспитан-

¹³ См.: *Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1891. Ч. 4. С. 138.*

ником якобинца Жильбера Ромма графом П. А. Строгановым¹⁴ и кончающийся многочисленными молодыми дворянами, чья реакция на революцию проанализирована в монографии М. М. Штранге «Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг.» (М., 1956).

Итак, путевые заметки Н. П. Голицыной подтверждают все то, что говорится о ней в мемуарах современников; в авторе этих заметок нетрудно узнать ту властную, сильную, «царственную» старуху, хранительницу исторических преданий, какой княгиня стала впоследствии; более того, к этим известным чертам прибавляются менее привычные: княгиня предстает пронзительным наблюдателем европейской политической жизни, чьи свидетельства представляют несомненный интерес для историков Французской революции. Что же касается собственно истории о трех картах, якобы открытых княгине графом Сен-Жерменом (история, которую, по словам Нащокина, Пушкин слышал от внука Натальи Петровны Владимира Дмитриевича Голицына),¹⁵ то путевые заметки хотя и не дают оснований решительно опровергнуть ее, но не дают и никакого материала для ее подтверждения. На их фоне эта история начинает сильно походить на мистификацию, хотя и трудно сказать, кто кого мистифицировал: Наталья Петровна внука, ее внук Пушкина или Пушкин Нащокина (последнее наиболее вероятно). Здесь нужно опять вернуться к Сен-Жермену. В повести Сен-Жермен — не столько реальная фигура, сколько «знак» определенной — «окультиной», фантастической — ситуации, знак, избранный в точном соответствии с описываемой эпохой.¹⁶ Однако среди исторических анекдотов о Сен-Жермене фигурируют, как правило, чудесное долголетие и умение производить опыты с драгоценными камнями, но не карты; характерно, что даже в таком историческом «пастише», построенном на обыгрывании популярных легенд и традиционных репутаций, как роман Жюль Жанена «Барнав» (1831), Сен-Жермен вводится только как рассказчик историй более чем полусторазычателней давности, но не как игрок, хотя теме игры уделяется на соседних страницах романа большое внимание.¹⁷ Возможно, что именно Пушкин первым связал имя Сен-Жермена с карточными «чудесами», хотя теперь некоторые исследователи ссылаются на это едва ли не как на историческое свидетельство.¹⁸

Подведем итоги: путевые заметки княгини Голицыной можно в силу их расхождений с «Пиковой дамой» рассматривать как еще одно, косвенное доказательство того, что здесь, как и во многих других случаях, пушкинские «источкики» носят прежде всего литературный характер, и стоит

¹⁴ См. о нем: *Николай Михайлович, вел. кн.* Граф П. А. Строганов. СПб., 1903. Т. 1—2.

¹⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 195.

¹⁶ Между прочим, оценка Сен-Жермена старой графиней — очень положительная — почти дословно воспроизводит соответствующий пассаж из воспоминаний госпожи де Жанлис, опубликованных в переводе О. М. Сомова в «Сыне отечества» за 1825 г. (Ч. 103, № 19. С. 347—355); ср.: *Genlis S.-Ph., de Mémoires*. Paris, 1825. Т. 1. P. 106—113.

¹⁷ Об отношении Пушкина к этому роману см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 392—396.

¹⁸ См.: *Lebois A.* Adresse, hazard, providence ou sorcellerie? // *Le jeu au XVIII siècle*. Aix-en-Provence, 1971. P. 124.

больше доверять свидетельствам историков литературы, указавшим немало литературных параллелей к ситуации трех волшебных карт,¹⁹ чем анекдоту о трех картах Сен-Жермена, известных княгине Голицыной.

В. А. Мильчина.

К ТОПОГРАФИИ ПОЭМЫ «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

1

Среди давно выявленных документальных свидетельств о наводнении 1824 г., которые могли послужить материалом в работе Пушкина над поэмой, широко известен зафиксированный в воспоминаниях А. В. Кочубея эпизод о некоем Яковлеве, спасавшемся от наводнения на одной из скульптур львов, установленных на крыльце дома Лобанова-Ростовского (теперь дом № 12 по Адмиралтейскому проспекту). Предполагается, что Пушкин слышал от кого-то о случае с Яковлевым и воспользовался им в работе.¹ Его Евгений в момент наводнения оказывается в «позиции» Яковлева:

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,

¹⁹ См., например: *Якубович Д. П.* Литературный фон «Пиковой дамы» // *Литературный современник*. 1935. № 1. С. 206—212; *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии*. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 74—104 (то же в кн.: *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М., 1980. С. 176—203); *Егунов А. Н.* Немецкая «Пиковая дама» // *Временник Пушкинской комиссии*. 1967—1968. Л., 1970. С. 111—115; *Шарыпкин Д. М.* Вокруг «Пиковой дамы» // *Временник Пушкинской комиссии*. 1972. Л., 1974. С. 128—138. В указанной работе В. В. Виноградова приведен, между прочим, ряд случаев «метафорического преобразования жизни словесными красками картежного языка», который можно продолжить следующим отрывком, до сих пор, кажется, не введенным в научный оборот в пушкинистике: «Сначала почел я ее трактирную хозяйку за европейскую ландкарту: надутые жилы на лбу были совершенные реки, глаза — два стеклянных завода; подобно Апеннинским горам в итальянских стихах, от одного уха к другому поднималась гора — нос, и представляла собою табак изрыгающий Везувий; рот ее был Сцилла и Харибда, подбородок — Мессинский Фарос, ее гусиная шея имела по крайней мере локоть в поперешнике, ожерелье из зерен с куриное яйцо спускалось и падало на грудь — истинное изображение двух перезревших желтых тыкв; сии покоились на масляной кадке, а эта укреплялась на двух вестфальских окочках, кои размерными шагами двигали все туловище к нам. Это был наш ангел избавитель, извлекавший нас из уличной грязи. „Не угодно ли посмотреть комнату; три рубля за ночлег. ни копейки меньше“, — повторила пиковая дама своим сирениным голоском» (*Гесс де Кальви Г. Г.* Отрывки из путевых заметок одного украинца по дороге из Санкт-Петербурга к Харькову // *Украинский вестник*. 1817. Август. С. 235—236).

¹ *Пушкин А. С.* Медный всадник / Изд. подготовил Н. В. Измайлов. Л., 1978. С. 124, 267.

Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений...

(V, 141)

Слышал ли Пушкин в действительности о «приключении» Яковлева или нет, особенного значения не имеет. Эмпиричное выявление источника в данном случае способно внести лишь незначительную долю в понимание поэмы, так как ее топография носит несомненно не случайный, а тщательно продуманный характер, она подчинена основным идеям произведения. Местоположение дома Лобанова-Ростовского позволило Пушкину ввести плодотворное для сюжета поэмы топографическое построение, при котором на одной прямой в пределах видимости оказались герой, памятник Петру I и Васильевский остров. Однако топография этого эпизода выполняет не только сюжетную функцию, но и содержит в себе определенную символику.

В минуту опасности Евгений всеми мыслями был с возлюбленной, жившей «почти у самого залива». И взгляд его был обращен в ее сторону: «Его отчаянные взоры На край один наведены». Из дальнейшего описания пути Евгения к дому Параши становится очевидным, что она жила на Васильевском острове.² С оседланного Евгением льва был виден остров (в настоящее время перспектива заслонена посаженным позднее сквером). Между Евгением и островом лежала Сенатская площадь, в центре которой посреди бушующих волн возвышался памятник Петру:

И обращен к нему спиною
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

(V, 142)

Отлитый в бронзе Петр всем своим гордым и невозмутимым видом, повелительным жестом, словно умиротворяющим стихию, вселял уверенность и надежду в душу Евгения; так, на наш взгляд, казалось, а точнее говоря, хотелось герою. И только потом, после трагедии, Евгений понял, что Петр был безучастен к его переживаниям и опасениям. Эффект противоречия между надеждами Евгения и открывшимся ему потом новым видением усиливается благодаря выбранной Пушкиным пространственной

² Б. В. Томашевский сближал топографию домика, в котором жила Параша, с пейзажем северной окраины Васильевского острова, воспроизведенным в повести «Уединенный домик на Васильевском» (Пушкинский Петербург. Л., 1949. С. 27). Но Н. В. Измайлов полагал, что вдова и дочь жили в Галерной гавани, т. е. в западной части Васильевского острова (Пушкин А. С. Медный всадник. С. 202). Типологическое сходство западной и северной окраин острова позволяет принимать обе версии; но, впрочем, в данном случае важна не столько конкретная топографическая привязка, сколько характерные особенности места: городская окраина, заселенная лачугами, близость залива.

композиции. С крыльца дома Лобанова-Ростовского Евгений видит монумент Петра со спины. Такое взаиморасположение памятника и героя позволяет «читать» сцену с двух противоположных позиций.³ С позиции Евгения в момент наводнения — Петр впереди, он противостоит стихии и за его спиной (по пословице) — «что за стеной». В буквальном положении за спиной Петра Евгений, а в переносном — весь город и его жители, в том числе и Параша, на защиту которых встал впереди Петр. Евгений ищет поддержки, и в этой символике для него брезжит слабый луч надежды. Но с противоположной точки зрения вся сцена позволяет вспомнить и другую пословицу: «Не стой к людям спиной».⁴ Петр, для которого страдания Евгения оправданы интересами государственного масштаба, Петр, который не может считаться с нуждами человеческой «единицы», этот Петр словно демонстративно отвернулся от Евгения, и на его равнодушной спине останавливался страдальческий взор героя. Не только гибели возлюбленной, но и этого равнодушия, граничащего с презрением к «малым» земли, открывшегося Евгению потом, в минуту прозрения, он не смог простить Петру.⁵

Особый оттенок всей сцене придает то обстоятельство, что Евгений изображен сидящим на льве.⁶ «На звере мраморном верхом» он смотрится

³ Тут уместно напомнить об отмеченной Н. В. Измайловым характерной для поэмы в целом «символичности общего построения (...), т. е. двуплановости конкретных образов и положений, которые при всей их реальности заключают в себе широкий и обобщающий историко-философский смысл» (*Пушкин А. С. Медный всадник*. С. 259).

⁴ *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1980. Т. 4. С. 290.

⁵ Н. В. Измайлов полагал, что Евгений «еще в первую встречу, в день наводнения, стал смотреть на Петра как на виновника бедствия — равнодушно, стоящего спиной к нему и тем самым ко всему народу» (*Пушкин А. С. Медный всадник*. С. 263). Из этого следует, что уже во время наводнения в Евгении назревает чувство протеста, приведшее потом к «бунту». Приблизительно такую же трактовку, но уже на основании более сложной — и, по нашему мнению, надуманной — символики предлагает Ю. Б. Боров: Евгений, «оседлав льва, как бы гонится вслед за Петром „на бронзовом коне“. Погоне Медного всадника за бедным безумцем предшествует „погоня“ Евгения верхом на мраморном льве за Петром. В этой точке поэмы мы имеем дело с первым подспудным толчком, с зарождением энергии восстания маленького человека» (*Боров Юрий. Искусство интерпретации и оценки: опыт прочтения «Медного всадника»*. М., 1981. С. 136). Однако приведенный довод представляется необудительным, так как никакого эффекта движения в сцене не ощущается. Евгений, скорее, скован, неподвижен. Более веской представляется точка зрения Д. Д. Благого, отмечавшего, что положение Медного всадника по отношению к герою («обращен к нему спиной») подготавливает закономерность будущего конфликта в сознании читателя, а не Евгения (*Благой Д. От Кантемира до наших дней*. М., 1979. Т. 2. С. 183). Евгению во время наводнения несомненно было не до осуждения Петра, он находился весь в предчувствии надвигающейся трагедии, в его глазах — отчаяние («Его отчаянные взоры...»), а в мыслях — мольба за возлюбленную и надежда на чудо, на ее спасение («В надежде, страхе и тоске спешит он потом на Васильевский»).

⁶ Попутно отметим, что предпринимавшаяся попытка уточнения, на каком льве сидит Евгений — правом или левом (*Шварцбанд С. У Крюкова канала // Литературная Россия*. 1974. 7 июня. С. 24), представляется не бо-

пародией на Медного всадника, и этот иронический контраст двух «всадников» подчеркивает «малость» Евгения, его слабость и незащищенность перед стихией, самовластьем и неумолимым историческим процессом, перемальвающим человеческие судьбы. И тем прекраснее, возвышеннее предстает перед нами Евгений в иную минуту — минуту «бунта».

«Бунту» предшествует возвращение героя на то же место, где находился он во время наводнения:

Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые. . .

(V, 147)

Сам факт возвращения героя к «исходной» точке подтверждает наличие и роль символики в топографии. Возвращение как раз и понадобилось для того, чтобы символика приобрела в глазах Евгения новое значение. Ожившие воспоминания проясняют уже помутившийся рассудок. Снова видит он памятник Петру со спины, но если в прошлый раз Петр виделся ему стоящим посреди бушующих волн, то теперь он видит его сидящим:

И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

(V, 147)

Образ Петра снижается в глазах героя. К тому же именно теперь Евгений обращает внимание на такие детали, как скала и ограждение памятника (вокруг монумента тогда стояла решетка), приобретающие значение символа горделивой неприступности Петра. Петр, который виделся Евгению противостоящим стихии, защищающим свой город и народ, видится теперь безучастно отгородившимся от всех. Евгений начинает понимать, что в прошлый раз обманулся, что бронзовая фигура Петра, вселившая в него пусть слабую, но все-таки надежду, была, скорее, предвестницей гибели возлюбленной. Так открываются ему и презрительное равнодушие Петра, и его виновность как основателя города в смерти Параша. Прозрение вызывает у Евгения нарастающее чувство протеста против собственной социальной «незначительности», против чисто челове-

лее как курьезной. Не убедительна и попытка того же автора объяснить выбор Пушкиным места жительства Евгения воспоминанием о Кюхельбекере. Автор опирается на указание в поэме, что комната Евгения была сдана хозяином «бедному поэту» (т. е., в рассуждении автора заметки, Кюхельбекеру, некогда жившему, как и Евгений, в Коломне). Но если слова о «бедном поэте», занявшем опустевшее жилье героя, были введены Пушкиным в поэму в ранних редакциях, то указание, что Евгений живет в Коломне, появилось только на поздней стадии работы (*Пушкин А. С. Медный всадник. С. 27—28*). Коломна (столичная окраина) введена, конечно, в первую очередь как выразительный признак бедности Евгения и его невысокого социального положения.

ской «несоизмеримости» с «державцем полумира», символом которой во время наводнения и была несоизмеримость «всадника» на льве и Медного всадника.⁷

2

В работе «Пушкин и Невское взморье» А. А. Ахматова, исследуя пушкинский отрывок 1830 г. «Когда порой воспоминанье...», пришла к выводу, что поэт обращается в нем к острову Голодай (теперь о-в Декабристов), на котором, по преданию, были похоронены пятеро казненных декабристов.⁸ С Голодаем А. А. Ахматова связала и описание того острова в «Медном всаднике», на котором находит свое последнее пристанище Евгений:

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки...

(V, 149)

Предположение А. А. Ахматовой вызвало возражение А. Тархова, отметившего, что пушкинское описание не подходит к Голодаю, «который, по существу, есть оконечность большого Васильевского острова, и увидеть его отдельно лежащим на взморье просто невозможно».⁹ Тот же исследователь склонен считать, что под «островом малым» подразумевается соседний с Голодаем Вольный остров (он, как и находившиеся рядом с ним небольшие островки, слился позднее с о-вом Декабристов¹⁰). Эту точку зрения разделяет и Н. В. Измайлов в комментарии к поэме.¹¹ Однако и после этого предположение А. А. Ахматовой в отдельных случаях безоговорочно включается в комментарий к «Медному всаднику».¹²

⁷ Топографическое совпадение «бунта» Евгения и восстания декабристов, подкрепленное рядом других сопоставлений, давно, как известно, приводило исследователей к выводам о «потаенном» смысле поэмы, будто бы изображающей восстание 14 декабря (*Пушкин А. С. Медный всадник*. С. 255—256). К подобной трактовке пришел и современный исследователь Ю. Б. Боров, считающий, что в поэме «художественно смоделировано» декабрьское восстание 1825 г. (*Боров Юрий. Искусство интерпретации и оценки...*). В рассуждениях Ю. Б. Борова большую роль среди прочего играет топография поэмы. Такая интерпретация вызвала решительные возражения, с которыми нельзя не согласиться (см.: *Фомичев С. «Медный всадник»: Интерпретации, оценки // Литература в школе*. 1982. № 5. С. 67—70; *Тимофеев Л.* Состоялась ли интерпретация науки о литературе? // Вопросы литературы. 1982. № 9. С. 236—248).

⁸ Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 226—234.

⁹ *Тархов А.* Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. 1977. № 2. С. 62—64.

¹⁰ См.: Ленинград. Историко-географический атлас. М., 1977. С. 56.

¹¹ *Пушкин А. С.* Медный всадник. С. 270.

¹² См.: *Пушкин А. С.* Медный всадник. М.: «Русский язык», 1980. С. 124 (вступит. статья С. М. Бонди; сост. и комментарий на английском

а мнение ее оппонентов не оговаривается при переиздании ее работы¹³ и вызывает возражения новейших исследователей поэмы.¹⁴ Всем этим и вызвана необходимость вновь вернуться к данному вопросу.

Не может вызвать сомнений, что Пушкину было дорого место погребения декабристов. Можно полностью согласиться с предположением А. А. Ахматовой, что с мыслями о казненных он бывал на Голодае; следует с вниманием прислушаться и к заключениям Г. А. Невелева, считающего, что Пушкин знал место их погребения и дал его «топографическое точное описание» в «Уединенном домике на Васильевском»;¹⁵ но все же приходится признать, что для отождествления «острова малого» с Голодаем аргументированных оснований нет.¹⁶

языке П. К. Боголепова); То же. М., 1984. С. 122 (с комментарием на польском языке).

¹³ *Ахматова А. А.* О Пушкине. Статьи и заметки. 2-е изд., дополн. Горький, 1984; *Ахматова Анна.* Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2.

¹⁴ А. А. Ахматова только ограничилась указанием, что эпизод поэмы относится к Голодаю. Подробно рассматривая и развивая эту мысль, Ю. Б. Боров приходит к выводу: «Измайлов уточняет, что у Пушкина в поэме речь идет вовсе не об острове Голодай, а о другом, совершенно пустынном, близ него расположенном острове. Однако это не снимает расуждений А. Ахматовой. Ведь при поэтической зашифровке проблематики этой поэмы Пушкин создает не реальное подобие жизни, а ее концептуальную модель. Поэтому автору важно сближение фактов и явлений, а не их прямая фиксация. Учитывая прохождение через цензуру, автору важно, чтобы остров был узнаваем и неузнаваем. В силу этого все концептуальные идеи, содержащиеся в суждениях А. Ахматовой, вполне „работают“. Мощная художественная интуиция Ахматовой вернее логических суждений Измайлова схватывает суть ситуации, и аргументация поэтессы звучит убедительно» (*Боров Юрий.* Искусство интерпретации и оценки... С. 158—159; см. также с. 341). В своем исследовании Ю. Б. Боров выявляет «цель отождествлений» «бунта» Евгения с пушкинским восприятием восстания декабристов, так что попытка сближения места погребения декабристов и Евгения «работает» прежде всего на его концепцию (см. выше, примеч. 7). Если принять суждение Ю. Б. Борова, что Пушкин из цензурных соображений вынужден был маскировать остров, делать его «полуузнаваемым», то придется признать, что Пушкин перестарался и сделал его совсем неузнаваемым (надо полагать, что, преследуя подобную цель, поэт нашел бы более выразительные средства и не стал бы ни уменьшать размеры Голодая, ни отодвигать его куда-то в море и т. д.). Любопытно, что Ю. Б. Боров, признавая вслед за А. А. Ахматовой близость описаний острова в «Медном всаднике» и Голодаю в повести «Уединенный домик на Васильевском» (записанной со слов Пушкина В. П. Титовым), не замечает, по-видимому, что автор повести не воспринимает Голодаю как отдельный остров, говоря о нем (и в названии и в тексте) как о части Васильевского (хотя, судя по маршруту, описывает скорее всего Голодаю). Некоторые основания для сопоставления пейзажа в повести с островом в поэме дает только замечательно подмеченная А. А. Ахматовой интонация автора повести, описывающего «печальность сих пустынных мест».

¹⁵ *Невелев Г. А.* «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 132—144.

¹⁶ Возражая А. Тархову и Н. В. Измайлову, Г. А. Невелев пишет, что они «формально, безусловно, правы, и их возражения А. А. Ахматовой справедливы. Голодай действительно отделен от Васильевского острова лишь небольшой речкой и на карте практически сливается с основным массивом острова, превращаясь в его северную оконечность. Но Голодай —

В пользу доводов А. Тархова и Н. В. Измайлова свидетельствует подробный план Голодая, выполненный в 1828 г.¹⁷ Знакомство с ним позволяет убедиться, как мало похож Голодай на «остров малый». Во-первых, Голодай трудно счесть удобным и притягательным для воскресных прогулок чиновников (а уж тем более мечтателей, как первоначально было сказано у Пушкина) — большая его часть была занята огородами (Н. В. Измайлов ошибочно считал остров лесистым). «Пустыньность» Голодая также была относительной — вдоль речки Смоленки (тогда Черной речки) стояли избы «чухонской слободки», на острове работали канатная фабрика и чугунный завод, а невдалеке от места соединения Черной речки с Малой Невой находились «винный городок» и здание, принадлежавшее Академии художеств. Пустовала северо-западная оконечность острова, в основном, по-видимому, заболоченная; большая же часть Голодая, как уже говорилось, представляла собой равнину, занятую огородами.

Нельзя обойти вниманием и внешне незначительное, но примечательное для наших рассуждений указание Пушкина на то, что «домишко ветхий» Параша, занесенный наводнением на «остров малый», «весною свезли на барке». Эта деталь косвенно подтверждает, что поэт имел в виду какой-то остров, находившийся «на взморье», в стороне от больших населенных островов, т. е. не Голодай, для которого понадобилась бы скорее подвода, а не барка.

Предположение А. Тархова, что в эпилоге поэмы описан один из существовавших тогда вблизи Голодая небольших островков, звучит убедительно, так как их размеры, местоположение, позволявшее видеть их «на взморье», безлюдность не противоречат пушкинскому описанию.¹⁸

Недавно появилось сообщение о существовавшей уже в 1930-х годах устной городской легенде, связывающей эпилог «Медного всадника» с островом Белым, находящимся в южной части акватории Невской губы.¹⁹ Эта версия равнозначна предположению А. Тархова.²⁰

Однако увлекаться буквальным отождествлением «острова малого» с каким-то из островков невской дельты, по-видимому, не следует.

возвышенность, вдавшаяся „длинною косою в сонные воды залива“, с низким заболоченным берегом, составлявшим взморье, и при взгляде с залива, со стороны Петровского острова, он, будучи резко отделенным речкой от остальной части Васильевского острова, выглядит небольшим пустынным островком» (*Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»*. С. 134). В действительности «при взгляде с залива» ни с Петровского, ни с Крестовского островов речка, отделяющая Голодай от Васильевского, совершенно не видна.

¹⁷ Подробный план столичного города Санктпетербурга, снятый по масштабу 1 : 42 000 под началом ген.-майора Шуберга. СПб., 1828.

¹⁸ По версии А. Чернова, заятого уточнением места захоронения декабристов, могила казненных находится на территории бывшего острова Гоноропуло (входил в группу островков вблизи о. Вольного и в настоящее время слит с о. Декабристов). С этим островом Чернов соотносит строки эпилога «Медного всадника» (*Чернов Андрей*. 1) «Стремлюсь привычно мечтою...» // *Огонек*. 1987. № 23. Июнь. С. 14—16; 2) «Два чувства» // Там же. № 35. Август. С. 9—10).

¹⁹ См.: *Крутов А.* Снова об «острове малом» // *Смена*. 1987. 26 июня.

²⁰ Иначе думает А. Крутов, отстаивающий версию об о. Белом ссылками на данные гидрологии. Возражения ему см.: *Шубин В.* Ненужные споры // *Смена*. 1987. 6 августа.

Д. Д. Благой, рассматривая композицию «Медного всадника», обратил внимание на «гармоническую переключку начала поэмы с ее концом».²¹ Интересное суждение на этот же счет встречаем и у М. В. Алпатова: в эпилоге поэмы «может быть <...> сказалось смутное воспоминание о том острове Голодае, на котором были погребены казненные декабристы. Но в пределах поэмы образ места вечного успокоения Евгения среди идиллически мирной водной стихии контрастно соответствует первой картине с Петром на берегу широкой и быстрой реки. Недаром здесь вновь появляется тот же персонаж — бедный рыбак, гений этих мест».²²

«Смутное воспоминание» о месте захоронения декабристов — это непродуманные ассоциации, создававшие своего рода эмоциональный фон эпилога, но едва ли имевшие в нем решающее значение. В композиции «Медного всадника» эпилог вступает в переключку со вступлением, и «остров малый», унылый и пустой, с рыбаками, варящими скудный ужин, представляется тем уголком земли, который обойден петровской цивилизацией. Он словно не имеет никакого отношения к «юному граду, полночных стран красе и диву», которым любитесь Пушкин, но который стал чужд и враждебен Евгению. Герой умирает, находит вечное успокоение не в городе Петра, где слышит за собой «тяжело-звонкое скаканье» основателя и хозяина столицы, а на клочке «допетровской» земли, на «острове малом», образ которого был подсказан поэту тем или иным из небольших приневских островков.

В. Ф. Шубин

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЛКОВОДЕЦ»

Первая редакция стихотворения «Полководец» относится к апрелю 1835 г., появление в печати в третьем томе «Современника» — к сентябрю 1836 г., а последний найденный автограф из альбома великой княгини Елены Павловны датируется концом 1836—началом 1837 г. Публикация стихотворения вызвала тотчас противоречивую реакцию. С одной стороны, это приветственные рецензии и отзывы как единомышленников Пушкина — Н. В. Гоголя, А. И. Тургенева, так и его противников — Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча. С другой стороны, это критические высказывания и даже полемическая брошюра Л. И. Голенищева-Кутузова.¹ На возражения последнего Пушкин откликнулся подробным «Объяснением», таким образом, вопреки своим правилам, непосредственно вступив в спор. Существовавшая полемика стало предметом как тогдашнего, так и позднейшего

²¹ Благой Д. От Кантемира до наших дней. Т. 2. С. 192.

²² Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства. М., 1967. Т. 2. С. 67.

¹ См.: Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Л., 1939. Т. 4—5. С. 125—164. В этой работе впервые были обобщены и проанализированы все отклики на стихотворение.

разбирательства в ряде статей дореволюционных и современных исследователей данного стихотворения.

Добросовестная работа Г. М. Коки подвела в основном итог долголетним разноречивым суждениям по поводу пушкинской оценки Барклай де Толли. Исследователь писал: «В „Полководец“ Пушкин прославляет не военные заслуги Барклая и правильность его стратегической линии — все это полагается несомненным и не требующим доказательств, — но его нравственный подвиг».²

Другой вопрос, который решали исследователи стихотворения, — о причинах, побудивших Пушкина исключить из текста четыре стиха, сопоставлявших воинские судьбы Барклая и Кутузова (они следовали за восклицанием «Вотще!»):

Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. — А ты, непризнанный, забытый
Виновик торжества, почил — и в смертный час
С презреньем, может быть, вспоминал о нас!

(III, 379)

Одни, начиная с Н. О. Лернера, считали, что это было сделано поэтом по цензурным соображениям, другие, следуя за Ю. Н. Тыняновым, видели причину в соображениях художественной целесообразности.

Находка И. Т. Трофимовым в ноябре 1969 г. автографа стихотворения в альбоме великой княгини Елены Павловны вызвала полемику и по вопросу о том, какой текст — опубликованный в «Современнике» или альбомный — следует считать последней авторской волей. Сам И. Т. Трофимов полагает, что найденный автограф является последней волей поэта и что печатать стихотворение необходимо по нему.³ Н. Н. Петрунина, первой рассмотревшая с научной точки зрения альбомный автограф, убеждена, что считать его отменяющим печатный текст нельзя.⁴

Таким образом, сложились две точки зрения по важнейшему вопросу: что же считать последней волей автора в отношении стихотворения «Полководец» и каким образом, следовательно, его печатать, или, иначе говоря, можно ли признать альбомный текст дефинитивным, отменяющим печатный?

Для того чтобы решить этот вопрос, надо ответить предварительно на два других: какую нагрузку несет в себе пропущенный отрывок в контексте пушкинского замысла стихотворения и по каким причинам поэт исключил его из печатного текста?

Думается, что глубинный смысл стихотворения оказался затемненным давним спором об оценке Пушкиным заслуг Барклая. Даже установление того факта, что апология полководца была на руку официальной николаев-

² Кока Г. М. Пушкин о полководцах двенадцатого года // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 34.

³ Трофимов И. 1) Автограф А. С. Пушкина // Советские архивы. 1970. № 3. С. 112—114; 2) «Полководец» // Прометей. М., 1975. Т. 10. С. 186—200.

⁴ Петрунина Н. Н. 1) Новый автограф «Полководца» // Временник Пушкинской комиссии. 1970. Л., 1972. С. 14—23; 2) «Полководец» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 278—305. В последней работе Н. Н. Петруниной суммируются все мнения и споры вокруг «Полководца» и впервые стихотворение анализируется во всей его многогранности.

ской историографии и Пушкину не приходилось, следовательно, вставать в противоборствующую позицию, не разрешает тем не менее недоумений в отношении нескольких строк в стихотворении. На одну из них прежде всего обратил внимание еще Л. И. Голенищев-Кутузов. Например, он пишет: «„Народ, таинственно спасаемый тобою“. Сей стих для меня совершенно непонятен. Многие военные писатели, на разных языках и преданные Наполеону, признали, что до взятия и после взятия Смоленска он сделал важные ошибки и что, ежели бы остался в Смоленске, последствия могли быть совсем другие. По мнению поэта, что воспеваемый им полководец своими действиями спас Россию: должно полагать, что он предвидел и знал все ошибки, которые сделает Наполеон в войне против России. За год вперед предвидеть ошибки Наполеона, не в делах политических, не по внутреннему управлению, а именно ошибки его по военному искусству, и в таких действиях, которые еще не начаты!!!».⁵

В первом черновом варианте 41-й стих читался иначе: «Бессмысленный народ, спасаемый тобою» (III, 959). К этому варианту и вернулся Пушкин в альбомной записи. «Причина этого исправления, — пишет Н. Н. Петрунина, — в желании избежать формулы „бессмысленный народ“ (где «бессмысленный» равно: «непосвященный»), привычного словосочетания стихотворений о поэте и толпе, которую в середине 1830-х годов Пушкин не мог не воспринимать как самоповторение. В процессе переработки стиха поэт нашел вариант, более глубоко характеризовавший реальную ситуацию 1812 г. и в то же время более сильный эвфонически».⁶

И все же, несмотря на логичность, это объяснение не вполне раскрывает суть стиха. При всей поверхностности суждений Л. И. Голенищев-Кутузов высказывает трезвую мысль по поводу 41-й строки. Он пишет: «Подобною способностью к предвидению, к проницательности, кажется, никто не был одарен».⁷

Недоумение вызвало в свое время также и применение Пушкиным к Барклаю эпитета «спасающий», да еще «таинственно». Как писал Л. И. Голенищев-Кутузов: «По всем на отечественном и на французском языке описаниям кампании 1812 года, кажется, нет причины к заключению, что Россия избавлена от нашествия или, как говорят, спасена действиями армии до взятия Смоленска, а разве, может быть, действиями после оставления Москвы и ошибками Наполеона».

После кончины князя Голенищева-Кутузова многие разного рода писатели, и в прозе и в стихах, называли его избавителем России».⁸

Конечно, создавая поэтический образ полководца, Пушкин отвлекается от конкретности и может использовать возвышенные определения вроде «священной седины», но дело представляется не только в этом. Ведь все десять стихов от слов «О вождь несчастливый!» до стиха «В угоду им тебя лукаво порицал...» явно выбиваются из общего строя стихотворения. Многоточие отделяет эти строки от последующих, создает паузу, закреп-

⁵ Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина. С. 156—157.

⁶ Петрунина Н. Н. Новый автограф «Полководца». С. 22—23.

⁷ Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина. С. 157.

⁸ Там же. С. 158.

ляет впечатление. Лекеика в этом отрывке восходит несомненно к кругу христианских мотивов и образов, которыми в конце 1820-х—начале 1830-х годов Пушкин пользуется довольно часто. Как писал Н. В. Измайлов, «в последние годы жизни Пушкин нередко обращался к мотивам и образам, связанным с религиозными представлениями, и обращался к ним не только как к художественным фикциям, к элементам поэзии, но и видя в них воплощения известных моральных требований и истин, соответствующих его эстетическим воззрениям».⁹

Не случайно, что непосредственный толчок к созданию стихотворения дали впечатления пасхальной воскресной заутрени 7 апреля 1835 г. в Зимнем дворце. Этот факт отметили еще В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский: «В ожидании службы или приема в Георгиевском тронном зале Пушкин находился среди других посетителей дворца именно в Военной галерее».¹⁰

Впервые более глубокую, смысловую связь этого дня со стихотворением отметила Н. Н. Петрунина: «Давние мысли поэта обретали новую форму и получали неожиданную перспективу на фоне пасхального богослужения...».¹¹ Подпись под стихотворением подтверждает это: «7 апреля 1835. Светлое воскресенье. СПб. Мятель и мороз».

Не раз до этой даты Пушкин бывал в Военной галерее. И в самом тексте «Полководца» (в словах «Всегда остановлюсь») мы встречаем подтверждение многократности посещения этого памятника 1812 года. Но несомненно, что именно 7 апреля дало некое разрешительное впечатление, ставшее стимулом к созданию стихотворения.

Нравственные уроки твердости, убеждения, готовности идти до конца, стойчески перенося гонения и непонимание толпы, извлеченные из Евангелия, определили еще один план стихотворения. При ощущении этого плана сами собою отпадают недоумения, возникшие еще после первой публикации «Полководца», в отношении таких выражений, как «тайноспасаемый», «священная глава» («священная седина») и других. В Евангелии же, читаемом во время церковной службы, рассказывается о народе, который, «ругаясь и смеясь», преследовал Христа, и именно эти слова использует Пушкин, говоря о «бессмысленном народе». В черновом варианте встречаем: «Ты шел — и лаяла толпа вокруг тебя» (III, 959). То же самое можно сказать и о стихе: «Все в жертву ты принес земле тебе чужой» (III, 379), вызвавшим особенно недоуменный отпор Голенищеву-Кутузову. Без ощущения указанного плана стихотворения, выявляющего его внутренний смысл, оно безусловно не укладывается в прокрустово ложе плоскостного, буквального понимания пушкинских выражений. За стихами о «принесенной жертве» и «тайноспасаемом» народе явственно слышатся слова пасхального тропаря, многократно повторяемого на службе «светлого воскресения», как это было и 7 апреля 1835 г.: «Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Сопоставление двух планов — реального Барклая и евангельского Христа — определяет степень поэтической гиперболизации первого.

⁹ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 250.

¹⁰ Мануйлов В. А., Модзалевский Л. Б. «Полководец» Пушкина. С. 140.

¹¹ Петрунина Н. Н. «Полководец». С. 288.

В стихотворении последовательно прослеживается еще один план, не отмеченный ранее, который определен прежде всего философией стоиков, предшествовавшей идеям раннего христианства. Не случайно Пушкин подчеркивает именно «стоический» характер своего героя в известном письме к Н. И. Гречу от 13 октября 1836 г.: «Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства; но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения» (XVI, 164).

В черновых набросках стихотворения создается образ угрюмого и мудрого старца, соответствующий философии стоиков, проповедовавших идеал мудрости, верящей в свое предназначение, свой рок. Послушный ему, мудрец обретает спокойствие, тщетное волнение об успехе чуждо его душе. Сохранив суть образа стойка, сами слова «старик», «старец» Пушкин все же снимает, заменив их выражением «устарелый вождь», которое более соответствует реальной личности Барклая. Именно вера в рок, свойственная стоикам, проявляется и в словах «таинственно спасаемый». Вера в предназначение сочеталась у стоиков с высшей идеей «долгостояния». Исправление Пушкиным слов:

И на полу-пути другому наконец
Был должен уступить...

на

И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить...

(III, 960, 379)

можно объяснить не только желанием устранить упоминание Кутузова в роли «преемника», но и художественно укрепить позицию стоицизма Барклая.

Наконец, мотив «желанной смерти», звучащий в стихотворении, также присущ идеологии так называемой древней стои, основатели которой Зенон из Китиона и Клеанф из Асса, по преданию, покончили с собой. Только смерть может вырвать запутавшегося из неразумного хаоса жизни, в котором он не может обрести независимость, и таким образом приобщить его к идеально мыслимому, разумному целому. Реальная биография Барклая де Толли давала, как известно, основания для такого сближения. В Бородинском бою он бросался в самую гущу схватки, под ним было убито пять лошадей, но пули пощадили его.

Стихотворение «Полководец» по своему смыслу, теме и образности примыкает к целому ряду стихотворных произведений, созданных Пушкиным в 1830-е годы. Это касается прежде всего стихотворения «Странник» и последнего, «каменноостровского» цикла, созданного поэтом в 1836 г., особенно таких его составляющих, как «Мирская власть» и «Из Пиндемонти», где речь идет о выдающейся личности, ее отношениях с окружающей средой.

В «Полководце» можно выделить как бы несколько планов.

Первый — самый внешний, отталкивающийся от непосредственного впечатления, от созерцания Военной галереи и портрета Барклая, представленного в ней.

Второй — создающий нравственный фон, осмысленный через ассоциацию с крестным путем Христа.

Третий — связанный с двумя предыдущими и формирующий образ мудреца-стойка.

Четвертый отвечает глубоким размышлениям поэта о творце и замечательной личности вообще в ее столкновении с «толпой».

Барклай де Толли и Кутузов в 1812 г. — тема особая с точки зрения художественной. С иной позиции — военной, их вклада в исход войны — вопрос понятный и не требующий никаких объяснений. Пушкин первым публично поднял нравственную сторону этой темы. Правда, чуть позже С. А. Маркевич в «Энциклопедическом лексиконе» писал о Барклае: «Услуги, оказанные им отечеству, делают память его священной для каждого россиянина. Но несправедливость современников часто бывает уделом людей великих. Не многие испытали эту истину в такой степени, как Барклай де Толли».¹² Эта статья Пушкину не могла быть известна к тому времени, когда вышло в свет стихотворение, посвященное Барклаю де Толли. Безусловно и то, что статья С. А. Маркевича, сухо констатирующая факты и вызвавшая интерес весьма узкого круга читателей, не могла идти ни в какое сравнение с произведением Пушкина. Возможно, что и сам Пушкин, увлеченный поэтической стороной проблемы, не вполне учел тот общественный резонанс, который может вызвать подобное сопоставление Кутузова и Барклая де Толли. Потому-то, вероятно, Пушкин активно вступает в полемику. То, что поэт никак не хотел умалить заслуг М. И. Кутузова как главнокомандующего русской армией, одержавшей победу над французской, — факт, никогда не подвергавшийся сомнению. Мало того, Пушкин писал: «Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую он так чудно оправдал» (XII, 133).

В известном стихотворении «Художнику» поэт определил место каждого из полководцев в борьбе против наполеоновской армии: «Здесь начинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов» (III, 416). В этой строке, написанной уже после «Полководца», Пушкин как бы подводит итог спору, возникшему в октябре 1836 г.

Барклай де Толли «зачал» стратегию ведения войны, нацеленную на изнурение противника и последующий его разгром в генеральном сражении, и у историков нет оснований сомневаться в том, что все произошло бы именно так, как он наметил. Но Барклай, не пользовавшийся полным доверием в армии и смененный Кутузовым, не смог довести до конца свой план. Верный стоически понимаемому чувству долга, он покоряется своей участи. Кутузов же, оценив обстановку и совершенно согласный со своим предшественником, поступает точно так же: армия продолжает отступать, но у него было преимущество — ему верили. Для первого полководца, медленно шедшего к вершине своего пути, — это было крушение. Вот этот-то психологический конфликт Кутузов — Барклай был поэтически осознан Пушкиным.

Однажды эта тема — трагедия полководца — уже прозвучала в стихах Пушкина, не включенных в окончательный текст. Они примыкают к XXXIV строфе шестой главы «Евгения Онегина» (где речь идет о Лен-

¹² Кока Г. М. Пушкин о полководцах двенадцатого года. С. 22.

ском, убитом на дуэли). Исключенные строки были посвящены графу П. А. Строганову, в чине генерал-лейтенанта командовавшему армией в битве под Краоном 23 февраля 1814 г., когда французской армией предводительствовал сам Наполеон. Многие годы «русский якобинец» П. А. Строганов лелеял мечту о непосредственном столкновении с французским императором на поле брани. Наконец, это произошло, план сражения был составлен П. А. Строгановым, но случай лишил его лавров победителя. В этом сражении погиб единственный сын генерала Александр Строганов — ядром ему оторвало голову. Отец был вынужден уступить командование сражением, исход которого был уже предрешен, графу М. С. Воронцову. Пушкин пишет:

И предал славе ты чужой
Успех, ободренный тобой.

(VI, 412)

Сравним в «Полководце»:

Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей.

(III, 379)

В этом сопоставлении представляет интерес и тот факт, что в обоих случаях поднималась тема о месте поэта в обществе через систему как бы посторонних образов, в размышлении о том, что мог бы совершить герой, если бы он не погиб. В одном случае физически (Строганов—Левский), в другом для памяти истории (Барклай) не состоялся победитель, погиб творец.

В плане военном Кутузов несомненно был единомышленником Барклая, согласным с его стратегией ведения войны, продолжившим и развившим эту стратегию. В плане же столкновения их судеб они — соперники. Один, лишенный доверия народа, не может исполнить свои великие замыслы, другой, облеченный им, исполняет эти планы вопреки тому, что эти замыслы так и остались чуждыми, непонятными большинству. Гений, герой оказывается непризнанным (речь идет не об официальном признании, которое игнорирует Пушкин, — кресты, ордена, ленты). Он не признан народом, и именно тогда, когда это необходимо, — в 1812 г. Пушкин писал: «Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, во кем и когда?.. Конечно, не народом и не в 1812 году» (XII, 133).

Эта ситуация и оказывается благодатной почвой для создания образа непризнанной великой личности, stoически переносящей сложившееся соотношение сил. Образ «соперника» необходим в данном варианте Пушкину как антипод, при отсутствии которого поставленная художественная задача разрешается не в полную силу. Образуется своеобразный треугольник: непризнанная возвышенная личность — ее соперник — «толпа».

«Тема исторической трагедии Барклая, — пишет Н. Н. Петрунина об опущенных стихах, — оттенялась и снижалась в них темой личной обиды на „преемника“, что бросало тень на его stoический характер».¹³

¹³ Петрунина Н. Н. Новый автограф «Полководца». С. 21.

В альбомной же записи Пушкин заменяет слово «преемник» словом «соперник».

Вторая замена в том же исключенном фрагменте определения «непризнанный» определением «оставленный» объясняется тем, что утверждение о непризнании заслуг Барклая не вполне соответствует истине.

Произведенные исправления свидетельствуют лишний раз о том, что запись в альбоме производится уже после появления стихотворения в печати. Именно эти мысли, которые даже при исключении данного фрагмента прозвучали в стихотворении, подверглись нападкам Л. И. Голенищева-Кутузова. Нежелание быть превратно понятым заставляет Пушкина произвести замену.

Н. Н. Петрунина подвергает сомнению тот факт, что такая замена является «результатом сознательной работы над текстом». В свете всего вышеизложенного можно и не согласиться с данным утверждением. Зато заслуживает внимания следующее высказывание исследователя в отношении двух впервые возникших в альбомном тексте вариантов: «Скорее в них выявился и вышел на поверхность внутренний смысл стихов».¹⁴ Это положение можно распространить и на все произведенные Пушкиным переработки.

В альбомном варианте произведенные поправки нагляднее выявляют внутреннюю схему произведения: полководец, «соперник» и «бессмысленный народ». Что же нового добавляют само включение пропущенных строк и произведенная поэтом правка? Они выявляют еще один, без этого не ощутимый, а для автора несомненно важный план. Перед нами творец (неважно, полководец он, поэт, художник — в данном случае полководец), соперник, похищающий его труд, и «дикая чернь». Тема Мопарта и Сальери, гения и обыкновенного человека в их столкновении разрешается на этот раз в новом аспекте.

Анализируя ситуацию, в которой создавалось стихотворение, мы никак не можем отказать Пушкину в том, что он прекрасно ориентировался в ней и мог ожидать как отрицательной, так и положительной реакции на свое стихотворение.

При той тенденции, которая тогда складывалась в официальных кругах относительно вклада Кутузова и Барклая в победу в войне 1812 г. и которой Пушкин не мог не ощущать, он вовсе не хотел выступать с позиции правительства. Об этом явно говорит и реакция Пушкина на восторженные отклики Булгарина и Греча по поводу стихотворения. И хотя, как нам теперь совершенно ясно, поэт не преследовал цели оценить военные заслуги обоих полководцев, он предпочел лишиться внутренне важных для него строк в стихотворении, только бы не быть понятым превратно, а также не сыграть на руку официальной версии, создаваемой к предстоящему 25-летию юбилею Отечественной войны 1812 г.

Можно заметить, что указанная тенденция не вполне еще утвердилась, если председатель цензурного комитета М. А. Дондуков-Корсаков отмечает: «...стихотворение „Полководец“ заключает в себе некоторые мысли о главнокомандующем российскими войсками в 1812 г. Барклае де Толли, выраженные в таком виде, что комитет почел себя не вправе до-

¹⁴ Там же. С. 23.

пустить их к напечатанию без разрешения высшего начальства».¹⁵ Только С. С. Уваров, как министр просвещения причастный к рождению новой тенденции в оценке событий 1812 г., понимал в полной мере, что стихотворение Пушкина не противоречит официальной позиции, и разрешил печатать его без изменений.

Но основное изменение — исключение строк о конфликте между Кутузовым и Барклайем — уже было произведено самим поэтом. Оставление их способствовало бы тогда подкреплению официальной версии. Таким образом, это изменение в стихотворении следует признать вынужденным сложившейся ситуацией, а не совершенным по соображениям художественного порядка. Фрагмент, обозначенный двумя строками отточий, несомненно важен для понимания внутреннего смысла стихотворения в целом.

Безусловно, что, решившись подвергнуть рукопись автоцензуре, Пушкин старается добиться наибольшего возможного художественного эффекта. В том же отрывке, отсутствующем в печатном тексте, Пушкин в альбомном варианте, как мы помним, делает исправления именно в опущенных ранее стихах, заменив слово «преемник» словом «соперник». Это исправление никак нельзя признать случайным или объяснить инерцией памяти, так как ни в одной прежней редакции стихотворения этого варианта нет. Он вводится впервые в текст «Полководца», а это значит, что поэт не просто переписывает стихотворение, а продолжает над ним работу.

Попробуем рассудить следующим образом. Если Пушкин решил из соображений только художественного порядка исключить стихи, сопоставляющие судьбу Кутузова и Барклая, и закрепил это публикацией, то для чего же тогда возвращаться к ним снова? Если бы дело заключалось в интересе хозяйки альбома великой княгини Елены Павловны к опущенным стихам, то Пушкин вполне мог бы записать ей уже сложившиеся ранее стихи и этим ограничиться. Тот факт, что Пушкин исправляет в альбомном тексте определение «непризнанный» на «оставленный», свидетельствует о продолжении работы над отделкой стихотворения уже после публикации и полемики, возникшей по ее поводу. Ведь именно мотив непризнания, явственно звучащий в стихотворении, вызвал отрицательно-недоуменную реакцию. Чтобы устранить двусмысленность или неправильное понимание своей позиции по этому вопросу, Пушкин и возвращается к варианту черновика. Читать данную поправку случайной также, на наш взгляд, нет оснований.

Можно сделать и другой вывод: восстановление пропущенного отрывка было для Пушкина принципиально важным, в то время как возвращение к допечатной редакции 48—49-го стихов такого значения не имело, так как они сложились окончательно. Между прочим, и изменения в том и другом случаях произведены были на разных этапах работы. Если начало работы по исключению отрывка мы видим еще в перебеленном автографе, то изменение этих двух стихов происходит только на последней, завершающей стадии, отраженной лишь в печатном тексте.

Представляется, что текст стихотворения «Полководец» впредь надо печатать по новонайденному автографу, отразившему последнюю стадию

¹⁵ Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., [1915]. С. 15.

работы Пушкина над произведением, включая в основной его корпус опущенные в печати стихи, а также с исправлениями, зафиксированными альбомным вариантом.

В. П. Старк

ВОКРУГ ОДНОЙ СТАТЬИ ПУШКИНА

В публицистическом наследии Пушкина имеется статья, хорошо известная как пушкинистам, так и исследователям русско-французских связей 1820—1830-х годов. Это отклик поэта на речь М. Е. Лобанова — «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», опубликованный в № 3 «Современника» за 1836 г. Обычно исследователи, обращаясь к отзыву, совершенно справедливо отмечают стремление поэта отградить как русскую литературу, так и французских романтиков, на которых обрушился Лобанов, от крайне официозных, охранительно-реакционных нападок уваровской цензуры. Однако обнаруженные в Ленинградском отделении Архива АН СССР документы (ф. 8, Российская академия) позволяют ввести в научный оборот новые данные по этому вопросу. Но обратимся к истории.

18 января 1836 г. в Российской академии состоялось торжественное заседание. Обычно академию посещало не более 10—12 человек, в тот же день присутствовала почти половина ее членов — 29 человек. Среди них и родственник императора — принц Ольденбургский.¹ Открыл заседание неприменный секретарь академии Д. И. Языков, прочитавший присутствующим сообщение об истории создания академии, основных направлениях деятельности «Русского Парнаса» вплоть до 1830-х годов. О «Жизнеописании И. И. Лепехина» сделал сообщение В. А. Поленов. Затем были прочитаны воспоминания А. С. Шишкова о Н. М. Карамзине. Прочитал свои стихи П. А. Ширинский-Шихматов.² Наконец, с пространным «Мнением» о современном состоянии русской литературы, о «пагубном» влиянии на нее французской литературы познакомил присутствующих М. Е. Лобанов. Его речь изобилвала нападками на современную французскую литературу, содержавшую лишь «отвратительные зрелища» и бывшую, по мнению оратора, «услужливой переписчицей грязных страстей черни».³ Именно в произведениях представителей романтической школы чудились Лобанову яacobинские ужасы — «зародыши безнравия, безверия <...>, заблуждений или преступлений».⁴ Особенно порицался Бальзак, сочинявший «непристойные и бесчеловечные романы», а также Гюго, создавший «гнуснейшую из драм» — «Лукрецию Борджия», запрещенную в России.

¹ Архив АН СССР, ф. 8, оп. 1, № 41, л. 13—16.

² См.: Заседание, бывшее в имп. Российской академии 18 января 1836 г. СПб., 1836.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 19.

Произведения именно этих писателей срослись с «ужасами революции», которые и несет в своих недрах романтизм.⁵

«Мнение» было направлено и против русских почитателей этого направления, против переводчиков, работающих над изданиями французских авторов. При этом особая роль в ограничении «вредного влияния» отводилась цензуре. Академии предлагалось взять на себя обязанности цензуры при разборе представляемых сочинений, отказаться от публикации французских авторов в академической типографии и, главное, «сосредоточить свою деятельность лишь на чистоте языка».⁶

Обращение Лобанова к академии с требованием усилить цензуру, а также особое упоминание в речи о Бальзаке, имя которого открывало список представителей «эфемерной словесности Франции», не было случайным. В середине июля 1835 г. писательница А. В. Зражевская обратилась в Российскую академию с просьбой о напечатании в академической типографии своего перевода повести О. Бальзака «Луи Ламбер». Д. И. Языков, выполнявший также и обязанности управляющего типографией, представил прошение писательницы на одном из академических заседаний, и разрешение было получено. Однако при последовавшей подготовке к изданию выяснилось, что Зражевская не исправила в книге некоторые места своего предисловия, которые были указаны цензурой. Из-за этого конфликта возникла почти полугодовая переписка между Российской академией и Санкт-Петербургским цензурным комитетом.⁷ Николаевской цензуре показались слишком смелыми мысли переводчицы о французских романтиках, в частности восторженное отношение к повести, «написанной волшебным пером» знаменитого писателя.⁸ Только с помощью президента А. С. Шишкова удалось уладить это недоразумение. С уже «приглаженным» предисловием «Луи Ламбер» вышел в свет только в середине декабря 1835 г.

В истории «благонамеренной» Российской академии подобных столкновений с цензурой раньше не случалось. Необходимо было как-то выйти из этого щекотливого положения. Этой цели и послужило «Мнение» Лобанова.

История с изданием «Луи Ламбера» получила широкую известность. Без сомнения, знал о ней и Пушкин. В начале 1836 г. поэт сам переживал известные трудности в связи с попыткой получить разрешение на издание «Современника». Поэтому он не мог не откликнуться на выступление Лобанова. С «Мнением» поэт познакомился, прочитав брошюру «Заседание, бывшее в императорской Российской академии 18 января 1836 г.». На заседании 18 января поэт, вопреки утвердившемуся мнению, не присутствовал, хотя и был в Петербурге.⁹ Знаменитое академическое собрание стало

⁵ Там же. С. 22, 23.

⁶ Там же. С. 26, 27.

⁷ Архив АН СССР, ф. 8, оп. 3, 1835 г., № 57, л. 1—13.

⁸ Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта. Соч. г. Бальзака. СПб., 1835. Предисловие, с. I—XX.

⁹ Это подтверждают и просмотренные «Записки Российской академии» (Архив АН СССР, ф. 8, оп. 1, № 41, л. 13—16). Кроме того, известны пушкинские письма, отправленные из Петербурга разным адресатам в середине января 1836 г. (см.: XVI, 72—74).

предметом двух пушкинских разборов, помещенных во второй и третьей книжках «Современника». И если первый очерк — «Российская Академия» — знакомил общественность с сообщениями, прочитанными на заседании, то «Мнение» Лобанова поэт подробно описал и прокомментировал отдельно, подчеркивая тем самым его особое значение «как по своей сущности, так и по важности места, где оно было произнесено» (XII, 45). Уже первые строчки разбора подчеркивали, что речь Лобанова — вынад прежде всего политический и ничего общего с наукой, к которой автор «Мнения» обращал внимание академики, не имеет. Защищая от нападков современную французскую литературу, Пушкин отмечал, что произведения представителей новой школы романтизма пользуются успехом в России. В этом не было ничего «порочного». «Французская словесность, — считал Пушкин, — со времен Кантемира имевшая всегда прямое или косвенное влияние на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и в нашу эпоху» (XII, 71). Однако Лобанов, по мнению поэта, слишком преувеличивал и оттенял это влияние: отечественная словесность всегда имела свои пути развития и не принадлежит к числу «подобострастных поклонников» чужих влияний. Рецензент выступал и против требования чрезмерного усиления цензурного гнета, а также против навязывания Российской академии «особых» функций цензуры. Задача академии — способствовать расцвету и распространению литературы в России, «поощрять достойных писателей деятельным своим покровительством» (XII, 74). Таковы основные мысли пушкинской статьи.

Выступления Лобанова и Пушкина нельзя рассматривать вне истории Российской академии. Оба они являли собой два разных полюса развития общественной мысли в России, а главное — два совершенно противоположных направления в литературе, которые академия и пыталась безуспешно объединить в своих стенах. И самым удивительным является то, что Российская академия, представленная в некоторых исследованиях в последний период своего существования как «царство сонных академиков», внесла существенный вклад в популяризацию произведений французских романтиков. Интерес русского общества к новому литературному направлению она игнорировать не могла.

В середине июня 1836 г. Эражевская вновь обратилась в академическое собрание с просьбой напечатать в типографии свой новый перевод — роман одного из ведущих французских романтиков Ш. Нодье «Девушка де Марсан». И академия дала разрешение — уже в октябре книга вышла в свет.¹⁰ Правда, на этот раз переводчица не рискнула снабдить ее своими комментариями. Но сам факт публикации сочинения Нодье после «цензурной истории» с Бальзаком особенно примечателен. Это было своеобразным ответом Лобанову и ему подобным.

В каталоге пушкинской библиотеки можно найти обе упомянутые здесь книги — «Луи Ламбер» и «Девушка де Марсан». Причем поэт особенно заинтересовало написанное переводчицей предисловие к роману Бальзака. Это подтверждает и тот факт, что листы предисловия к книге

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 8, оп. 1, № 41, л. 113—113 об., 167.

были Пушкиным разрезаны, как и книга Нодье.¹¹ Оба перевода Зражевская передала поэту через П. А. Вяземского в конце 1836 г. Кто знает, может быть, книги были переданы после выхода в свет в сентябре 1836 г. третьей книжки «Современника», содержащей пушкинский ответ Лобанову? Во всяком случае история с изданием Российской академией переводов Зражевской, речью Лобанова и пушкинским ответом на нее в «Современнике» несомненно должна заинтересовать исследователей творчества великого поэта и его биографов.

М. Ш. Файнштейн

ЕЩЕ РАЗ О ПУШКИНСКОМ «МАГИЧЕСКОМ КРИСТАЛЕ»

Вопрос о значении образа «магический кристалл» в предпоследней строфе восьмой главы «Евгения Онегина» был впервые поднят полвека назад Н. О. Лернером, который указал, что для пушкинских современников «это было нечто конкретное, взятое прямо из живой действительности. „Магическим кристаллом“ в те времена пользовались как прибором для гадания, и он был весьма распространен». В конце прошлого века Лернеру удалось приобрести в одной петербургской лавке подобный прибор — «довольно большой, тяжелый, массивный шар из прозрачного бесцветного стекла».¹

Такое толкование было усвоено пушкинистами-лексикографами и комментаторами романа, однако в 1964 г. его отверг В. В. Набоков. Отметив нетипичность для русской культуры кристалломантии (гадания на кристаллах) как способа дивинации, Набоков обращал внимания читателей на аналогичное, по его мнению, употребление Пушкиным слова «кристал(л)» в стихотворении «К моей чернильнице»: ²

Заветный твой кристалл
Хранит огонь небесный.

(II, 183)

Итак, соответственно лернеровскому объяснению, Пушкин уподобляет начальную стадию творческого процесса гаданию на кристаллах: герои романа являются автору в «смутном сне» воображения, вызванном бессознательным вглядыванием в прозрачный стеклянный шар. По Набокову же реализация пушкинской метафоры являет иную картину: автор вспоминает, как он всматривался в неясную «даль свободного романа» сквозь «кристалл», т. е. стеклянную либо хрустальную емкость чернильницы, хранящей «огонь небесный» — вдохновение.

¹¹ Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. 9—10. С. 4, 69. О книгах Зражевской в библиотеке поэта см. также: Файнштейн М. Ш. Книги А. В. Зражевской в пушкинской библиотеке // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 152—154.

¹ Звенья. М.; Л., 1935. Вып. 5. С. 105, 106.

² Pushkin A. Eugene Onegin: A novel in verse / Transl. from the Russ., with a comment., by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 3. P. 244—245.

Сочувственно отнесясь ко второму толкованию, М. Ф. Мурьянов оспорил ставшее каноническим первое, усмотрев в нем «неосторожный перенос торгового ассортимента посудных лавок конца XIX в. в дворянскую культуру первой четверти XIX в., без поправки на весьма вероятную эволюцию понятия и предмета». Опираясь на фундаментальное исследование «Kristalomancja» Ришарда Гансинца, Мурьянов дал краткий обзор многовековой истории гадания на кристаллах и отметил, что их первоначальный облик не имел отношения к шару. В объяснении Лернера, по мнению Мурьянова, фигурирует не «настоящий» магический кристалл, а его «суррогат»: «...ведь стекло является по своей физической природе веществом аморфным, а не кристаллическим, и даже по своей внешней форме стеклянный шар не имитирует природный кристалл, который, как известно, имеет только плоские грани».³

На последний тезис М. Ф. Мурьянову убедительно и остроумно возражил в своем комментарии Ю. М. Лотман, поддержавший лернеровское толкование: «...слово „кристалл“ в высоком стиле могло означать „стекло“ <...> Вода, как известно, имеет аморфную структуру. Это не мешало Пушкину написать: „...отразилась в кристале зыбких вод“ (I, 78), т. е. в стекле, в зеркале вод».⁴

В позиции Мурьянова вызывает недоумение и другое: в принципе не возражая против объяснения словосочетания «магический кристалл» как термина из области дивинации, он принимает и толкование Набокова, а напоследок указывает еще на «ассоциативность с магическим кристаллом» метафоры из пятой главы романа: «Зизи, кристалл души моей».⁵

И все же, несмотря на очевидную уязвимость рассуждений Мурьянова, нерезонно объявлять их вовсе беспредметными и утверждать, будто бы «в обиходе гадалок „магическим кристаллом“ именовалась именно сфера».⁶ Ведь уже из приведенных Мурьяновым примеров видно, что в практике кристалломантии использовались самые различные по форме, размеру и материалу предметы (загадочными поэтому кажутся обстоятельства, побудившие комментаторов романа в Полном собрании сочинений 1962—1965 гг. снабдить лернеровское объяснение «стеклянный шар» уточнением «небольшой»⁷). Наконец, продуктивно ли спорить об объеме термина «магический кристалл» прежде, чем сам факт его существования «в обиходе гадалок» установлен сколько-нибудь надежно?

В 1980 г. одновременно с комментарием Ю. М. Лотмана появилось отдельное издание «Онегина» с примечаниями А. Е. Тархова. Позицию последнего можно назвать «эмфатической». «Какой же вывод должны мы сделать относительно пушкинского „магического кристалла“? — вопрошает Тархов, дав обзор толкованиям Лернера, Набокова и Мурьянова. — Независимо от того, обращался ли поэт к опытам с реальным кристаллом для

³ Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970. С. 92—94.

⁴ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 370.

⁵ Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. С. 95.

⁶ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 371.

⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 3-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. V. С. 602.

гадания или нет, но метафора такого гадания была для него, очевидно, самой адекватной формой изображения замысла „Евгения Онегина“.⁸

Наконец, совсем недавно с комментарием к «магическому кристаллу» выступил С. А. Фомичев. Отвергнув толкования Лернера, Мурьянова, Лотмана и Тархова на том основании, что в них не уловлен «подлинный смысл пушкинской метафоры, ее вполне конкретное, предметное значение», исследователь примкнул к позиции Набокова и усилил ее указанием на переключку стихотворения «К моей чернильнице» с финалом восьмой главы романа.⁹

Итак, в ходе дискуссии о значении пушкинского образа были четко декларированы две позиции:

1) «магический кристалл» — терминологическое обозначение предмета, употреблявшегося в практике дивинации;

2) «магический кристалл» — образное наименование чернильницы как атрибута литературного творчества.

Нетрудно заметить, что если приверженцы первого толкования воспринимают прилагательное «магический» в его прямом значении, т. е. «относящийся к магии» (ср. «магический квадрат»), то для их оппонентов актуальным оказывается переосмысленное значение — «чудодейственный» (ср. «магическое слово»). При втором подходе «магический кристалл» трактуется не как устойчивое, а как свободное словосочетание, в котором комментированию подлежит лишь главное слово. Конец спорам в сложившейся ситуации могла бы положить регистрация этого словосочетания в языке допушкинской или пушкинской эпох как целостной единицы номинации. До тех пор, пока эти сведения не добыты (самое пока раннее его употребление датируется 1852 г.;¹⁰ зарегистрировано Н. О. Лернером), допустимо оперировать исключительно *argumenta ex adjunctis* — косвенными доказательствами.

Разделяя в целом мнение тех исследователей, которые отстаивают первое толкование, хотелось бы внести в него необходимые уточнения. Прежде всего следует отметить, что исторически кристалломантия сосуществовала и весьма тесно переплеталась с другими сходными способами искусственного возбуждения галлюцинаций, особенно активно с катоптромантией (гаданием на зеркалах). Смешение этих видов дивинации отразила европейская художественная литература; так, в сказке Гофмана «Крошка Цахес по прозвищу Циннобер» (1819) один и тот же магический прибор именуется то «кристаллом» (*Kristall*), то «хрустальным зеркалом» (*Kristallspiegel*).¹¹ По авторитетному мнению Рипарда Гансинга, между кристалломантией и катоптромантией не делали никакого различия уже в эпоху Калиостро.¹²

Это наводит на мысль о том, что даже в случае доказательства принадлежности словосочетания «магический кристалл» к терминологии гада-

⁸ Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., 1980. С. 325.

⁹ Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 167—168.

¹⁰ Магический кристалл и лондонские колдуны // Современник. 1852. Т. 32, отд. 6. С. 18—29.

¹¹ О функциях «оптических» мотивов у Гофмана см.: Вайнштейн О. Б. «Волшебные стекла» Э. Т. Гофмана // Литературные произведения XVIII—XX веков в историческом и культурном контексте. М., 1985. С. 124—130.

¹² Lud; Organ pol. t-wa ludoznawczego. 1954. Т. 41. S. 296.

ния в пушкинскую эпоху (а хочется надеяться, что это доказательство рано или поздно окажется в распоряжении пушкинистов) поиски ответа на вопрос, как выглядел и из чего был изготовлен «магический кристалл», о котором писал Пушкин, все равно будут занятием весьма сходным с гаданием и столь же плодотворным. Реальный комментарий, чтобы не сделаться автономным от комментируемого текста, должен, по-видимому, ограничиваться теми сведениями о кристалломантии, которые сообщаются в «Новом словотолкователе» Н. М. Яновского: «... искусство узнавать или предсказывать будущее посредством стекла или зеркала, в котором гадающие мнят видеть предметы, желанию их соответствующие. Мнимое искусство сие называется также и *катоптромантиєю*».¹³ Отметим зарегистрированное словарем неразличение кристалло- и катоптромантии и перейдем к рассмотрению некоторых типичных случаев употребления слова «кристал(л)» в поэтической речи предпушкинской и пушкинской эпох.

Наряду со словами «хрусталь», «стекло», «зеркало», «зерцало» слово «кристал(л)» широко привлекалось «при указании на водную гладь, прозрачность, а иногда и вообще на водную поверхность и — метонимически — на всю массу воды».¹⁴ Так, у Батюшкова:

...катит Рейн свой серебряный кристалл,¹⁵

у Языкова:

Блестит, подвижная громада кристалла,¹⁶

у Пушкина:

И волн кристал «?» струит,
(II, 671)

у Тютчева:

Катит кристалл валов сапфировых.¹⁷

При этом слово «кристалл» устойчиво связывается с семантикой зеркального отражения. Например, у Жуковского:

Река, блестящая средь дебрей величаво,
Кристаллом отразив на бреге пышный град.¹⁸

«Кристалл», «зеркало», «зерцало», иногда еще «стекло» образуют ряд семантически однородных и взаимозаменяемых слов. Приведем соответствующие примеры.

Языков:

Как живо Геспер благосклонный
Играет в зеркале зыбей.¹⁹

¹³ Яновский Н. Новый словотолкователь. СПб., 1804. Ч. 2. С. 442.

¹⁴ Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 46.

¹⁵ Батюшков К. Н. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 88.

¹⁶ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964. С. 367.

¹⁷ Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. 2. С. 14.

¹⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. Пг., 1918. Т. 1. С. 50.

¹⁹ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. С. 201.

Баратынский:

И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.²⁰

Пушкин:

Здесь, вижу, с тополем сплелась младая ива
И отразилась в кристале зыбких вод.

(I, 78)

Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.

(IV, 155)

Рассмотрим теперь контекст в каком-то смысле прототипический для пушкинского образа. В стихотворении «Протей, или Несогласия стихотворца» (1798) Карамзина «чувствительная душа» поэта уподобляется «кристаллу» — зеркальной поверхности пруда:

Еще минута... вдруг иное представленье:
Сокрыли облака в кристалле Фебов зрак;
Там стелется один волнистый, сизый мрак.
В душе любимца муз такое ж измененье
Бывает каждый час...²¹

Восприимчивая душа «любимца муз», говорит Карамзин, не может существовать без «несогласий» (противоречий), «без всех гаданий темных».²²

Мотивы кристалла—зеркала и гаданий не сфокусированы здесь в одном образе, а объединены темой Протей — божества, обладающего даром принимать любой облик (зеркальность) и угадывать прошлое и будущее (гадание). Вместе с тем примечательно, что контекст, сближающий образы «душа поэта», «гадание» и «кристалл», был возможен еще задолго до создания строк:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще неясно различал.

(VI, 190)

Представляется, что привлечение текста «К моей чернильнице» для объяснения этого места было бы оправданным лишь в том случае, если бы параллелей к нему не оказалось в самом романе. Между тем они существуют. С авторскими рассуждениями о «дали свободного романа» активно перекликаются мотивы пятой главы «Онегина», погружающие читателя в атмосферу святочных гаданий:

²⁰ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 295.

²¹ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 243.

²² Там же. С. 251.

Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима...

(VI, 100)

Среди прочих здесь описывается татьянино гадание «на сон»: спрятав под подушку зеркало, героиня загадывает сновидение, в котором ей является «герой ее романа». «Странный сон» Татьяны о «дали жизни» и герое напоминает «смутный сон» автора о его героях и «дали романа». В первом случае фигурирует зеркало, во втором — «магический кристалл», который, очевидно, выполняет сходную функцию: служит предметом, возбуждающим воображение гадающего.

В подтверждение параллелизма этих ситуаций говорят как сформулированные выше частные выводы (о неразличении в пушкинскую эпоху кристалло- и катоптромагии, об усвоении «зеркальной» семантики словом «кристалл(л)» в его поэтическом употреблении, о допустимом в культуре поэтической образности и имевшем прецедент соединении мотивов «кристалл—зеркало» и «поэт—гадатель»), так и сама поэтика пушкинского романа, строящаяся на постоянном взаимодействии реальностей эмпирической («мир» автора) и эстетической («мир» героев). Отношение подобия, в которое в предпоследней строфе «Онегина» вступают «мир» автора, гадающего о ненаписанном романе, и «мир» героини, гадающей о будущей жизни, подготавливает финальную метафору «жизнь—книга»:

Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа...

(VI, 190)

Таким образом, среди доводов, выдвигаемых в защиту первого толкования (связывающего «магический кристалл» с темой гадания), оказывается еще один и, как представляется, немаловажный — «довод от поэтики».²³

М. В. Безродный

²³ В статье Ю. С. Сорокина «„Магический кристалл“ в „Евгении Онегине“» (Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 335—340), несмотря на некоторые верные посылки (отказ от узкотерминологического подхода, наблюдения над поэтической фразеологией времени), ход рассуждений исследователя выглядит без надобности «окольным», а общий вывод — о реминисценции фрагмента «Лекций» Шлегеля — кажется произвольным и непродуктивным для понимания авторской интенции и связи образа «магический кристалл» с поэтикой романа.

ПУШКИН И «ПАСТОР ГАННЕМАН»

В письме к П. А. Вяземскому от 5 октября 1817 г. А. И. Тургенев заметил: «Ахилл и Сверчок, проводя Светлану, сейчас возвратились, и Сверчок прыгает с пастором Ганнеманом. Иду усадить его на шесток».¹ Комментируя это письмо, В. И. Ситов писал: «Фридрих Ганнеман был пастором Стрельнинского прихода в 1814—1821 гг.»,² сославшись при этом на книгу Э. Буша «Материалы для истории и статистики евангелическо-лютеранской церкви и школы в России».³ На основании этого упоминания и этого комментария «пастор Ганнеман» в качестве пушкинского знакомого был зафиксирован в «Летописи...» М. А. Цявловского и в словаре «Пушкин и его окружение» Л. А. Черейского.⁴

Однако упоминание это выглядит весьма загадочно. Откуда взялся «пастор Ганнеман» на квартире Тургенева? Приведенные строки — приписка в конце письма; в самом же письме ни о каком пасторе не говорится. В обширной переписке Тургенева он вообще упоминается единственный раз; мы не встречали его и в числе знакомых других «арзамасцев». Странно и то, что Тургенев никак не объясняет Вяземскому эту фигуру, хотя вряд ли его адресату, москвичу, редко бывавшему в столице, человеку православного вероисповедания, мог быть близко известен лютеранский пастор. Да и с какой стати пастору вдруг вздумалось «попрыгать» вместе с юным выпускником лицей?

Нам представляется, что упоминание «пастора Ганнемана» в данном случае имеет явно иронический смысл и не имеет отношения к реальному Фридриху Ганнеману. Более вероятным нам кажется иное толкование. Обратимся к общему контексту упоминаний о К. Н. Батюшкове в переписке Вяземского и Тургенева.

В возвратившемся из заграничного похода 1813—1814 гг. Батюшкове Вяземский, встречавшийся с ним летом 1815 г. и общавшийся в Москве на протяжении всего 1816 г., обнаружил явную перемену мировоззрения, этических и эстетических ориентаций. В письмах его к Батюшкову этого периода находим многочисленные упреки типа: «Пипинька, я тебя не узнаю» (январь 1815), или: «Рожденный любезным повесою <...> ты лезешь в скучные колпаки; рожденный мотыльком, что за охота проситься тебе в филины?» (5 апреля 1815)⁵ и т. д. Еще явственнее тревожно-насмешливое отношение к изменившимся идеологическим ориентациям Батюшкова находим в письмах Вяземского к Тургеневу: «...этот шалуни, кажется, дурачится и просится охотою в горемыки» (22 марта 1815), «Овидий-капуцин Батюшков здоров, то есть не очень здоров и телом, и душою: в носу насморк и в сердце и в уме тоже. Он скоро будет посажен в желтый дом моим состраданием. Силы нет видеть, как он капуцанинит. Утешьте

¹ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 1. С. 89.

² Там же. С. 461.

³ Busch E. H. Materialien zur Geschichte und Statistik der Kirchen und Schulwesens der evang-lutherisch Gemeiden in Russland. St.-Petersburg, 1867. Bd 1. S. 551.

⁴ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951. Т. 1. С. 139; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С. 90.

⁵ ПД, ф. 19, ед. хр. 28, л. 1 об., 28 об.

его, сделайте старостой его в Библейском обществе, как Пушкин в Арзамасском» (20 апреля 1816) ⁶ и т. д.

Эти насмешки Вяземского не были безосновательны. Для мировоззрения Батюшкова в 1815—1816 гг. оказались весьма характерны стремление к морализаторству, декларация перехода от «философии» к «вере», что отразилось в его стихотворении «Надежда», в статье «О лучших свойствах сердца» и особенно в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии», которой сам поэт придавал программный характер. Как отметил позднейший исследователь, это морализаторство и упование на «веру» было весьма абстрактно: «Батюшков все время говорит о „вере“ вообще: из статьи совершенно невозможно понять, какую именно религию имеет он в виду».⁷

Но эта же направленность творческой позиции позднего Батюшкова, бывшего «любезного повесы», становящегося «скучным колпаком», который ни с того ни с сего начал «капуцинить», стала основой для «арзамасской» шутки. Не случайно ведь Тургенев называет Пушкина «Сверчком» и подчеркивает, что его надобно «усадить на шесток»: морализирующая фигура Батюшкова-«пастора» как бы подчеркивает эту неумеренную живость «Сверчка».

Фамилия же «Ганнеман» в данном случае связана, вероятно, не с пастором Стрельнинского прихода, а скорее с известным немецким врачом Самуэлем Ганнеманом (1755—1843), основателем гомеопатии, книга которого «Organon der rationellen Heilkunde» (1810) входила в то время в моду. Упомянув знаменитого лекаря, автора «закона подобия» («*Similia similibus curentur*»), Тургенев мог, с одной стороны, подчеркнуть известную мнительность Батюшкова в отношении своего здоровья, его почти маниакальную идею о необходимости «поправления здоровья», вызывавшую насмешки в кругу «арзамасцев»; ⁸ с другой стороны, иронически указать на «подобие» Пушкина и Батюшкова в описываемой ситуации: последний, оставаясь «пастором», не упускает все же случая «попрыгать» вместе со «Сверчком».

В. А. Кошелев

ОБ ОДНОЙ ПСЕВДОПУШКИНСКОЙ ПОДПИСИ К РИСУНКУ

В так называемом Онегинском фонде пушкинских материалов, хранящихся в ИРЛИ (ф. 664), находится набросок акварелью неизвестного художника. Он изображает женскую фигуру в тюрбане и тунике, склонившуюся над спинкой кресла или канапе. Этот набросок воспроизведен

⁶ Остафьевский архив. Т. 1. С. 28, 44.

⁷ Ученые записки ЛГУ. Серия филол. наук. Л., 1939. Вып. 3. С. 258.

⁸ См.: Остафьевский архив. Т. 1. С. 44, 51, 55, 83 и др. Позднее Н. И. Гнедич в письме к П. А. Вяземскому замечал, что Батюшков уехал «искать здоровье, которое у чудака совершенно здоровое» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5082, л. 99).

в книге «Рукою Пушкина»,¹ в разделе «Подпись к рисункам», и озаглавлен «Подпись к чужому рисунку». Воспроизводится и французский автограф под ним: «Turban vert, tunique violette» («Тюрбан зеленый, туника лиловая»).

Маскарадный костюм. Акварельный рисунок неизвестного.

К этому автографу есть комментарий: «Подпись Пушкина под акварелью работы неизвестного (...) Может быть, проект костюма для Натальи Николаевны, причем Пушкин указывал, какими цветами нужно заменить цвета, имеющиеся на акварели. Подпись Пушкина напечатана в ПС XV,² стр. 26, но без указания на ее автографичность. Воспроизводится впервые».

Представляется возможным конкретизировать смысл этого рисунка.

¹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 401.

² Пушкин и его современники. СПб., 1911. Вып. 15.

В № 14 «Московского телеграфа» за 1830 г. помещена литография с известной картины Пьера Нарсиса Герена (1774—1833) «Эней, рассказывающий Дидоне о бедствиях Трои». На странице 273 того же журнала дается пояснение к литографии: «Московские любители изящных искусств припомнят, что в числе „живых картин“, представленных нынешней зимою у кн. Д. В. Голицына, была и Геренова Дидона. Карфагенскую царю представляла М. А. Ушакова, Эней и Аскания — князь А. С. Долгорукий и А. С. Ланской, сестру Дидоны — Н. Н. Гончарова».

Присутствовавший на бале П. А. Вяземский упомянул об этом в письме Пушкину в Петербург 2 января 1830 г.: «А что за картина была в картинах Гончарова...» (XIV, 55).

Бал у генерал-губернатора Д. В. Голицына состоялся на святках 30 декабря 1829 г. Подробности сообщал брату К. Я. Булгакову московский почт-директор А. Я. Булгаков: «Все в восхищении от картин. Их заставили повторить несколько раз. Картина, изображавшая Дидону, была великолепна. <...> Но кто очаровательна, это — маленькая Алябьева, она красавица; маленькая Гончарова в роли сестры Дидоны была восхитительна».³

На балу была «вся Москва». П. В. Анненков в книге «Пушкин. Материалы для его биографии» тоже оценивает этот бал как первый светский триумф Н. Н. Гончаровой: «В 1830 году прибытие части высочайшего двора в Москву оживило столицу и сделало ее средоточием веселий и празднеств. Наталия Николаевна Гончарова принадлежала к тому созвездию красоты, которое в это время обращало внимание и удивление общества. Она участвовала во всех удовольствиях, которыми встретила древняя столица августейших своих посетителей, и, между прочим, в великолепных живых картинах, данных московским генерал-губернатором Дмитрием Владимировичем Голицыным. Молва об ее успехах и красоте достигла Петербурга, где жил тогда Пушкин».⁴

Картина Герена находилась в Лувре. Но большой живописный эскиз к ней хранился в богатейшей коллекции князя Н. Б. Юсупова в Архангельском. Несомненно, намеком на впечатление от «живых картин» можно считать и строчки в послании Пушкина «К вельможе»:

Влиянье красоты

Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой.

(III, 219)

Стихи эти написаны весной 1830 г. Пушкин приехал в Москву 12 марта. Вскоре он навестил старого князя в Архангельском. По-видимому, речь зашла о сватовстве к Гончаровой, Юсупов восхищенно вспоминал зимний бал, а картина была у Пушкина перед глазами.

Сравнивая рисунок из собрания А. Ф. Онегина с цветным изображением сюжета П.-Н. Герена «Эней, рассказывающий Дидоне о бедствиях Трои» на одной из ваз в собрании Всесоюзного музея А. С. Пушкина,

³ Цит. по: *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни. М., 1936. Т. 2. С. 43.

⁴ *Анненков П. В.* А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. СПб., 1873. С. 270—271.

легко узнать фигуру в лиловой тунике и зеленом тюрбане. Это сестра Дидоны — Гермиона изображена на акварели. Скорее всего, акварель, исполненная робкой любительской кистью (возможно, кем-то из организаторов живых картин или даже самую Н. Н. Гончаровой), предназначена для портного. Об этом свидетельствует и подпись, указывающая на цвета костюма и тюрбана.

В связи с вышеизложенным представляется весьма спорным вопрос об отнесении этой подписи к пушкинским автографам. Пушкина не было в Москве с осени 1829 по середину марта 1830 г. После возвращения с Кавказа в сентябре 1829 г. он был холодно встречен в семье Гончаровых и почитал свою женитьбу расстроеной. Переписки с Гончаровыми он не имел и жадно ловил московские новости. В ответном письме П. А. Вяземскому на его сообщение о бале от 2 января 1830 г. Пушкин спрашивал: «Правда ли, что моя Гончарова выходит за Мещерского?».

Возможно, рисунок сохранился в семье поэта как памятка о московской юности Натальи Николаевны, а может быть, он попал к А. Ф. Онегину от третьих лиц.

Т. К. Галушко

ДВЕ ЗАМЕТКИ О ПОРТРЕТАХ ПУШКИНА

1. Портрет работы В. А. Тропинина

История создания и бытования портрета Пушкина работы В. А. Тропинина широко освещена в мемуарной и искусствоведческой литературе. Противоречивые мнения возникают только относительно одного факта: кто был заказчиком портрета? сам Пушкин или С. А. Соболевский? Этот — на первый взгляд частный — вопрос важен при изучении в целом пушкинской иконографии.

В отношении всех портретов Пушкина (кроме тропининского) вопрос решается однозначно: заказывали портреты и вели переговоры с художниками друзья поэта, хотевшие иметь его портрет. До некоторого времени не вызывал сомнения и заказчик портрета Тропинина.

На обороте эскиза портрета имеется надпись, сделанная рукой Соболевского: «Пушкин заказал Тропинину свой портрет, который и подарил Соболевскому. Этот портрет украли. Он теперь у кн. Мих. Андр. Оболенского. Для себя Тропинин сделал настоящий эскиз, который после него достался Алексееву, после Алексеева был куплен Н. М. Смирновым, а после Смирнова (ок. 3 марта 1870) подарили его Соболевскому».

Однако, несмотря на эту надпись, все авторы работ по пушкинской иконографии — С. Ф. Либрович, М. Д. Беляев, В. Згура, И. С. Зильберштейн называли заказчиком Соболевского. Зильберштейн даже объяснял эту надпись ошибкой памяти, так как она сделана через 40 лет после заказа портрета.

Почему же у исследователей иконографии Пушкина была такая уверенность, несмотря на утверждение Соболевского, закрепленное им в надписи на эскизе портрета?

Прежде всего потому, что неизвестно ни одного случая, когда поэт сам обращался бы к художникам для заказа своего портрета. Наоборот, мы знаем, что Пушкин отказывал художникам, хотевшим его написать.

14 мая 1836 г. Пушкин пишет из Москвы жене: «Здесь хотят лепить мой бюст. Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: у меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим» (XVI, 116). Аналогичное пожелание выражено в стихотворении «To Dawe Esqg.» (1828) — совет художнику рисовать не «арапский профиль», а юные черты Олениной. По свидетельству Т. Г. Шевченко, К. П. Брюллов хотел написать портрет Пушкина, но он не стал позировать, а просил художника сделать портрет Натальи Николаевны.

В 1831 г. неоднократно обращался к Пушкину П. В. Нащокин с просьбой заказать для него портрет. В их переписке этого года пятикратная просьба Нащокина о портрете и трижды уклончивые ответы Пушкина. Портрета Пушкина Нащокин так и не получил. Поэт и на этот раз остался верен себе, не выступив в непривычной для него роли заказчика собственного портрета.

Исследователи иконографии Пушкина располагали и свидетельствами современников об истории создания портрета Тропининым. Н. В. Берг и П. П. Соколов в своих воспоминаниях называют заказчиком Соболевского.

Хорошо знавший Соболевского и встречавшийся с Тропининым Н. В. Берг подробно рассказывает о заказе, данном художнику: «Соболевский был недоволен приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какие тогда появлялись.¹ Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он просил Тропинина <...> нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце одной руки, — перстнем, которому поэт придавал особенное значение».²

Н. В. Берг и П. П. Соколов рассказ о работе над портретом передают со слов самого Тропинина, и в обоих рассказах, написанных независимо друг от друга, фигурирует «заказчик». То, что Соколов называет заказчиком «Базилевского», свидетельствует лишь о том, что он не был лично знаком с Соболевским, а слышал это имя от Тропинина и искажил его при написании воспоминаний.³

Относившийся с юношеской восторженностью к знаменитому поэту, гордившийся тем, что Пушкин, вернувшись из ссылки, поселился в его квартире, Соболевский, естественно, захотел иметь его портрет. Знал он, конечно, и о карандашном рисунке Ж. Вивьена, выполненном по заказу Е. А. Баратынского в конце 1826 г. или в самом начале 1827 г. Тогда же, в начале 1827 г., Тропинин пишет портрет Пушкина — первый живописный портрет поэта.

¹ К этому времени были выполнены два портрета Пушкина — гравюра Е. Гейтмана и карандашный рисунок Ж. Вивьена.

² Берг Н. Из рассказов С. А. Соболевского // Русский архив. 1871. С. 192.

³ Соколов П. П. Воспоминания // Исторический вестник. 1910. Сентябрь. С. 794—796.

Не будем касаться в этой заметке истории пропажи портрета. Найденный кн. М. А. Оболенским в 1850-х годах, портрет впервые был показан на выставке, устроенной в Москве Обществом любителей художеств в 1868 г. М. П. Погодин в газете «Русский» (1868, № 116) поместил заметку о портрете. Готовя материал для газеты, он обратился к Соболевскому за некоторыми сведениями об истории портрета.

Два письма Соболевского к Погодину были опубликованы впервые в 1952 г.⁴ Первое было прислано Погодину как материал для его отзыва в газете, второе — возражение Погодину на опубликованную им заметку.

Уже в первом письме к Погодину Соболевский утверждает: «Портрет Александр Сержеевич заказал Тропинину для меня и подарил мне его на память в золоченой великолепной рамке». Несмотря на это, в своей заметке Погодин называет заказчиком портрета Соболевского, чем и было вызвано второе письмо. В нем Соболевский продолжает настаивать на том, что заказывал портрет Пушкин: «Портрет Тропинину заказал сам Пушкин тайком и поднес мне его в виде сюрприза с разными фарсами».

Это письмо, не указывая автора и пересказав его от 3-го лица, Погодин поместил в № 119 газеты «Русский» (1868). И рядом опубликовал свой «Ответ»: «Рассказ во 2-й заметке совершенно ложный, и показывает только, каким искажениям подвергается истина между современниками».

Публикаторы писем Соболевского делают вывод о бесспорности факта, что заказчиком портрета был Пушкин.⁵ Однако они не акцентируют внимания на том, что Погодин упорно опровергает это утверждение Соболевского. Хорошо знавший и Пушкина и Соболевского, наиболее тесно общавшийся с ними именно в 1826—1827 гг., Погодин, вероятно, хорошо знал, кто заказывал портрет Тропинину. Иначе трудно объяснить его настойчивость именно в этом вопросе.

Таким образом, к именам мемуаристов Н. Берга и П. Соколова, указывавшим на Соболевского как заказчика портрета, можно присоединить и имя Погодина.

В 1868 г., когда портрет впервые экспонировался на выставке, Соболевский объявляет заказчиком Пушкина, затем в 1870 г. эту версию излагает в надписи на эскизе портрета. Чем же объяснить желание Соболевского изменить имя заказчика?

Вскажем такое предположение. Современники Пушкина, пережившие его, оказались свидетелями все возрастающей славы поэта. Первые биографы Пушкина, П. В. Анненков, П. И. Бартенев, проявляют огромный интерес ко всем, кто знал Пушкина, по крупицам собирая материал для его биографии. Имя Пушкина как бы возвышалось людей, с которыми он был когда-то связан.

Возвращаясь мысленно к годам, проведенным вместе с Пушкиным, перебирая в памяти события прошлых лет, в конце жизни Соболевский уверил себя даже в том, «что, если бы он был в 1837 г. в Петербурге, он никогда не допустил бы рокового поединка, причем он как-то особенно на

⁴ Иванова Л., Коншина Е. О портрете Пушкина работы Тропинина // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 344—346.

⁵ Эта версия как бесспорная была повторена в ряде работ по иконографии Пушкина.

это напирал» (воспоминания В. М. Голицына).⁶ Именно к этому времени относится и его переписка с Погодиным относительно портрета Тропина. То, что портрет был подарком Пушкина, придавало новый акцент их отношениям.

В связи со сказанным уместно вспомнить слова пушкиниста Н. О. Лернера: «Связь с Пушкиным укрепляет права Соболевского на память потомства».⁷

2. Портрет работы Райта

В прижизненной иконографии Пушкина важное место занимает портрет работы английского художника Т. Райта.⁸ До нашего времени портрет дошел в автогравюре, выполненной Райтом сразу после смерти Пушкина. Уже в марте 1837 г. гравюра поступила в продажу. Рисунок сепией самого Райта, с которого выполнена гравюра, не сохранился.

В литературе по иконографии Пушкина принято датировать рисунок 1836 г. Существуют разноречивые мнения о том, с натуры ли был сделан рисунок, по заказу Пушкина или по собственной инициативе художника.

Первые сведения о портрете Пушкина работы Райта были даны Н. В. Кукольниковым в «Художественной газете» за 1837 г. Кукольник писал, что Райт делал портрет Пушкина для задуманной им серии «Современники», и высказывал сомнение, сделан ли рисунок с натуры: «...наверное не знаем, с натуры ли рисован портрет сей».⁹

В 1890 г. вышла книга С. Ф. Либровича «Пушкин в портретах. История изображений поэта в живописи, гравюре и скульптуре». В ней впервые были объединены разрозненные сведения о портретах Пушкина, их создании и истории бытования. Книга Либровича имела большое значение как первая работа по иконографии Пушкина, выполненная достаточно тщательно, на уровне научных и фактографических данных по этому вопросу конца XIX в.

Относительно портрета Пушкина работы Райта Либрович без каких-либо документальных ссылок утверждал, что он был написан с натуры и «предназначался Пушкиным для предполагавшегося издания его сочинений».¹⁰

Ряд дополнений и уточнений к книге Либровича внес М. Д. Беляев в статье «Заметки на полях книги С. Либровича „Пушкин в портретах“».¹¹ Однако сведения о портрете Райта сомнений у него не вызвали.

Датировка рисунка 1836 г. и указание на то, что портрет был заказан самим Пушкиным, а следовательно, делался с натуры, стали повторяться во многих работах по иконографии поэта, включая последний большой труд на эту тему Е. В. Павловой «А. С. Пушкин в портретах».

⁶ Цит. по: *Кунин В. В.* Библиофилы пушкинской поры. М., 1979. С. 20.

⁷ Книга и революция. 1922. № 7. С. 46.

⁸ Томас Райт (1792—1849) работал в России с 1822 по 1826 г. и с 1830 по 1845 г.

⁹ Художественная газета. 1837. № 9—10.

¹⁰ *Либрович С. Ф.* Пушкин в портретах. СПб., 1890. С. 64.

¹¹ *Беляев М. Д.* Заметки на полях книги С. Либровича «Пушкин в портретах» // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18.

Е. В. Павлова пишет: «Как считается, Пушкин сам заказал ему свой портрет для готовившегося собрания сочинений. Подготовительный рисунок Райта с натуры конца 1836 года не сохранился, гравюра же была им выполнена вскоре после смерти поэта (март 1837)».¹²

Попробуем проследить, что нам известно об этом подготовительном рисунке. В 1837 г. рисунок находился у Райта, выполнявшего по нему гравированный портрет. В 1840-е годы его владельцем стал Матвей Юрьевич Виельгорский. После его смерти (1866) альбом, в котором был портрет Пушкина, перешел к его племяннице Аполлинару Михайловне, бывшей замужем за А. В. Веневитиновым. Последним, известным нам владельцем рисунка был их сын — М. А. Веневитинов.

В 1888 г. этот рисунок видел в доме М. А. Веневитинова в Москве М. И. Семевский, редактор «Русской старины». В 1888—1889 гг. в «Русской старине» Семевский публиковал «Путевые очерки, заметки и наброски» о своей поездке по России, где, в частности, описал посещение дома М. А. Веневитинова и его коллекцию.

В интересующем нас альбоме были гравированные портреты и автографы знаменитых писателей, музыкантов, композиторов, несколько акварельных портретов работы известного художника П. Ф. Соколова. «Из портретов рисованных, — пишет Семевский, — весьма замечательно изображение А. С. Пушкина, сделанное в 1837 году сепией Райтом (Wright). Это последний портрет, снятый в год смерти Пушкина, и чуть ли не оригинал знаменитой гравюры этого художника. Портрет этот должен был быть очень похож и отличается необычайною мягкостью и тонкостью работы»¹³ (обратим внимание, что Семевский указывает точную дату — 1837 г., дающую основание предполагать, что рисунок был датирован).

В 1900 г. М. А. Веневитинов умер, судьба его наследства неизвестна; с этого времени неизвестно и местонахождение рисунка Райта.

На юбилейной Пушкинской выставке в Москве в 1899 г., устроенной в залах Исторического музея, экспонировались и рисунок Райта и гравюра. В альбоме, изданном по материалам этой выставки, был воспроизведен рисунок. В те юбилейные дни он воспроизводился и на пригласительном билете на «Пушкинский обед» 26 мая 1899 г. На той и другой фототипии четко просматриваются подпись художника — «Wright» и дата — «1837».

Итак, портрет был выполнен не в 1836 г., как считалось до сих пор, а в 1837 г. Известно, сколь мучительны и трагичны были последние месяцы жизни поэта. Трудно представить, что в январские дни 1837 г. Пушкин заказывал свой портрет и даже ходил позировать художнику.

У нас нет оснований предполагать, что к собранию сочинений, работу над которым Пушкин начал в декабре 1836 г., поэт хотел приложить свой портрет. К тому же, как известно, Пушкин сам никогда не являлся инициатором создания своих портретов. В роли заказчиков выступали его друзья — Н. И. Гнедич, Е. А. Баратынский, С. А. Соболевский, А. А. Дельвиг. В других случаях к поэту обращались сами художники — Г. Гиппиус, Г. Чернецов, выполнявшие официальные заказы.

¹² Павлова Е. В. А. С. Пушкин в портретах. М., 1983. С. 53.

¹³ Русская старина. 1889. Апрель. С. 244—245.

Н. В. Кукольник указывал, что портрет предназначался для серии Райта «Современники». Но эта серия осталась незаконченной, и нам трудно судить о замысле художника в целом.

Вполне вероятно, что личность Пушкина могла заинтересовать Райта и он собирался сделать его портрет. Принятый при дворе, Райт посещал те же великосветские салоны Петербурга, в которых бывал и Пушкин. Их знакомство скорее всего произошло во второй приезд Райта в Россию. Уже в 1830 г. Пушкин знал Райта или слышал о нем. Свидетельством этого является имя «Wright», записанное Пушкиным на листе рукописи с выписанными древнерусскими словами. Рядом с именем художника рисунок Пушкина — профильный портрет Натальи Николаевны. Автограф относится к болдинской осени 1830 г.¹⁴ Предполагается, что Пушкин хотел заказать Райту портрет своей невесты (в 1831 г. портрет был заказан А. П. Брюллову).

Мы полагаем, что к моменту смерти Пушкина у Райта не было предварительного наброска для портрета, сделанного с натуры, и что именно неожиданная смерть Пушкина явилась толчком для создания портрета. Доказательством может служить то, что все оригинальные портретные рисунки Райта выполнены в одном ракурсе — в профиль. Исключение составляет только портрет Пушкина. Следовательно, Райт пользовался каким-то оригиналом.

На сходство гравюры Райта с портретом Кипренского указывали Б. В. Томашевский¹⁵ и И. Э. Грабарь.¹⁶

Портрет Кипренского был широко известен благодаря выполненной с него гравюре Н. И. Уткина, которая неоднократно воспроизводилась («Северные цветы на 1828 год», 1827; «Руслан и Людмила», 1828; «Подснежник», 1829) и продавалась отдельными листами.

В работе Райта безусловно заметно влияние портрета Кипренского — тот же ракурс изображения, поворот головы, направленность взгляда. Но английский художник внес в изображение и свои собственные наблюдения, свое восприятие русского поэта.

Райт создавал посмертный портрет Пушкина как дань памяти великому поэту, имя которого принадлежит истории. Перед нами вдохновенный образ поэта, общественного деятеля, историка и мыслителя, полного энергии и творческих замыслов.

Т. Г. Александрова

¹⁴ Автограф опубликован в книге: *Летописи Гослитмузея*. М., 1936. С. 320—321.

¹⁵ *Борский Б.* [Томашевский Б. В.]. Иконография Пушкина до портретов Кипренского и Тропинина // *Литературное наследство*. М., 1934. Т. 16—18. С. 968.

¹⁶ *Грабарь И. Э.* Внешний облик Пушкина // *А. С. Пушкин. Материалы юбилейных торжеств. 1799—1949*. М.; Л., 1951. С. 152.

IV. ХРОНИКА

ОТ РИМА ДО ГАВАНЫ

(Новые сведения о памятниках Пушкину за рубежом)

Как ни мало появляется статей и заметок о памятниках Пушкину за рубежом,¹ на сегодня в выпусках «Временника Пушкинской комиссии» описаны девять таких монументов: в Болгарии (г. Бургас), Венгрии (г. Сомбатхей), ГДР (г. Веймар), Испании (г. Мадрид), Китае (г. Шанхай), Польше (г. Поляница-Здруй), США (г. Джексон, штат Нью-Джерси и г. Монро, штат Нью-Йорк) и Чехословакии (с. Бродзяны близ г. Партизанске). Эти материалы можно дополнить следующими сообщениями и уточнениями.

1

Впервые памятник Пушкину был установлен в Италии вскоре после его смерти. В 1837 г. в парке римской виллы З. А. Волконской поставили античную беломраморную стелу с высеченной надписью «А. Пушкин». В советской печати об этом интересном факте было сообщено в начале 60-х годов.² И. Н. Бочаровым и Ю. П. Глушаковой написан обстоятельный очерк о первом памятнике русскому поэту.³

Л. А. Черейский дважды упоминает памятник в Риме, называя его то «бюстом»,⁴ то «колонной».⁵ Между тем статья Ф. Буслаева «Римская вила кн. З. А. Волконской» (автор побывал на вилле З. А. Волконской зимой 1874/75 г.),⁶ на которую ссылается Л. А. Черейский, не содержит

¹ См.: Степанова Г. В., Шапошников Б. В. Скульптурные памятники Пушкину за рубежом // Пушкин. Исследования и материалы. Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. М., 1953. С. 287—305; *Гдалин А. Д. Памятники Пушкину за рубежом* // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 172—174; *Кишкин Л. С. Музей А. С. Пушкина в Чехословакии* // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 148—152; *Багно В. Е. К теме «Пушкин в Испании»*. (Новые материалы) // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983. С. 163—168.

² См., например: *Удимова Н. Римский памятник Пушкину* // Вечерний Ленинград. 1962. 9 февраля.

³ *Бочаров И. Н., Глушакова Ю. П. Первый памятник Пушкину* // Неделе. 1982. № 22. С. 8—9.

⁴ См.: *Черейский Л. А. Пушкин и его окружение*. Л., 1975. С. 71.

⁵ См.: *Черейский Л. А. Современники Пушкина*. Л., 1981. С. 161—162.

⁶ Вестник Европы. 1896. № 1. С. 29.

ни первого, ни второго определения. Работа же А. Трофимова,⁷ опубликованная десятью годами раньше, Л. А. Черейским не учтена. В ней ясно обозначено: «Une stéla garde le souvenir de Pouchkine...» («Стела сохранит память о Пушкине...»). Хотя эту книгу А. Трофимова упоминает советский литературовед И. Т. Трофимов,⁸ тем не менее он пишет: «В саду римской виллы Волконской под тенью кипарисов были установлены бюсты Пушкина, Баратынского...».⁹

В статье доктора физико-математических наук В. Фридкина «Под миртами Италии прекрасной...»¹⁰ есть ряд неточностей, на которые считаем нужным указать. Первое упоминание о памятниках, установленных З. А. Волконской, принадлежит не А. И. Тургеневу, как об этом пишет В. Фридкин, а С. П. Шевыреву, сообщавшему 10 октября 1831 г. в письме к А. В. Веневитинову (брату поэта): «...она (З. А. Волконская. — А. Г., И. П.) пошла в „аллею воспоминаний“, где она воздвигает памятники всему утраченному милому».¹¹

Первое подробное описание виллы было опубликовано не в 1916 г., как об этом пишет В. Фридкин, а в 1896 г. (см. упоминавшуюся выше статью Ф. Буслаева «Римская вилла кн. З. А. Волконской»).

Изображения этого памятника публиковались трижды.¹²

2

Первый памятник Пушкину появился и в Латинской Америке. В Республике Куба неоднократно издавали произведения Пушкина. На острове Свободы постоянно проявляют интерес к творчеству великого русского поэта. А в 1974 г. состоялось открытие памятника Пушкину в кубинской столице. Народный художник СССР Михаил Константинович Аникушин сообщил активистам Пушкинского музея одесской школы № 90 им. А. С. Пушкина: «В парке имени В. И. Ленина в Гаване установлен бюст Пушкина на каменном пьедестале. Я подарил его Л. Родригесу, кубинскому консулу в Ленинграде. Это отливка с моей работы, установленной у школы имени Пушкина в Пушкинских Горах. Стоит он на зеленом газоне. Окруженный пальмами, он чувствует себя хорошо».¹³ К пьедесталу прикреплена табличка с надписью: «A. PUSHKIN (1799—1836). DONADO EN EL AÑO 1973 POR EL ESCULTOR SOVIÉTICO N. C. ANIKUSHIN» («Передан в дар в 1973 г. советским скульптором М. К. Аникушиным»). К сожалению, год смерти поэта и инициалы скульптора приведены с ошибкой.

⁷ *Trofimoff André. La princesse Zénaïde Wolkonsky. De la Russie impériale à Rome des Papes. Städerini; Rome, 1966. P. 139.*

⁸ См.: *Трофимов И. Т. Поиски и находки в московских архивах. 2-е изд., доп. М., 1982. С. 26.*

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ *Наука и жизнь. 1983. № 12. С. 55.*

¹¹ *Вестник Европы. 1896. № 1. С. 27.*

¹² См.: *Полонский Я. Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Риме // Временник Общества друзей русской книги, 4. Париж. 1938. С. 157; Неделя. 1982. № 22. С. 8—9; Наука и жизнь. 1983. № 12. С. 55.*

¹³ См.: *Попелюхер И. Л. Памятник на Кубе // Вечерняя Одесса. 1983. 4 июня.*

Итак, насколько нам сейчас известно, за рубежом установлено одиннадцать памятников великому поэту России.

А. Д. Гдалин, И. Л. Попелюгер

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ В ГОРОДЕ БЕНДЕРЫ

Бендеры — один из немногих городов нашей страны, исторические страницы которого связаны с Пушкиным, овеяны его творчеством. В начале 20-х годов прошлого столетия молодой опальный поэт России почти три года прожил в Бессарабии. Во время путешествий по краю путь Пушкина не раз проходил через Бендеры. В середине января 1824 г. Пушкин с И. П. Липранди посетил Бендеры и место шведского лагеря в Варнице, куда после поражения в битве под Полтавой бежал Карл XII.¹ Здесь у стен бендерской крепости Пушкин искал (но безуспешно) могилу изменника Мазепы.

Сегодня имя Пушкина можно неоднократно прочесть на карте города. Решением горисполкома в 1949 г. в связи с 150-летием со дня рождения имя поэта было присвоено средней школе № 2 и городской библиотеке. Имя Пушкина носят Дом культуры и одна из самых красивых и зеленых улиц города. В маленьком сквере на углу улиц Пушкина и Комсомольской, там, где сомкнули свои кроны старые платаны, ивы, липы, где за узорной железной оградой видна школа № 2, а наискосок через дорогу — библиотека, стоит памятник великому поэту, открытый 6 июня 1980 г. Через 160 лет после своего первого посещения Бендер Пушкин вернулся в наш город запечатленным в металле.

Автор памятника — московский скульптор, член Союза художников СССР Моисей Соломонович Альтшулер (им созданы памятники Пушкину в Полотняном заводе (бывшее имение Гончаровых), в Ярославле). Памятник отлит на Мытищинском заводе художественного литья из алюминиевого сплава и покрашен черной нитрокраской. Скульптурная композиция представляет собой горизонталь, состоящую из фигуры поэта, сидящего на относительно протяженной скамье. Пушкин запечатлен в сюртуке, на шее шарф, завязанный пышным бантом. Голова поэта с лезвьями кудрями и бакенбардами чуть повернута вправо. Наличие бакенбардов позволяет сделать вывод, что скульптор изобразил Пушкина более позднего периода, так как во время пребывания в Бессарабии поэт не носил бакенбардов (он отпустил их уже в Михайловском).²

Скульптурная часть памятника имеет высоту 1,8 м и длину 1,6 м и поставлена на двухступенчатый пьедестал из бутобетона, облицованного плитами черного гранита. Низкая, наземная часть пьедестала имеет форму квадрата со сторонами 1,99 м и высотой 0,35 м. Высокая часть пьедестала в виде прямоугольника, длина которого 1,62 м, ширина 0,89 м, высота 0,83 м. На лицевой стороне высечена надпись: «А. С. Пушкин».

¹ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Русский архив. 1866. № 10. Стб. 1460, 1464—1465.

² Павлова Е. В. А. С. Пушкин в портретах. М., 1983. С. 21.

Главный художник города Ф. К. Казаку и архитектор А. Д. Дороганич создали в сквере атмосферу XIX в. Металлическая решетка, выполненная в классическом стиле, фонари, скамейки напоминают пушкинское время. У памятника с весны до глубокой осени цветут любимые Пушкиным цветы — розы.

Ежегодно, начиная с 1980 г., в день рождения проводится пушкинский праздник поэзии. Гостями праздников были известные пушкинисты: доктор филологических наук, профессор Г. Ф. Богач, профессор Кишиневского университета Б. А. Трубецкой, молдавские поэты И. Ставская и И. Вагману, писатель и критик С. Рыбак, поэт и автор книги «Твоей молвой наполнен сей предел...» М. Хазин и др. В празднике поэзии принимают участие жители Бендер — местные поэты Л. Литвиненко, П. Шпаков, Г. Солтанова, учащиеся и преподаватели общеобразовательных и музыкальных школ, участники художественной самодеятельности. И звучит над памятником музыка, звучат бессмертные стихи Пушкина, Пушкину, о Пушкине.

Р. З. Темис

БАЛЕТ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА ШТУТГАРТСКОЙ СЦЕНЕ

В марте 1985 г. зрители Москвы и Ленинграда знакомились с творчеством прославленного Штутгартского балета (ФРГ). Его гастроли были приурочены к выставке «Промышленность и техника земли Баден—Вюртемберг». Наибольший интерес вызвал трехактный балетный спектакль «Онегин», поставленный в 1965 г. одним из основателей театра, талантливым английским балетмейстером Джоном Кранко на музыку П. И. Чайковского (аранжировка и оркестровка композитора Курта-Хайнца Штольце).

«По мотивам романа А. С. Пушкина» — читаем в программе. При этом Дж. Кранко, как автор сценария, допускает некоторые отступления от известного оперного либретто, а в музыке мы не услышали ни одной цитаты из знаменитой оперы Чайковского. Вот что пишет по этому поводу в гастрольном проспекте К.-Х. Штольце: «Я воспользовался другими произведениями композитора и большую часть музыки аранжировал сам. Моя цель заключалась в том, чтобы облечь драматический замысел в масштабные музыкальные формы. С одной стороны, эти формы должны были обеспечить развитие сюжета, а с другой — включать короткие музыкальные номера, на которые легко ставить танцы. Особенно подошли для этой цели фортепианные произведения Чайковского: они-то и составляют около трех четвертей музыки спектакля. Использован, в частности, цикл „Времена года“. Кроме того, в партитуру включены две арии, хор и несколько инструментальных номеров из оперы „Черевички“. Тема увертюры-фантазии „Ромео и Джульетта“ положена в основу дуэта Онегина и Татьяны в 1-м акте, а вторая часть симфонической поэмы „Франческа да Римини“ составляет большую часть их дуэта в 3-м акте».

Советские зрители тепло приняли спектакль. Большой успех выпал на долю исполнительницы роли Татьяны прима-балерины Марсии Хайды,

являющейся сейчас художественным руководителем Штутгартского балета. Ей удалось создать запоминающийся и романтический образ пушкинской героини: «Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна...».

Постановку в целом отличает «почтительное», тактичное отношение к самому духу великого романа; оно проявилось, в частности, в декорациях и частично в костюмах (сценография Юргена Розе). Не случайно каждую картину (их шесть в спектакле) предварял прозрачный второй занавес, на котором блистал позолоченный, обрамленный лавровым венком «заветный вензель О да Е».

А. М. Букалов

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ 1984 ГОДА

В Ульяновском областном краеведческом музее открылась выставка гравюр «Спутники Пушкина» (по материалам фондов Государственного музея Пушкина в Москве).

(«Гудок», 12 января)

В Московском доме ученых состоялся литературно-музыкальный вечер «Салон пушкинской поры».

(«Советская культура», 7 февраля)

Заслуженный художник РСФСР Владимир Вагин создал цикл иллюстраций к книге Пушкина «Эпиграммы», которая готовится в Пермском книжном издательстве.

(«Советская культура», 9 февраля)

Традиционное торжественно-памятное собрание, посвященное 147-й годовщине со дня гибели Пушкина, состоится в зале Академической капеллы имени М. И. Глинка.

(«Вечерний Ленинград», 9 февраля)

В Доме культуры в г. Пушкинские Горы состоялся традиционный вечер памяти поэта, в фойе к этому дню была открыта тематическая выставка произведений псковского художника-графика Валентина Васильева.

(«Псковская правда», 10 февраля)

В конференц-зале Музея дружбы народов состоялся литературный вечер памяти Пушкина.

(«Заря Востока» (г. Тбилиси), 16 февраля)

В Государственном музее А. М. Горького показана программа, основанная на письмах Пушкина (исполнитель артист Ленинградского театра комедии В. Гвоздицкий, автор и режиссер К. Гинкас).

(«Горьковский рабочий», 24 февраля)

С передвижной выставкой Московского государственного музея Пушкина познакомились жители Южно-Сахалинска.

(«Советская культура», 10 марта)

Мастера Палеха во главе с заслуженным художником РСФСР Р. Белосусовым выполнили монументальную роспись на тему сказок Пушкина в зале, одной из классных комнат и вестибюле школы № 353 имени Пушкина.

(«Вечерняя Москва», 21 марта)

В деревне Выра Гатчинского района в музее «Дом станционного смотрителя» открылась выставка «Из истории отечественной почты».

*(«Смена» (г. Ленинград), 4 мая;
«Ленинградская правда», 22 мая)*

Цирковое представление «Руслан и Людмила» показано в Кишиневе. Режиссеры А. Шаг и А. Сонин, композитор О. Хромушин, художник Р. Юношева, балетмейстер К. Ласкари.

(«Молодежь Молдавии», 17 мая)

XVII Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии открылся в столице Северной Осетии Орджоникидзе. В деревне Захарово Московской области открылась областная выставка детского рисунка; на солнечной поляне собрались сотни и сотни людей; ребята из московской школы № 353 показали зрителям «Сказку о рыбаке и рыбке». На Псковской земле праздник открылся в областном драматическом театре имени Пушкина. В Калининне состоялись праздник Пушкинской улицы и литературный вечер в областной библиотеке имени Горького. Праздник прошел в аллеях рощи «Лучинник» и в комнатах музея-усадебки поэта в селе Б. Болдино, на «Поляне Земфиры» в селе Пушкино Молдавской ССР. В деревне Суйда Ленинградской области на одном из домов установлена мемориальная доска о пребывании здесь предков поэта, Ганнибалов. Мемориальная доска с датой посещения Пушкиным города открыта на фасаде Оренбургского краеведческого музея. В селах Берды и Татищево прошли праздничные торжества. В городе Торжке Калининской области состоялось массовое гуляние на старинном городском бульваре, на площади Пушкина у памятника поэта.

Празднества в Пушкинских Горах на Псковщине начались возложением венков к могиле поэта; в Успенском соборе состоялся концерт мастеров искусств Москвы и Ленинграда. Литературный праздник состоялся на поляне в Михайловском; здесь выступили советские писатели и гости из-за рубежа, в их числе победители традиционного конкурса «Памятник Пушкину», ежегодно проводимого в Чехословакии. В селе Сасовка Кировоградской области открыта мемориальная доска о пребывании Пушкина, отпраздновавшего здесь свое 25-летие. Большая группа оренбургских и московских литераторов проехала пушкинским маршрутом, выступив перед жителями Переволоцкого и Илецкого районов. В Калининской области пушкинские торжества состоялись в селах Грузины, Никитское, Колявинское, Погорелое Городище; главным событием стал праздник в селе Берново, где в парке было показано театрализованное представление «Берновский сказ» при участии самодеятельных коллективов Вышневолоцкого, Старичского, Калининского, Весьегонского и Максатинского районов области. В пейзажной части Александровского парка (г. Пушкин Ленинград-

ской области) Оперной студией консерватории была представлена опера А. С. Даргомыжского «Русалка». Всесоюзный Пушкинский праздник состоялся также в Новгороде, в Гатчинском парке Ленинградской области, в Кургане, в Яропольце и деревне Плотаве Московской области, в Полотняном заводе Калужской области, в Языково Ульяновской области, в Перми, Гурауфе, Кемерово, Ростове, Одессе, Чебоксарах, Тбилиси, Свердловске, Новосибирске, Йошкар-Оле, Челябинске, Махачкале, Смоленске, Львове, в г. Майском Кабардино-Балкарской АССР, в Иркутске, на трассе БАМа. В Москве в праздничные дни пушкинские строки звучали в Государственном музее Пушкина, на московских заводах и предприятиях, в Центральном доме литераторов, в Центральном доме работников искусств, в Центральном доме художников, в ЦПКиО имени Горького. В кинотеатрах столицы состоялся тематический показ «Я памятник себе воздвиг...». Торжества завершились в Колонном зале Дома союзов.

«Правда», 22 мая, 3, 6, 7 июня; *«Известия»*, 22 мая и 6 июня; *«Комсомольская правда»*, 30 мая; *«Московскийсомолец»*, 1 июня; *«Псковская правда»*, 1, 2, 3 и 5 июня; *«Калининская правда»*, 2, 3, 6 июня; *«Знамя»* (г. Калуга), 2 июня; *«Гатчинская правда»*, 2 июня; *«Советская Россия»*, 2 и 3 июня; *«Горьковский рабочий»*, 4 и 5 июня; *«Советское Зауралье»* (г. Курган), 5 июня; *«Сельская жизнь»*, 5 июня; *«Ленинградская правда»*, 5 июня; *«Молодежь Молдавии»*, 5 июня; *«Смена»* (г. Ленинград), 6 июня; *«Вечерний Ленинград»*, 6 и 8 июня; *«Ульяновская правда»*, 6 июня; *«Советская Молдавия»*, 6 июня; *«Звезда»* (г. Пермь), 6 июня; *«Московская правда»*, 6 и 7 июня; *«Ленинское знамя»* (г. Москва), 6 июня; *«Кузбасс»* (г. Кемерово), 6 и 9 июня; *«Южный Урал»* (г. Оренбург), 6 июня; *«Литературная Россия»*, 6 и 15 июня; *«Вечерний Ростов»*, 7 июня; *«Заря Востока»* (г. Тбилиси), 7 июня; *«Вперед»* (г. Пушкин Ленинградской обл.), 7 июня; *«Вечерний Новосибирск»*, 7 июня; *«Марийская правда»*, 8 июня; *«Советская Чувашия»*, 8 июня; *«Вечерний Свердловск»*, 8 июня; *«Литературная газета»*, 8 и 13 июня; *«Рабочий путь»* (г. Смоленск), 9 июня; *«Челябинский рабочий»*, 9 июня; *«Рабочая газета»* (г. Киев), 10 июня; *«Новые рубежи»* (г. Одинцово Московской обл.), 12 июня; *«Кабардино-Балкарская правда»*, 13 июня; *«Литературная газета»*, 13 июня; *«Львовская правда»*, 19 июня;

«Рабочий путь» (г. Смоленск), 20 июня;
«Восточно-Сибирская правда» (г. Иркутск), 23 июня и 10 июля)

«Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина перевел на родной язык первый нивхский писатель Владимир Санги.

(«Правда», 29 мая)

Новый цикл учебной редакции «В мире пушкинской поэзии» открыт двумя телепередачами «Изобразительное искусство в творчестве Пушкина» (ведущий — доктор филологических наук Ю. Лотман, редактор Ю. Дialeктова, режиссер Л. Хмельницкая).

(«Советская культура», 29 мая и 4 августа)

Кинорежиссер Андрей Хржановский создал мультипликационный фильм-трилогию по рисункам Пушкина: «Я к вам лечу воспоминаньем», «И с вами снова я», «Осень».

(«Известия», 31 мая; «Учительская газета», 11 декабря)

На ленинградском радио записана опера композитора Сергея Осколкова «Граф Нулин» (автор сценария Т. Крамарова, исполнители Т. Новикова, О. Корженская, Б. Васильев, А. Морозов; текст читает И. Дмитриев; симфонический оркестр Ленинградской филармонии под управлением Р. Лютера).

(«Говорит и показывает Москва», 1 июня;
«Вечерний Ленинград», 6 июня)

В залах музея-квартиры имени А. М. Горького открылась выставка заслуженного художника РСФСР Д. Д. Арсенина, посвященная 185-й годовщине со дня рождения Пушкина. Свой очередной сезон Горьковская филармония завершила в Кремлевском концертном зале концертом-спектаклем по опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтапе» (постановка н. а. РСФСР Л. С. Дроздовой).

(«Горьковская правда», 2 июня)

В Институте языка и литературы имени А. С. Пушкина АН Узбекской ССР состоялась традиционная восьмая научная конференция, посвященная проблемам пушкинского наследия. В парках Ташкента и в «Саду поэзии» у памятника А. Навои прошли литературные вечера с участием известных узбекских литераторов. Большой концерт состоялся в концертном зале «Бахор».

(«Правда Востока», 5 июня)

Новый телевизионный художественно-документальный фильм «Болдинская бессонница» создан на Горьковской студии телевидения (авторы фильма И. Смоктуновский, Ю. Беспалов, Г. Молокин, музыка С. Стравова).

(«Горьковский рабочий», 4 июня; «Советская культура», 12 июня и 4 августа;
«Литературная Россия», 15 июня)

Выпущена в обращение памятная монета достоинством в 1 рубль в связи со 185-летием со дня рождения А. С. Пушкина.

(«*Известия*», 6 июня)

В магазине-салоне «Ленинград» открылась выставка «Пушкин в экслибрисах», на которой представлено около 150 произведений миниатюрной графики.

(«*Вечерний Ленинград*», 8 июня)

В Алушкинском дворце-музее открыта экспозиция «Кабинет Онегина».

(«*Рабочая газета*» (г. Киев), 10 июня;

«*Труд*», 15 июня)

Директор Государственной библиотеки ЧССР Карел Козелек и директор Пражской Славянской библиотеки Иржи Вацек передали в дар Государственному музею Пушкина 95 книг из «Библиотеки Смирдина».

(«*Московская правда*», 7 июня; «*Советская культура*», 9 июня; «*Литературная Россия*», 15 июня)

Письма, наброски статей и другие материалы, принадлежащие перу лицейского товарища поэта Ивана Малиновского, дополнили коллекцию Изюмского историко-краеведческого музея. Экспонаты подарены правнучкой лицеиста московской художницей Н. Мошковой.

(«*Рабочий путь*» (г. Смоленск), 9 июня)

Центральное телевидение показало новый хроникально-документальный фильм «Дома у Пушкина» (ведущие — академик Д. С. Лихачев и хранитель Музея-квартиры Пушкина Н. И. Попова, режиссер Дм. Чуковский, оператор М. Голдовская).

(«*Советская культура*», 12 июня и 4 августа; «*Литературная Россия*», 15 июня; «*Советская Россия*», 21 июня)

Центральное телевидение показало пушкинский выпуск телеальманаха «Поэзия».

(«*Советская культура*», 12 июня; «*Литературная Россия*», 15 июня)

В Москве, в Институте востоковедения АН СССР прошла научно-теоретическая конференция, посвященная распространению творчества Пушкина в странах Востока.

(«*Горьковский рабочий*», 21 июня)

На Центральном телевидении поставлен телеспектакль «Метель» (сценарист и режиссер П. Фоменко, в ролях — П. Медведева, В. Тарамаев, В. Симонов и др.).

(«*Литературная Россия*», 22 июня; «*Советская культура*», 4 августа)

За четыре с половиной месяца выставку «Пушкин и его время в изобразительном искусстве XIX и XX веков» посетило свыше 150 тысяч человек.

(«Ленинградская правда», 19 июля; «Советская Россия», 18 июля; «Вечерний Ленинград», 17 июля; «Ленинградский рабочий», 20 июля; «Советская культура», 1 сентября; «Литературная газета», 5 сентября; «Смена», 14 сентября; «Известия», 15 сентября)

В Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина открыта выставка произведений Пушкина в переводах на языки народов, живущих на азиатском и африканском континентах.

(«Вечерний Ленинград», 13 июля)

Свердловская областная организация Всероссийского добровольного общества любителей книги, областное управление культуры и Дворец культуры железнодорожников организовали выставку коллекционера Г. И. Щекутова «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы», посвященную 185-летию со дня рождения Пушкина.

(«Вечерний Свердловск», 26 июля)

Издательство «Аврора» выпустило комплект открыток «Рисунки А. С. Пушкина».

(«Вечерний Ленинград», 7 сентября; «Правда», 13 сентября)

В г. Пушкинские Горы прошла традиционная Пушкинская конференция, посвященная 160-й годовщине со дня приезда поэта в Михайловское.

(«Псковская правда», 22 августа; «Пушкинский край» (г. Пушкинские Горы), 21 августа)

На гастролях в Москве Горьковский театр оперы и балета показал две одноактные оперы Алексея Николаева — «Пир во время чумы» и «Граф Нулин» и балет Валерия Кикты «Дубровский».

(«Известия», 22 августа)

В г. Котону, бенинской столице, состоялся вечер, посвященный Пушкину. Вечере приняли участие представители общественности Бенина, выпускники советских вузов, слушатели действующих в Котону курсов русского языка.

(«Советская культура», 25 августа)

В Выборгском краеведческом музее открыта выставка работ художников А. И. Кравченко и О. Г. Манюкова, посвященная 185-летию со дня рождения Пушкина.

(«Выборгский коммунист», 11 октября)

В Лицее, филиале Всесоюзного музея Пушкина, прошло традиционное торжественное заседание, посвященное лицейской годовщине 19 октября.

(«Ленинградская правда», 20 октября)

В день 19 октября состоялся вечер в Государственном музее Пушкина.

(«Вечерняя Москва», 19 октября)

В Выставочном зале г. Смоленска открылась передвижная экспозиция Всесоюзного музея Пушкина (г. Ленинград) «Портрет и пейзаж пушкинского времени».

(«Рабочий путь» (г. Смоленск), 10 ноября)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Рисунок А. С. Пушкина в рукописи плана поэмы об Олеге. (ПД, № 831, л. 46). (С. 10).
 2. Рисунок А. С. Пушкина в рукописи стихотворения «Воспоминание». (ПД, № 838, л. 15). (С. 14).
 3. Рисунок А. С. Пушкина в рукописи стихотворения «Воспоминание». (ПД, № 838, л. 15). (С. 15).
 4. Перечень книг из библиотеки Полотняного завода (последние четыре наименования вписаны рукой А. С. Пушкина). (Гос. музей А. С. Пушкина, Москва). (С. 70).
 5. Фрагмент письма С. Г. Чирикова к С. Д. Комовскому от 6 сентября 1814 г. (ПД, ф. 244, оп. 25, № 188). (С. 91).
 6. Список стихотворения «Известно буди всем...». (ПД, ф. 244, оп. 25, № 285). (С. 92).
 7. Маскарадный костюм. Акварельный рисунок неизвестного. (ПД, № 785). (С. 169).
-

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Л. 51**
Абрамович С. Л. 29
Аврелий Виктор (Aurelius Victor) 93—97
Агранович С. З. 29
Акимова Т. М. 29
Аксаков А. Т. 67
Аксаков С. Т. 67
Алеви Ж.-Ф.-Э. см. Галеви Ж.-Ф.-Э.
Александр Николаевич, вел. кн., впоследствии Александр II 83
Александр I 83, 108
Алексеев 171
Алексеев М. П. 29, 124, 128, 139
Алексеев О. А. 40
Алпатов М. В. 149
Альми И. Л. 120
Альтшулер М. С. 179
Алябьева А. В., в замужестве Киреева 170
Алянский Ю. Л. 29
Амусин И. Д. 93
Аникушин (Anikushin) М. К. 30, 44, 178
Анненков П. В. 7, 29, 56, 73, 93, 110, 124, 131, 133, 170, 173
Антокольский П. Г. 29
Апраксин С. С. 56
Арапова А. П., урожд. Ланская 84
Арина Родионовна см. Яковлева А. Р.
Аринин В. 29
Ариосто Л. 16, 18, 20, 26
Аристофан 20
Арсенин Д. Д. 30, 184
Аруэт см. Вольтер
Арьев А. 29
Асафьев Б. В. 37
Асоян А. А. 30
Афанасьев А. Н. 44, 75
Ахилл см. Батюшков К. Н.
Ахматова А. А. 30, 104—106, 124, 146, 147
Ашукин Н. С. 57, 60
Бабаев Э. Г. 30
Багно В. Е. 177
Баевский В. С. 45
Бажан М. П. 51
Бажанов Ю. К. 43
Байрон Дж.-Н.-Г. 94, 96, 108
Бакиханов Аббас-Кули ага (псевд.— Гудси) 30
Бакиханова Г. 30
Бакунович Э. А. 30
Балакин П. 30
Балашова И. А. 30
Бальби А.-Ж., де 138
Бальзак О., де 158—160
Банчакова Е. 30
Баранская Н. В. 41
Баратынский Е. А. 9, 47, 57—59, 165, 172, 175, 178
Баратынский С. А. 57, 58
Барклай де Толли М. Б. 150—157
Бартенев П. И. 50, 54, 67, 84, 89, 90, 173
Баршт К. А. 6
Баскаков В. Н. 29
Баскин М. П. 124
Батурич 43
Батюшков К. Н. 21, 121—129, 164, 167, 168
Бах Р. Р. 48
Бек де Фуquier (Becc de Fouquieres) Л. 102, 105—107
Беккер, скрипач 64
Белая Е. В. 30, 51
Белинский В. Г. 30, 114, 119, 121—123, 132, 133
Белкин Д. И. 128, 129
Белоусов А. Ф. 31
Белоусов Р. 182
Белоусов Р. С. 30
Белькинд В. С. 30
Беляев М. Д. 171, 174
Белянкин Ю. 30
Бенкендорф А. Х. 9, 63, 65, 69, 71, 75, 78, 85

- Берг Н. В. 172, 173
 Березенская Т. П. 34
 Березкин Г. С. 30
 Березкина С. В. 46
 Бернаскопи Л. 30
 Беспалов Ю. 38, 184
 Бестужев А. А. (псевд. — А. Мар-
 линский) 135
 Билибин И. Я. 28
 Бицилли П. М. 139
 Благово Д. Д. 137
 Благой Д. Д. 44, 144, 149
 Блок А. А. 49
 Бобрищевы-Пушкины 52
 Богач Г. Ф. 11, 30, 180
 Богданович И. Ф. 50
 Боголепов П. К. 147
 Богуславский В. М. 125
 Божор Ю. И. 126
 Возырев В. С. 45
 Войко С. А. 30
 Болдырев И. Д. 31
 Большаков Л. Н. 42
 Бокий И. С. 37
 Бонами З. А. 51
 Бонди С. М. 9, 31, 39, 43, 114, 119,
 146
 Борев Ю. Б. 144, 146, 147
 Борисова М. Б. 37
 Бородин А. П. 27, 28
 Борский Б. см. Томашевский Б. В.
 Боулс (Bowles) У. 48
 Бочаров И. Н. 177
 Бочаров С. Г. 31, 125
 Браиловский С. Н. 102
 Бродская Г. Ю. 31
 Брунов Ф. И. 39
 Брыгин Н. 122
 Брюллов А. П. 176
 Брюллов К. П. 172
 Брюс Я. В. 126
 Бугрина Н. А. 31
 Будагов Р. А. 31
 Будный Симон 72
 Букалов А. М. 31, 51
 Букчин С. В. 32
 Булахов П. А. 61, 62
 Булгаков А. Я. 61, 65—67, 170
 Булгаков К. А. 65
 Булгаков К. Я. 66, 170
 Булгаков Н. Н. 122
 Булгарин Ф. В. 18, 149, 156
 Бурджанадзе К. В. 32
 Бурсов Б. И. 36
 Буслаев Ф. И. 177, 178
 Бутовская И. Б. 32
 Бутурлин М. П. 49
 Буш Э. (Busch E.-H.) 167
 Быстров Д. Д. 32
 В. В. см. Волегов В. А.
 Вагин В. В. 181
 Вагнер Р. 73—76
 Вадковский Ф. Ф. 77, 80
 Вайнштейн О. Б. 163
 Вальтер, музыкант 59
 Васильев, гр. 53, 65
 Васильев А. В. 56, 65
 Васильев Б. 184
 Васильев В. 181
 Васильев И. В. 32
 Васильев М. Е. 32
 Васильев Н. Л. 32
 Васильчиков С. А. 42
 Ватаману И. И. 180
 Вацек И. 185
 Вацуро В. Э. 71
 Вебер К.-М., фон 26
 Веласкес Д., Родригес де Сильва 45
 Веленгурин Н. Ф. 32
 Вельтман А. Ф. 68
 Вельяшева Е. В., в замужестве
 Жандр 9
 Венгеров С. А. 129
 Вeneвитинов А. В. 175, 178
 Вeneвитинов Д. В. 178
 Вeneвитинов М. А. 175
 Венкстерн А. А. 71
 Верейский О. Г. 37
 Вересаев В. В. 32, 58, 84, 85, 87, 170
 Верещагина Л. В. 71
 Верстовский А. Н. 26
 Веселовский А. Н. 126
 Вивьен Ж. 172
 Вигель Ф. Ф. 56, 61, 140
 Видова О. И. 32
 Виельгорская А. М., в замужестве
 Вeneвитинова 175
 Виельгорский И. М. 83
 Виельгорский М. Ю. 175
 Виланд Х.-М. 16, 18
 Виленчик Б. Я. 32
 Вилянова Ф. И. 41
 Виноградов В. В. 142
 Винокуров Е. М. 32
 Воеводин П. И. 32
 Воейков А. Ф. 16—18, 21
 Волегов В. А. 42
 Волков А. А. 54
 Волков В. А. 42
 Волконская З. А. (Wolkonsky Z.),
 урожд. кн. Белосельская-Белозер-
 ская 53, 177, 178
 Волконская М. Н., урожд. Раевская
 53
 Волконский С. Г. 53
 Волович Н. М. 32, 45
 Володин В. 41
 Вольперт Л. И. 124
 Вольтер (наст. фам. — Ф.-М. Аруэ)
 16, 20, 124, 125

- Воронцов М. С. 11, 46, 155
 Воронцова Е. К. 44
 Востоков А. Х. 51
 Враницкий П. 26
 Вульф Ал. Н. 11, 62, 128
 Вульф Ан. И. 62
 Вульф Ан. Н. 44, 62
 Высочина Е. 32
 Вяземская А. А. см. Римская-Корсакова А. А.
 Вяземская В. Ф., уржд. кн. Гагарина 60, 63, 64, 68, 85
 Вяземский, кн. 65
 Вяземский А. Н. 64, 65
 Вяземский П. А. 17, 33, 47, 52, 55, 59—61, 63—65, 83—87, 133, 137, 161, 167, 168, 170, 171
 Вяземский П. П. 64
 Гаджиев А. Д. 33
 Галеви (Алеви) Ж.-Ф.-Э. (наст. фам. — Э. Леви) 49
 Ганкевич 65
 Ганнеман С. 168
 Ганнеман Ф. 167, 168
 Ганнибал А. П. (Ибрагим) 39, 51, 111, 113, 123—130
 Ганнибал В. П. 111, 112
 Ганнибал И. А. 108, 109
 Ганнибал М. А., уржд. Пушкина 108—110
 Ганнибал М. В., в замужестве Куротова 111
 Ганнибал Н. О. см. Пушкина Н. О.
 Ганнибал О. А. 109, 110
 Ганнибал П. А. 110—113
 Ганнибалы 182
 Гансинец Р. 162, 163
 Ганшин В. 33
 Гаспаров М. Л. 33
 Гвоздицкий В. 181
 Гдалин А. Д. 177
 Гейтман Е. (Г.-И.) 172
 Гейченко С. С. 33, 34, 49, 51
 Геннади Г. Н. 74
 Гербель Н. В. 73—76
 Герен П.-Н. 170
 Герстель, певица 64
 Герцен А. И. (псевд. — Искандер) 30, 58, 74—76
 Герцог Орлеанский см. Филипп II Орлеанский
 Гесс де Кальви Г. Г. 142
 Гессен А. И. 33
 Гетман А. 40
 Гиллельсон М. И. 122
 Гинева Е. 33
 Гинкас К. 181
 Гишпаус Г.-А. (Г. Ф.) 175
 Глаголев А. Г. 17
 Глазунов А. К. 28
 Глинка М. И. 23—28, 43, 130—136
 Глушакова Ю. П. 177
 Гнедич Н. И. 17, 36, 168, 175
 Гоголь Н. В. 36, 40, 42, 48, 120, 149
 Голдовская М. Е. 185
 Голенищев-Кутузов Л. И. 149, 151, 152, 156
 Голенищев-Кутузов М. И., светл. кн. Смоленский 150, 151, 153—157
 Голиков И. И. 29
 Голицын В. Д. 141
 Голицын В. М. 174
 Голицын Д. В. 60, 136, 170
 Голицына Н. П., уржд. Чернышева 136—142
 Головин А. Я. 28
 Гончаров А. Н. 42
 Гончаров Д. Д. 71, 72
 Гончаров И. Н. 56, 65
 Гончаров С. Н. 64, 65
 Гончарова А. Н., в замужестве бар. Фризенгоф 61, 62, 64, 65
 Гончарова Е. Н., в замужестве бар. Дантес-Геккерн 61, 62, 64
 Гончарова Н. И. уржд. Загряжская 42, 62, 65, 66, 69
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
 Гончаровы 61, 62, 69, 71, 72, 171, 179
 Гопштейн Н. Г. 33
 Гораций Квинт Флакк 69, 72
 Гордин А. М. 34, 78
 Гордин М. А. 33, 34
 Гордин Я. А. 36
 Горелов А. Е. 33
 Горобцова Л. Г. 3
 Горсткин И. Н. 59
 Горсткина Е. И., уржд. Озерова 59
 Горсткина С. Н., в замужестве кн. Щербакова 59
 Горфункель А. Х. 33
 Горчаков В. П. 68
 Горшков А. И. 33
 Горяев В. Н. 51
 Гофман Э.-Т.-А. 163
 Грабарь И. Э. 33, 176
 Гравин Д. А. 33
 Гребенникова Л. 34
 Грегор В. Э. 46
 Грехнев В. А. 31, 34, 122
 Греч Н. И. 149, 153, 156
 Грибоедов А. С. 119
 Григорьев К. 51
 Григорьян К. Н. 34, 43, 88
 Грот К. Я. 89, 90
 Грот Я. К. 90
 Гудси см. Бакиханов А.-К.
 Гуковский Г. А. 36, 45
 Гурвич И. А. 120
 Гуревич А. М. 34
 Гусев В. И. 34

- Гусев П. 38
 Гуткевич С. Г. 34
 Гущо О. Р. 34
 Гюго В. 158, 159
- Давыдов Д. В. 8
 Давыдов И. И. 34
 Давыдов П. Л. 44
 Давыдов С. И. 26
 Даль В. И. 78, 144
 Данзас Б. К. 60
 Дантес-Геккерн Е. Н., бар. см. Гончарова Е. Н.
 Даргомыжский А. С. 34, 183
 Дашкова Е. Р. 66
 Двизария Г. А. 82
 Делиль Ж. 18
 Делорм И. см. Сент-Бев Ш.-О.
 Дельвиг А. А. 18, 57, 77, 128, 175
 Дельвиг С. М., уродж. Салтыкова, во втором браке Баратынская 57
 Денисова И. В. 34
 Дерюгина Л. В. 33
 Дешан Э. 107
 Джрбашян Э. М. 34
 Дзаппи Дж.-Б.-Ф. 103
 Диалектова Ю. 184
 Дибич И. И. (И.-А.) 81
 Дивов В. А. 80—82
 Дмитриев В. В. 28
 Дмитриев И. 184
 Дмитриев И. И. 62
 Добровольская В. 34
 Долгорукий А. С. 170
 Долинина Н. Г. 119
 Домогацкая С. П. 34
 Домогацкий В. Н. 34
 Дондуков-Корсаков М. А. 156
 Дону П.-К.-Ф. 106, 107
 Доризо Н. К. 35, 44
 Дорогаич А. Д. 180
 Досифей, инокия (в миру — кн. А. Тараканова) 50
 Достоевский Ф. М. 6, 68
 Доу Дж. 44
 Дроздова Л. С. 184
 Дудин М. А. 45
 Дуров В. А. 42
 Дурова Н. А. 42
 Дьяков 53, 54
 Дьяков А. Н. 53
 Дьяков П. Н. 53
- Евгеньева Г. 35
 Евдокимова В. 35
 Евстафьева Т. Н. 31
 Егорова Б. 35
 Егунов А. Н. 142
 Екатерина II 62, 108, 109
- Елена Павловна, вел. кн., уродж. Фредерика-Шарлотта-Мария, принцесса Вюртембергская 149, 150, 157
 Емельянов Б. 35
 Емельянова В. В. 47
 Енишерлов В. П. 51
 Еплатко Ю. 35
 Еремин Б. 51
 Ершов И. В. 28
 Ефрем Сирин 98—100
 Ефремов П. А. 74, 131
- Жанен Ж.-Г.** 141
Жанлис (Genlis) С.-Ф., уродж. гр. Дюкре де Сент-Обен 141
 Жаркевич Н. М. 35
 Жегене П.-Л. 105
 Жижина А. Д. 35
 Жуи В.-Ж.-Э., де 107
 Жуйкова Р. Г. 6, 11
 Жукова Е. 35
 Жуковский В. А. 16, 18, 21—23, 33, 34, 38, 46, 63, 85, 133, 135, 164, 167
 Жюльен М.-А. 107
- Забирохин Б. 47
 Заблоцкий Н. А. 45
 Завадская Е. 35
 Завалиевский Н. С. 56
 Завьялова Л. Д. 35
 Загвозкина В. Г. 9
 Загорный Н. Н. 132
 Загоскин М. Н. 44, 53, 56
 Задоркина Л. М. 35
 Зайцева В. В. 3
 Занд К.-Л. 9, 11
 Зарубин-Чика И. Н. 42
 Засецкая В. А. 67
 Заславский И. Я. 35, 46
 Згура В. В. 171
 Зеличенко Б. 35
 Зельдович М. Г. 35
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Зенон Китийский 153
 Зильберштейн И. С. 35, 51, 171
 Зобов Ю. С. 36
 Золотонос М. А. 36
 Золотусский И. П. 36
 Зражевская А. В. 159—161
 Зубков В. П. 67
 Зубкова А. Ф., уродж. Пушкина 67
 Зубкова Н. П. 67
 Зыков А. 40
- Иванов С. В.** 33
 Иванова Л. 173

- Иванова Л., воспитанница П. А.
Ганнибала 112
Иванчук И. А. 36, 51
Игорь, вел. кн. киевский 11
Иезуитова Р. В. 71
Измайлов Н. В. 31, 142—144, 146—
148, 152
Иконников А. Н. 89
Икрами Д. Д. 36
Илличевский А. Д. 88—90
Иннокентий (в миру — Коровин
Я. М.), ректор Псковской духов-
ной семинарии 42
Иогель П. А. 60
Ипсилянги А. К. 11
Исаев Е. А. 36
Исаков Я. А. 74
Искандер см. Герцен А. И.
Искрин М. 29, 36
Ишимова А. О. 51
Ищук Г. Н. 36
- Кавос К. А. 26
Казаку Ф. К. 180
Казанова де Сейнгальт Дж.-Дж.
(Casanova de Seingalt J.) 137—139
Казанцев П. М. 42
Казарин В. П. 36
Калистро А. (наст. имя — Дж.
Бальзамо) 163
Камянов В. 36
Кандель Б. Л. 36
Кандинский А. И. 36
Кантакузин А. М. 11
Кантакузина Е. М., урожд. Дараган
11
Кантемир А. Д. 121—129, 144, 149,
160
Каразин Н. М. 50, 95, 126, 158, 165
Карл XII, король шведский 179
Карп П. 36
Карпенко А. И. 48
Карпентьер А. 36
Карпов А. А. 29
Карякин Ю. 44
Касьянова А. 36
Катанов В. М. 36
Кауэр Ф. 26
Кац Б. А. 37
Кацнельбоген А. Г. 37
Каченовский М. Т. 17
Кезина Т. Н. 45
Кеменов В. С. 37
Керв А. П., урожд. Полторацкая,
во втором браке Маркова-Вино-
градская 30, 54, 81
Герцелли Л. Ф. 30, 34, 37, 45, 46, 49
Кибальник С. А. 37
Кибрик Е. А. 37
Кикта В. 186
- Кипренский О. А. 176
Киреевский И. В. 37, 67
Киреевский П. В. 67
Киров Е. Ф. 37
Киселев В. А. 132
Кишкин Л. С. 177
Клеанф из Асса в Троеде 153
Клеопатра (Cléopâtre), царица егип-
етская 93—97
Ключевский В. О. 93, 120
Княжевич Д. М. 69, 71
Ковалева Н. Ю. 37
Коган Г. Ф. 72
Кожин А. А. 51
Кожин В. В. 122
Кожухова Е. 37
Козелек К. 185
Козлов И. И. 104
Кока Г. М. 150, 154
Колмогоров А. Н. 37
Кологривов П. А. 60
Кологривова П. Ю. 60
Кологривова С. В. 37
Колосова Н. А. 37
Комов О. К. 31
Комовский С. Д. 90, 91
Кондильяк Э.-Б., де 125
Констан де Ребек Б. 107, 124
Константинова-Витт Н. Г. 37
Кончаловская Н. П. 37
Кончаловский П. П. 37
Кончин Е. В. 37
Коншина Е. Н. 173
Корганов В. Д. 130, 131
Корженская О. 184
Коржов С. 78
Корниенко Н. Г. 37
Корнилович А. О. 123
Коровин В. И. 46, 49
Коровин К. А. 28
Коровин Я. М. см. Иннокентий
Корсакова А. А. см. Римская-Кор-
сакова А. А.
Корф М. А. 90
Косачевская Е. М. 37
Костелянец Б. О. 48
Костин В. М. 38
Котельников В. А. 37, 47
Коцебу А.-Ф.-Ф., фон 66
Коцебу О. Е. 9
Кочубей А. В. 142
Кошанский Н. Ф. 94
Кошелев А. И. 67, 81
Краваль Л. 38
Кравченко А. И. 186
Крамарова Т. 184
Кранко Дж. 180
Краснобородько Т. И. 71
Краснов Г. В. 38
Краснопольский Н. С. 26
Красухин Г. Г. 38

- Краусова И. В. 47
 Крутов А. 148
 Кручина-Богданов В. И. 41
 Крылов И. А. 26, 51, 85
 Кувалина С. С. 38
 Кузнецова А. А. 31, 38
 Кукольник Н. В. 134, 135, 174, 176
 Кулешов В. И. 38
 Куликов Н. И. 62
 Кумок Я. Н. 38
 Кунин В. В. 35, 38, 81, 174
 Куницын А. П. 42
 Купала Янка (псевд. Луцевича И. Д.) 30
 Куприянова Н. И. 109
 Курбатов В. Я. 38
 Кусов Г. И. 30
 Кутузов М. И. см. Голенищев-Кутузов М. И.
 Кутырин М. Д. 36
 Кучеров Р. 33
 Кюхельбекер В. К. 8, 72—82, 107, 145
 Кюхельбекер М. К. 82
 Кюхельбекер Ю. К. 82
- Лавров В. 38**
 Лавров (наст. фам. — Чиркин) Н. В. 62
 Лаврова Д. Я., урожд. Сабурова 62
 Лакшин В. Я. 38
 Ламуаньон К.-Ф., де 140
 Лангле Л.-М. 107
 Ланской А. С. 170
 Лапкина Г. А. 38
 Ларош Г. А. 24
 Ласкари К. 182
 Латуш А., де 98, 102—104, 106, 107
 Лацис А. 38, 39
 Левкович Я. Л. 39, 71, 123
 Легченков А. В. 74
 Леед Г. А. 39, 128
 Ленгольд П. 131
 Леонов Л. М. 48
 Лепехин И. И. 158
 Лермонтов М. Ю. 32, 35, 39, 40, 52, 86, 121
 Лернер Н. О. 136, 150, 161—163, 174
 Лесохина Э. И. 123
 Лефевр-Демье Ж.-А. 107
 Либрович С. Ф. 171, 174
 Ливанова Т. Н. 132
 Линев И. Л. 29
 Липранди И. П. 42, 179
 Листов В. С. 31
 Литвин Е. Ю. 39
 Литвиненко Л. 180
 Лифанов Е. 26
 Лифарь С. М. 35
 Лихачов Д. С. 39, 45, 51, 185
- Лихоткин Г. А. 39
 Лобанов М. Е. 158—161
 Лобанов-Ростовский А. Я. 142—144
 Лобанов-Ростовский Д. И. 80
 Ломоносов М. В. 47, 123
 Лосиевский И. 51
 Лотман М. Ю. 39
 Лотман Ю. М. 29—31, 34, 36, 87, 116, 118, 120, 162, 163, 184
 Лохманова М. Ф. 38
 Лувель П.-Л. 9, 11
 Лукницкий П. Н. 104
 Люблинский П. И. 109
 Людовик XV, король французский 137
 Людовик XVI, король французский 138, 140
 Лютер Р. 184
 Лядов А. К. 28
- Мазепа (Калединский) И. С. 179
 Мазон А. 51
 Майбурова Е. 34
 Майков Л. Н. 57
 Майкова К. А. 137
 Маймин Е. А. 31, 34, 39, 116
 Майстров Л. Е. 39
 Макаров И. К. 46
 Макогоненко Г. П. 38, 39, 48, 119
 Максетов К. 39
 Малени А. И. 93
 Малиновский А. Д. 40
 Малиновский И. В. 96, 185
 Малов М. Я. 57
 Мальчукова Т. Г. 40
 Мамонов А. И. 40, 48
 Мандельштам О. Э. 118
 Манзей К. 53
 Манзей Н. Л. 35
 Манликова М. X. 40
 Манн Ю. В. 40
 Мануйлов В. А. 40, 55, 149, 151, 152
 Манюков О. Г. 186
 Марацман В. Г. 40, 47
 Марат Ж.-П. 9, 11
 Мария-Антуанетта, королева французская 138
 Мария Федоровна, имп. 60
 Маркевич С. А. 154
 Маркович В. М. 121
 Марку Ш. 61, 64
 Масловская Л. 40
 Массов, фон, певица 64
 Мацапура В. И. 48
 Мацевич Арсений 69
 Маяковский В. В. 43
 Медведева И. Н. 119
 Медведева П. 185
 Межов В. И. 130—132
 Мейлах Б. С. 40

- Меккер, арфист 65
 Мелас, певица 59
 Мельникова И. 28
 Мериме П. 49
 Месмер Ф.-А. 139
 Местр Кс., де 37
 Месхи И. С. 40
 Мещерский А. А. 53, 56, 65
 Мещерский П. А. 56, 61, 65, 171
 Мещерский Э. П. 47
 Милка А. П. 40
 Михаил Павлович, вел. кн. 77
 Михайлов М. Л. 75
 Михайлова Н. И. 29, 31, 39
 Мицкевич А. 9, 33, 61
 Модзалевский Б. Л. 55, 57, 63—65,
 67, 72, 94, 96, 97, 130, 131, 134, 136
 Модзалевский Л. Б. 41, 102, 110, 111,
 149, 151, 152, 169
 Молокин Г. 184
 Монтескье Ш.-Л., барон де Секонда
 122, 124—129
 Мордовченко Н. И. 133
 Морини, певец 61, 62
 Морозов А. 184
 Морозов В. Д. 40
 Морозов П. О. 129
 Москвичева Г. В. 31
 Моцарт В.-А. 26
 Мошкова Н. 185
 Муленкова В. Ф. 41, 51
 Муравьев М. Н. 123
 Муравьева О. С. 40, 41
 Мурадян И. В. 41
 Муратова К. Д. 121
 Мурьянов М. Ф. 162, 163
 Мусин-Пушкин В. А. 84—86
 Мусина-Пушкина Э. К., урожд.
 Шернваль фон Валлен 84—86
 Мусины-Пушкины 52
 Мусоргский М. П. 24
 Мучник Г. М. 41
 Мюллер В. 26
 Мясников А. С. 41
 Мясоедова, домовладелица 57
 Мясоедова Н. Е. 31, 41, 45

 Набоков (Nabokov) В. В. 161—163
 Навои Алишер 184
 Нагибин Ю. М. 41
 Назарова Г. И. 41
 Назарова Л. Н. 40
 Наполеон I Бонапарт 151, 155
 Нардова В. А. 41
 Нарышкин И. А. 63
 Насибулин Э. Х. 33, 38
 Насурлаева З. 39
 Нащокин П. В. 45, 50, 62, 65, 86,
 136, 141, 172
 Невелев Г. А. 41, 147, 148

 Неелова А. 112
 Нежданова А. В. 28
 Некрасов Н. А. 41, 49
 Немзер А. С. 41
 Немрович-Дагченко В. И. 41
 Непомнящий В. С. 36, 41, 46, 87,
 106, 120
 Нечаева В. С. 84
 Нечаева Н. С. 71
 Нечкина М. В. 59
 Никаноров В. В. 41
 Никитин А. Г. 42
 Никишов Ю. М. 42, 119
 Николаев А. А. 35, 186
 Николаев Д. П. 42
 Николаев Е. В. 42
 Николаев Н. И. 33
 Николаева Е. Г. 31
 Николай Михайлович, вел. кн. 141
 Николай I 63, 64, 75, 77, 80, 83, 85,
 87, 88, 102, 108, 150, 151, 158, 159
 Николюкин А. Н. 31
 Новиков, фельдъегерь 77, 80
 Новиков Вл. 48
 Новикова А. А. 32
 Новикова Т. 184
 Новосильцев, домовладелец 56
 Нодье Ш. 107, 160, 161
 Норов Авр. С. 61, 65, 81, 82
 Норов Ал. С. 61, 65, 81
 Норов В. С. 80—82
 Норов Д. С. 61, 65
 Норов С. А. 82
 Норовы 81, 82
 Носик А. 42
 Носик Б. 42
 Нурмухамедов М. К. 39, 42, 48

 Оберкирх (Oberkirch), баронесса 139
 Оболенский М. А. 171, 173
 Овидий Назон Публий 167
 Овчинников Р. В. 42
 Овчинникова С. Т. 42
 Оганян Л. Н. 43
 Огарев Н. П. 74
 Огонь-Догановский В. С. 9
 Одоевский В. Ф. 27, 43, 51, 85, 133
 Озерецковская И. С. 43
 Озеров 59
 Озеров Л. А. 43
 Оксман Ю. Г. 43, 108
 Окуджава Б. Ш. 38
 Олег Вещий, первый вел. кн. киев-
 ский 10, 11
 Оленина А. А., в замужестве Андро
 172
 Ольга, вел. кн. киевская 11
 Ольденбургский П. Г., принц 158
 Онегин (Отто) А. Ф. 38, 168, 170,
 171

- Орав Т. 43
 Орлова А. А. 134
 Осетров Е. И. 43
 Осипов Ю. И. 43
 Осипова П. А., урожд. Вындомская,
 в первом браке Вульф 94, 97, 113
 Осколков С. 184
 Осповат А. Л. 43
 д'Оссен, графиня 138
 Очер см. Строганов П. А.
 Очерет Л. 51
- Павел I 62, 83
 Павлицев Л. Н. 110, 111
 Павлицева О. С., урожд. Пушкина
 108, 111, 112
 Павлов Н. Ф. 68
 Павлова Е. В. 35, 37, 40, 43, 174,
 175, 179
 Панаев В. И. 21
 Панин П. И. 137
 Панкратова И. Л. 43
 Панова Е. А. 43
 Пантелеев В. М. 43
 Паперный З. С. 43
 Парни Э.-Д., де 16
 Парчевский Г. Ф. 9
 Паскевич-Эриванский И. Ф., гр.,
 светл. кн. Варшавский 60
 Пассек Т. П. 58, 59
 Пастухова Л. Н. 44
 Паустовский К. Г. 44
 Пашков С. И. 53, 55, 67, 68
 Пашнина Г. В. 44
 Певзнер Л. И. 51
 Перовская С. Л. 42
 Перовский В. А. 42
 Перовский В. Л. 42
 Петр I 36, 68, 109, 122—129, 143—
 145, 149
 Петров О. А. 28
 Петров С. М. 44
 Петрова А. Я. 28
 Петрунина Н. Н. 94, 150—152, 155,
 156
 Петряев Е. Д. 44
 Писарев Д. И. 114, 119
 Плетнев П. А. 59, 85, 104, 133
 Плотникова В. А. 51
 Погодин М. П. 54, 56, 61, 173, 174
 Подгорный П. Г. 72—76, 78—81
 Поджио А. В. 77, 80
 Поздняев М. 44
 Покровский М. М. 93, 94
 Полевой Н. А. 64
 Полевой К. А. 64
 Полежаев А. И. 31, 50
 Поленов В. А. 158
 Поленова И. В. 44
 Поливанов А. Ю. 65
- Поливанов Л. И. 71
 Полиньяк Д., де 138
 Полонский Я. П. 178
 Полторацкий С. Д. 54, 59
 Попелюхер И. Л. 178
 Попов Ю. П. 44
 Попова Н. И. 31, 45, 185
 Потапов А. Н. 74, 81
 Потресов В. 51
 Прекин Г. 51
 Премет Л. 44
 Прийма Ф. Я. 34, 50
 Прожогин Н. П. 44
 Прокофьев А. А. 45
 Прокофьев С. С. 28
 Пропп В. Я. 44
 Проскурина В. Ю. 51
 Протасов Н. 50
 Протопопов В. В. 132
 Прохоров Ю. 30
 Пугачев В. В. 45
 Пугачев Е. И. 31, 42, 51
 Пузанева Т. Н. 36
 Пушкин А. Ф. 109, 110
 Пушкин А. Ю. 110
 Пушкин В. Л. 18, 39, 61, 62, 108
 Пушкин Л. С. 17, 57, 67, 69, 71, 111
 Пушкин М. А. 109, 110
 Пушкин С. Л. 108, 109, 111
 Пушкин Ю. А. 109, 110
 Пушкина М. А. см. Ганнибал М. А.
 Пушкина Н. Н., урожд. Гончарова,
 во втором браке Ланская 9, 31,
 35, 38, 39, 42, 46, 55, 56, 60—69, 83,
 84, 86—88, 169—172, 176
 Пушкина Н. О., урожд. Ганнибал
 109—111
 Пушкина О. С. см. Павлицева О. С.
 Пушкина С. Ю., урожд. Ржевская
 108—110
 Пушкины 30, 42, 52, 53, 55, 67
 Пуцин И. И. 44, 45, 47, 96
 Пьянов А. С. 45
- Рабинович М. Г. 45
 Рабкина Н. А. 136
 Радищев А. Н. 44, 45
 Раевский 53, 55
 Раевский В. Ф. 44
 Раевский Н. А. 45
 Раевский Н. Н. (старший) 55
 Раевский С. Д. 55, 56
 Раймунд Ф. 26
 Райт (Wright) Т. 174—176
 Раков Ю. 136
 Раменский Ал. Ал. 42
 Раменский Ант. Арк. 42
 Раменский А. П. 42
 Раменский П. Ф. 42
 Рассадин С. Б. 36, 45

- Рассовская Л. П. 29
 Редерер П.-Л., де 107
 Рейсер С. А. 83, 137
 Ремер Н. Ф. 83
 Ржевские 109
 Ржевский Ю. А. 109
 Римская-Корсакова А. А., в замужестве Вяземская 65
 Римский-Корсаков Н. А. 27, 28, 36, 43, 184
 Робер (Robert) Д.-Ш. 102
 Рогов В. Я. 45
 Родригес Л. 178
 Розе Ю. 181
 Розен Е. Ф. 85, 134
 Романова Р. М. 45, 46
 Романюк С. К. 57, 60
 Ромберг Б. 59, 81
 Ромм Ж. 141
 Россет А. О. см. Смирнова А. О.
 Россет Арк. О. 84, 85, 88
 Россини Дж. А. 56
 Руденская М. П. 45
 Руденская С. Д. 45
 Руднев А. 30
 Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. 93—97
 Рыбак С. А. 46, 180
 Рыбакова П. С. 134, 135
 Рылеев К. Ф. 6, 8, 82
 Рыльский М. Ф. 46

 Савин О. М. 46
 Саводник В. Ф. 136
 Сайтов В. И. 86, 87, 167
 Сайтанов В. А. 32, 35, 46
 Сакулин П. Н. 84
 Саллюстий, Гай Крисп 93
 Сальватти, певец 62
 Сальери А. 51
 Санги В. 184
 Сандомирская В. Б. 103, 122, 124, 129
 Сараскина Л. И. 46
 Сауков Г. И. 32
 Сауни С. А. 46
 Свербеев Д. Н. 68
 Свительский В. А. 41
 Свиязев И. 42
 Семевский М. И. 175
 Семенко И. М. 120, 122, 123
 Семенова Е. С., в замужестве кн. Гагарина 66
 Семенцова Э. Л. 46
 Сен-Жермен 137—139, 141
 Сенковский О. И. 27
 Сент-Бев Ш.-О. (псевд. — Иосиф Делорм) 107
 Сервантес де Сааведра М. 31
 Серман И. Э. 168
 Серов А. Н. 24

 Сидоренко Г. К. 46
 Сидоров Е. Ю. 46
 Сидяков Л. С. 31, 46, 123
 Сикар Л. 30
 Симакина Г. Ф. 112, 113
 Симанович Д. Г. 46
 Симонов В. 185
 Симянский Н. А. 130, 131
 Скатов Н. Н. 46, 47
 Скачкова С. В. см. Березкина С. В.
 Скотт В. 123
 Скриб Э. 49
 Скробов В. С. 46
 Слинина Э. В. 39, 44
 Слонимский А. Л. 45—47
 Слюсарь А. А. 45
 Смелков Ю. С. 47
 Смирдин А. Ф. 41, 185
 Смирнов Н. М. 87, 171
 Смирнова А. А. 48
 Смирнова А. О., урожд. Россет 51, 87, 88
 Смирнова Н. 51
 Смоктуновский И. М. 38, 184
 Смолицкий В. Г. 47
 Смольников И. Ф. 47
 Снытко Н. В. 47
 Соболевский С. А. 54, 57, 171—175
 Соколов П. П. 172, 173
 Соколов П. Ф. 175
 Соловей Н. Я. 47, 114, 116
 Солтанова Г. 180
 Сомов О. М. 32, 35, 141
 Сонин А. 182
 Сошиков В. С. 72
 Сорокин Ю. С. 126, 166
 Сосунов И. 40
 Софья Астафьевна 87
 Сперанский М. М. 42
 Ставская И. Ф. 180
 Старк В. П. 98, 100
 Стародуб К. В. 47
 Старцев А. И. 47
 Стеллиферовский П. 47
 Стелловский Ф. Т. 132
 Степанов Г. В. 29
 Степанова Г. В. 177
 Степунин И. Г. 47
 Стефани 67
 Стефани А. Ф. 67
 Стравинский Ф. И. 28
 Стразов С. 184
 Страхов Н. Н. 47
 Стремухов (Strémoukhoff) Д. 104
 Стрельчик В. И. 51
 Стрижак Н. Г. 48
 Строганов А. П. 155
 Строганов М. В. 47
 Строганов П. А. (Очер) 42, 141, 155
 Строганова Е. Н. 47
 Строев 53

- Строев П. М. 56
 Субботин В. Е. 47
 Судяченко М. О. 87
 Султанова Г. Д. 47
 Сурис Б. 47
 Сухотина С. 47
- Тамарченко Н. Д. 48
 Тарамаев В. 185
 Тарасов Б. Н. 48
 Тартаковская Л. А. 48
 Тархов А. Е. 120, 146—148, 162, 163
 Тархова Н. А. 29, 31, 45
 Тассо Т. 9, 16
 Тацит, Кай Корнелий 93, 94
 Телетова Н. К. 109
 Терехов П. Е. 43, 48
 Терехов Д. 48
 Тимофеев Л. И. 146
 Титаренко Е. Я. 40
 Титов, кларнетист 65
 Титов В. П. 143, 147
 Тихомирова М. А. 48
 Тойбин И. М. 48
 Толстой, гр., домовладелец 57
 Толстой Л. Н. 30, 32, 36, 47
 Толстой («Американец») Ф. И. 62, 65
 Томашевский Б. В. (псевд. — Борский Б.) 16, 55, 88—90, 92, 95, 96, 101, 111, 141, 143, 176
 Тропинин В. А. 33, 56, 171—174, 176
 Трофимов (Trofimoff) А. 178
 Трофимов И. Т. 150, 178
 Трофимова Н. П. 48
 Трубе Л. Л. 48, 51
 Трубецкой Б. А. 180
 Трубников А. А. 136
 Туев В. 48
 Туманский В. И. 102, 104, 106—108
 Турбат Т. 37
 Тургенев А. И. 51, 59, 84—86, 149, 167, 168, 178
 Тургенев И. С. 38, 121
 Турдыев Ш. 48
 Турьян М. А. 48
 Тынянов Ю. Н. 42, 45, 48, 107, 150
 Тюнькин К. И. 30
 Тюпа В. И. 31
 Тютчев Ф. И. 164
- Уваров С. С. 108, 157, 158
 Удямова Н. 177
 Удом И. Ф. 44
 Унковский А. М. 90
 Урнов Д. М. 32
 Уткин Н. И. 176
 Ухтомский 61
 Ухтомский А. И. 61
- Ушаков В. Н. 55, 61
 Ушаков И. Н. 55, 61
 Ушаков Н. В. 55, 61
 Ушакова Ек. Н. 54, 55, 61
 Ушакова Ел. Н. 55, 61
 Ушакова М. А. 170
 Ушакова С. А. 55, 61
- Фазылов Э. И. 48
 Файнштейн М. Ш. 161
 Файолль Л. 107
 Фальконе Э.-М. 36
 Февчук Л. П. 49
 Федоровская Л. 38
 Фейнберг И. Л. 51
 Фетис Ф.-Ж. 26
 Фетисов Н. 88
 Фикельмон Д. Ф., урожд. кн. Тизенгаузен 137
 Филатов Н. Ф. 49, 51
 Филипп II Орлеанский 125
 Филиппова Л. П. 45
 Филиппова Н. Ф. 49
 Фирдоуси Абулькасим 36
 Фоменко П. 47, 185
 Фомичев С. А. 3, 48, 49, 71, 99, 131, 134, 146, 163
 Фонвизин Д. И. 137
 Фонтенель Б. ле Бовье, де 124—126
 Фрелих В. 49
 Фридрих, комендант Шлиссельбурга 81
 Фридкин В. М. 49, 178
 Фридлиндер Г. М. 29
 Фридман Н. В. 122, 123
 Фризенгоф А. Н., бар. см. Гончарова А. Н.
 Фризман Л. Г. 49
 Фрумкина А. И. 3
- Хаев Е. С. 31
 Хазин М. Г. 180
 Хайда М. 180, 181
 Хализев В. Е. 31, 43
 Харчев В. В. 49
 Хасаншин Х. Г. 49
 Хаханашвили Ц. Н. 49
 Хвостов Д. И. 61, 62
 Хмельницкая Л. 184
 Холмогорова Е. 49
 Хомяков А. С. 64
 Храповицкий 57
 Хренков Д. Т. 49
 Хржановский А. Ю. 49, 50, 184
 Хромушин О. 182
- Цветаева М. И. 31, 115
 Цинский Л. М. 86

- Цыпина Н. 35
 Цявловская (Зенгер) Т. Г. 6, 9, 14, 15, 41, 89, 102, 131, 134, 169
 Цявловский М. А. 41, 55, 77, 101, 102, 130, 131, 167, 169
- Чаадаев П. Я. 48
 Чавчавадзе И. Г. 32
 Чайковский П. И. 24, 27, 37, 40, 48, 180
 Чаренц Е. 34
 Чегодарь Н. И. 40
 Черейский Л. А. 47, 55—57, 61, 65, 67, 68, 80—82, 167, 177, 178
 Черемисина Н. В. 49
 Чернецов Г. Г. 175
 Чернов А. Ю. 11, 148
 Черный-Диденко Ю. (наст. фам. — В. Л. Диденко) 49
 Чернышев П. Г. 137
 Чириков С. Г. 88—92
 Чичерин Г. В. 39
 Чубуков Е. В. 49, 50
 Чуковский Д. Н. 43, 185
 Чулков В. И. 50
 Чулков Н. П. 63
 Чумаков Ю. Н. 45
- Шавшукова Н. Л. 33
 Шаг А. 182
 Шаляпин Ф. И. 28
 Шамаро А. А. 50
 Шапошников Б. В. 71, 72, 177
 Шапф д'Отрош Ж. 42
 Шарафадина К. И. 50
 Шаркова Т. 50
 Шарлемань А. И. 22
 Шарышкин Д. М. 142
 Шатобриан Ф.-Р., де 104, 105
 Шахвердов С. А. 39
 Шахматов А. А. 51
 Шаховской А. А. 26
 Шварцбанд С. 144
 Швейцер М. А. 50
 Шевченко Т. Г. 172
 Шевырев С. П. 178
 Шекспир У. 41, 50, 74, 93
 Шелгунов Н. В. 75
 Шелгунова Л. П. 75
 Шендолле Ш.-Ж.-Л., де 106
 Шенье А.-М., де (André Chénier) 98—108
 Шенье К.-Кс., де 106
 Шенье Л.-С., де 106
 Шенье М.-Ж.-Б., де 106
 Шепелева Н. С. 41
 Шергин Б. В. 50
 Шереметев И. П. (?) 126
 Шереметов П. С. 136
- Шереметьева В. П. 79
 Шернваль фон Валлен А. К., в первом браке Демидова, во втором браке Карамзина 85, 86
 Шернваль фон Валлен Э. К. см. Мусина-Пушкина Э. К.
 Шешин А. Б. 82
 Шикман А. 50
 Шиллер И.-К.-Ф. 73, 78
 Шипов 53, 55
 Ширинский-Шихматов П. А. 158
 Шишков А. С. 158, 159
 Шлегель А.-В. 166
 Шлифштейн С. И. 135
 Шлихтер Б. А. 137
 Шляпкин И. А. 38
 Шокальский Ю. М. 32
 Солохов С. Л. 50
 Шольц А. Е. 48
 Шпаков П. 180
 Шрейдер Ю. А. 37
 Штольце К.-Х. 180
 Штранге М. М. 141
 Шуберт Ф. Ф. 148
 Шубин Б. М. 42
 Шубин В. Ф. 148
 Шульгин Д. И. 56, 57
 Шульц, арфист 65
 Шумаков Ю. 50
 Шумихин С. В. 3
 Шустрова Т. И. 50
- Щеглов И. Л. 72
 Щеголев П. Е. 39, 55
 Щекутов Г. И. 186
 Щербатов П. П. 107
 Щербинина А. М. 66
- Эдлингер К. Ф. 35
 Эйдельман Н. Я. 50, 74, 75, 112, 113
 Эйдин Л. З. 122
 Эльзон М. Д. 59, 81
 Энгельгардт Л. Н. 59
 Эпштейн Е. 41
 Эфрос А. М. 5—7
- Юношева Р. 182
 Юргенсон Г. А. 51
 Юрченко Н. 51
 Юсупов Н. Б. 137, 170
- Языков Д. И. 158, 159
 Языков Н. М. 164
 Яковлев 142, 143
 Яковлева А. Р. 43, 83
 Якубович Д. П. 55, 94, 123, 142
 Якубович Л. А. 67, 68

Якушкин Е. И. 74
Яновский Н. М. 164
Янькова Е. П. 137

Anikushin см. Аникушин М. К.
Aurélius Victor см. Аврелий Виктор
Boiteau d'Ambly P. 138
Bowles см. Боулс У.
Cléopâtre см. Клеопатра
Cornwall В. (псевд. Проктера Б.-У.)
48

Lebois A. 141
Martin 108
Milman 48
Montesquieu см. Монтескье Ш.-Л.
Muset-Pathay V. D. 95
Rousseau J. J. см. Руссо Ж.-Ж.
Strémoukhoff см. Стремухов Д.
Trofimoff см. Трофимов А.
Wilson G. P. 48
Wolkonsky Z. см. Волконская Э. А.
Wright T. см. Райт Т.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

Аделе («Играй, Адель») 23, 135

Анджело, поэма 8

Андрей Шенье («Меж тем, как изумленный мир») 56, 105

Анчар («В пустыне чахлой и скупой») 29

«Арап Петра Великого» 7, 30, 44, 109, 111, 121—130

Арион («Нас было много на челне») 37, 105

«Баратынский» («Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов») 9

Бахчисарайский фонтан 25, 33

«Беги, сокройся от очей» см. Вольность. Ода

«Близ мест, где царствует Венеция златая» 101, 103, 104

Борис Годунов, трагедия 24, 31, 34, 37, 41, 42, 47, 49, 54, 93, 105, 106

Братья разбойники, поэма 11

«Была пора: наш праздник молодой» 42, 50

«В пустыне чахлой и скупой» см. Анчар

«В стране, где я забыл тревоги прежних лет» см. Чедаеву

«...Вновь я посетил» 40, 48

«Во глубине Сибирских руд» 41

Вольность. Ода («Беги, сокройся от очей») 42

Вольтер 123

«Воображаемый разговор с Александром I» 42

Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день») 13—15, 40

Выстрел (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 31

«Где наша роза» см. Роза

«Горишь ли ты, лампада наша» см. «Из письма к Я. Н. Толстому»

Городок («Прости мне, милый друг») 95

Граф Нулин, поэма 35, 184, 186

«Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую» см. Художнику

Гусар («Сребрницей чистил он коня») 32

19 октября («Роняет лес багряный свой убор») 45, 96, 184

Джон Теннер 31, 47

«Дневник 1833—1835 гг.» 42

Домик в Коломне, поэма 8, 13, 49

Дубровский 46, 186

«Дуров — брат той Дуровой...» см. Table-talk

«Духовной жаждою томим» см. Пророк

Евгений Онегин 24, 27, 29—32, 34—36, 38, 39, 42, 45, 47—49, 51, 60, 62, 97,
105, 106, 111, 113—121, 130, 154, 155, 161—166, 180, 181, 185
Египетские ночи 94, 95
Ермак, поэма (несуществленный замысел) 42

«Желал я душу освежить» см. «Я ехал в дальние края»
Жуковскому («Когда, к мечтательному миру») 50

«Завидую тебе, питомец моря смелый» 9
Заздравный кубок («Кубок янтарный») 23, 135
<Заметка «О графе Нулине»> 47
<Заметка о холере> 38
<Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинни-
кова> 50
«Зачем твой дивный карандаш» см. То Dawe, Esqr.

«Играй, Адель» см. Аделе
<Из автобиографических записок> 110, 111, 113
Из Пиндемонти («Не дорого цену я громкие права») 101, 153
<Из письма к Я. Н. Толстому> («Горишь ли ты, лампада наша») 184
Из А. Шенье («Покров, упитанный язвительною кровью») 44
Из Vagyu Cogdwall («Пью за здравие Мери») 23, 135
«Известно буди всем» 88—90
История Петра 42
История Пугачева 31, 42, 50, 55

К*** («Нет, нет, не должен я, не смею, не могу») 133
К*** «Керн» («Я помню чудное мгновенье») 23, 30, 43
К вельможе («От северных оков освобождаю мир») 137, 170
К моей чернильнице («Подруга думы праздной») 44, 161, 163, 165
К морю («Прощай, свободная стихия!») 39
К Чадаеву («Любви, надежды, тихой славы») 47, 186
Кавказский пленник, повесть 8, 17, 32, 33
«Как ныне сбивается вещей Олег» см. Песнь о вещем Олеге
Калмычке («Прощай, любезная калмычка») 42
Камчатские дела см. <Заметки при чтении «Описания земли Камчатки»
С. П. Крашенинникова>
Капитанская дочка 7, 31, 36, 37, 39—41, 43, 44, 69
Кинжал («Лемносской бог тебя сковал») 8, 11
Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии») 42
Клеопатра («Чертог сиял. Гремели хором») 93, 94, 96, 97
«Когда великое свершалось торжество» см. Мирская власть
«Когда для смертного умолкнет шумный день» см. Воспоминание
«Когда, к мечтательному миру» см. Жуковскому
«Когда порой воспоминанье» 13
«Коль ты к Смирдину войдешь» 41
«Кубок янтарный» см. Заздравный кубок

«Лемносской бог тебя сковал» см. Кинжал
«Любви, надежды, тихой славы» см. К Чадаеву

Маленькие трагедии 49, 50
Медный всадник. Петербургская повесть 8, 24, 31—33, 36, 38, 40, 42, 43,
46, 69, 123, 142—149
«Меж тем, как изумленный мир» см. Андрей Шенье

Мери см. Из Barry Cornwall

Метель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина) 45, 47, 185

Мирская власть («Когда великое свершалось торжество») 153

Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной 153, 160

«Мой первый друг, мой друг бесценный» см. «И. И. Пущину»

Моцарт и Саллери 32, 156

Моя родословная («Смеясь жестоко над собратом») 50

«Мы проводили вечер на даче...» 93—95, 97

«На Воронцова» («Певец-Давид был ростом мал») 8

«Над лесистыми берегами» см. Цыганы

«Напрасно ахнула Европа» 42

«Напрасно я бегу к сионским высотам» 105

«Нас было много на челне» см. Арлон

«Не дорого ценю я громкие права» см. Из Пиндемонти

«Не пой, красавица, при мне» 23, 134, 135

Нереида («Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду») 135

«Нет, нет, не должен я, не смею, не могу» см. К***

«Ночной зефир» 23

«О боги мирные полей, дубров и гор» 100

О Дурове («Дуров — брат той Дуровой...») см. Table-talk

«О «Путешествии в Сибирь» Шапша д'Отроша» 42

«О романах Вальтера Скота» 123

«О чем шумите, вы, народные витии» см. Клеветникам России

«Об Андре Шенье» 104, 105

Объяснение («Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале...») 149, 154, 155

«Одна черта руки моей» 11

«Однажды странствуя среди долины дикой» см. Странник

«Октябрь уж наступил — уж роща отряхает» см. Осень (Отрывок)

«Он между нами жил» 9

Осень (Отрывок) («Октябрь уж наступил — уж роща отряхает») 13, 44

«От северных оков освобождая мир» см. К вельможе

«Отцы пустынноики и жены непорочны» 98—100

«Певец-Давид был ростом мал» см. «На Воронцова»

Первая программа записок см. «Программа автобиографии»

Песнь о вещем Олеге («Как ныне собирается вещей Олег») 10, 11, 28

Пиковая дама 24, 37, 40, 42, 49, 51, 62, 136—139, 141—142

Пир во время чумы 35, 186

План поэмы об Олеге см. Песнь о вещем Олеге

Повести покойного Ивана Петровича Белкина 47, 48

«Погасло дневное светило» 42

«Подруга думы праздной» см. К моей чернильнице

«Подъезжая под Ижоры» 9

«Пока меня без милости бранят» см. Домик в Коломне

«Покров, упитанный язвительною кровью» см. Из А. Шенье

Полководец («У русского царя в чертогах есть палата») 45, 149—158

Полтава, поэма 8, 31, 32, 59

Признание («Я вас люблю, — хоть я бешусь») 23, 133, 135

«Программа автобиографии» 108, 109

Пророк («Духовной жаждою томим») 32

«Прости мне, милый друг» см. Городок

«Прощай, любезная калмычка» см. Калмычке

«Прощай, свободная стихия!» см. К морю

Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. 33, 48, 123

И. И. Пуцину» («Мой первый друг, мой друг бесценный») 44
«Пью за здравие Мери» см. Из Barry Cornwall

Рифма («Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней») 130, 134
Роза («Где наша роза») 23

«Роняет лес багряный свой убор» см. 19 октября
Рославлев 44

Российская Академия 160

Рукою Пушкина 41, 69

«Румяный критик мой, насмешник толстопузый» 39

«Русалка», драма 34, 183

Руслан и Людмила, поэма 8, 14, 16—28, 36, 41, 46, 47, 62, 135, 176, 182

«Сажу за решеткой в темнице сырой» см. Узник

Сказка о золотом петушке 36

Сказка о рыбаке и рыбке 42, 182, 184

Сказка о царь Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе
Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди 43, 184

Сказки 39, 44, 49, 182

«Скребницей чистил он коня» см. Гусар

«Смеясь жестоко над собратом» см. Моя родословная

Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского 32

«Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду» см. Нерезида

Станционный смотритель (Повести покойного Ивана Петровича Белкина)
31, 34, 50

Странник («Однажды странствуя среди долины дикой») 153

«Тазит», поэма 8

К. А. Тимашевой («Я видел вас, я их читал») 42

«У русского царя в чертогах есть палата» см. Полководец

Узник («Сажу за решеткой в темнице сырой») 41

«Участь моя решена. Я женюсь...» 45

Художнику («Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую») 154

Цыганы («Над лесистыми берегами») 48

Цыганы, поэма 8, 33

Чедаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет») 125

«Чертог сиял. Гремели хором» см. Клеопатра

«Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеней» см. Рифма

«Я вас люблю, — хоть я бешусь» см. Признание

«Я видел вас, я их читал» см. К. А. Тимашевой

«Я ехал в дальные края» 46

«Я здесь, Инезилья» 23, 130—136

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный» 51, 183

«Я помню чудное мгновенье» см. К*** «Керн»

Table-talk 42, 62

To Dawe, Esqr. («Зачем твой дивный карандаш») 172

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
І. МАТЕРИАЛЫ И СТАТЬИ	
С. А. Фомичев. Рисунки Пушкина и творческий процесс	5
Л. Г. Горобцова. «Руслан и Людмила» Пушкина и Глинка	16
ІІ. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Пушкиниана 1984 года	29
С. В. Шумихин. А. С. Пушкин в Российском Благородном собрании в Москве	52
ІІІ. СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ	
А. И. Фрумкина. Новый автограф Пушкина	69
С. Н. Коржов. Новое о встрече Пушкина и В. К. Кюхельбекера на почтовой станции Залазы	72
А. А. Алексеев. «...упек меня в камер-пажи под старость лет...»	83
С. Л. Абрамович. Об одной ошибке комментаторов	83
Н. Н. Петрунина. Из комментария к пушкинским текстам. 1. Лицейская надпись Пушкина; 2. Пушкин, Ж.-Ж. Руссо и Аврелий Виктор	88
Е. П. Гречаная. Пушкин и А. Шенье (две заметки к теме)	98
А. М. Гордин. Из текстологических заметок. 1. Первая программа записок (к истолкованию плана); 2. Отрывок дневниковой записи 19 ноября 1824 г.	108
И. Л. Альми. Татьяна в кабинете Онегина	113
Д. И. Белкин. «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова и «Арап Петра Великого» Пушкина	121
М. Д. Эльзон. Из комментария к «Евгению Онегину»	130
А. В. Кулагин. Когда впервые было опубликовано стихотворение «Я здесь, Инезилья...»	130
В. А. Мильчина. Записки «пиковой дамы»	136
В. Ф. Шубин. К топографии поэмы «Медный всадник»	142
В. П. Старк. К истории создания стихотворения «Полководец»	149
М. Ш. Файнштейн. Вокруг одной статьи Пушкина	158
М. В. Безродный. Еще раз о пушкинском «магическом кристалле»	161
В. А. Кошелев. Пушкин и «пастор Ганнеман»	167
<u>Т. К. Галушко</u> . Об одной псевдопушкинской подписи к рисунку	168
Т. Г. Александрова. Две заметки о портретах Пушкина. 1. Портрет работы В. А. Тропинина; 2. Портрет работы Т. Райта	171

IV. ХРОНИКА

От Рима до Гаваны (новые сведения о памятниках Пушкину за рубежом)	177
Памятник Пушкину в г. Бендеры	179
Балет «Евгений Онегин» на штутгартской сцене	180
По страницам газет 1984 года	181
Список иллюстраций	188
Указатель имен	189
Указатель произведений Пушкина	201

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ

В ы п у с к 22

*Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*
Технический редактор *Л. И. Каряева*
Корректоры *Л. М. Бова* и *Л. В. Наместникова*

ИБ № 33143

Сдано в набор 30.03.88. Подписано к печати 5.12.88.
М-42162. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13.0. Усл. кр.-от. 13,18. Уч.-изд. л. 16.19.
Тираж 8800. Тип. зак. № 285. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ**

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117192 Москва**, Мичуринский пр., 12. Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7. Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»

*или в ближайший магазин «Академкнига»,
имеющий отдел «Книга — почтой»:*

- 480091 Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199034 Ленинград, Таможенный пер., 2;
194064 Ленинград, Тихорецкий пр., 4;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино, Московской обл., ул. Победы, 8;
142292 Пушино, Московской обл., МР «В», 1;
620161 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
634050 Томск, Академический пр., 5;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720000 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).